

Загадки топонимики
Лев Успенский

Лев УСПЕНСКИЙ

МОСКВА
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
1973

4
У77

Издание второе

Художник Б. ЖУТОВСКИЙ

6-2
118-73

Язык до Киева доведет.

Народная пословица

МЯКИЛУОТО

Книги начинают с предисловий: так удобнее... Но мне пришло в голову: а что, если попробовать на сей раз начать «просто так», с существа вопроса?

Кто помешает мне, если так уж это понадобится, заменить предисловие «средисловием»?..

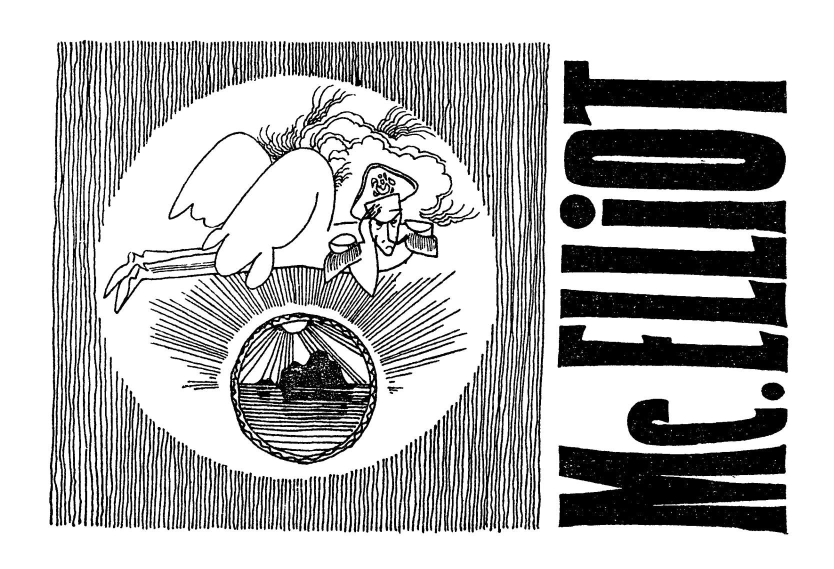
И вот на чистой первой странице я написал странное слово: МЯКИЛУОТО.

Оно пришло ко мне из очерка Владимира Александровича Рудного «Маяк Каллбода»; он был напечатан в 1965 году.

Рудный в дни войны был одним из самых смелых и инициативных военных корреспондентов на флоте. Он опубликовал свои — тех дней — поденные записи и ряд позднейших очерков о местах, где ему пришлось воевать и куда посчастливилось попасть уже в послевоенное время.

«Мякилуото, — прочел я. — ...Сорок первый год. Тяжелые походы из Таллина в Кронштадт, из Кронштадта — назад к устью Финского залива. И всегда это зловещее имя: Мякилуото. Остров, на котором стояла сильная, далеко достающая батарея. Проскочил Мякилуото — порядок! Идешь на траверзе — берегись крупных фугасов... Какая-то там есть могила давней поры — то ли времен Крымской войны, то ли от более поздних сражений, могила англичанина Мак-Эллиота, вряд ли приходившего в чужие воды с добром.

Может быть, с могилой связано имя зловещего ост-

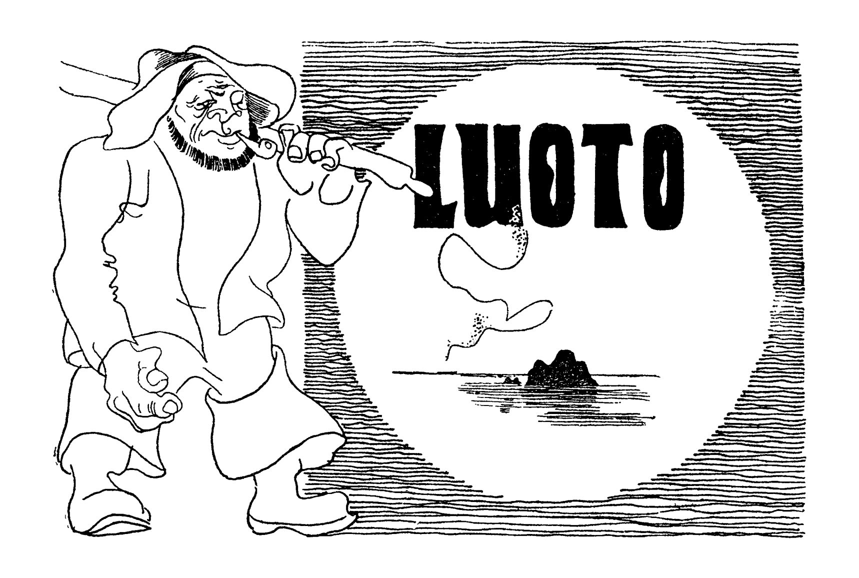

рова? Уж больно схожи имена острова и англичанина, на нем погребенного. Кто знает, возможно, оно и так: я потом видел на острове и намогильную плиту, и руины старинных бастионов... Но сейчас я предчувствовал иное: после этого глыбистого гранита откроется Каллбода...»

Сложная штука — наше восприятие окружающего мира.

Смотрите: бывалый воин в шестидесятых годах оказался там, где ему пришлось переживать тяготы боев года сорок первого. Все настораживает его: он еще ничего не видит, он только слышит, слышит имя места: Мякилуото. И пятисложное звукосочетание уже вызывает в нем смутную тревогу. Имя кажется ему зловещим. За ним встает представление о скалистом островке с расположенной на нем тяжелой вражеской батареей. Малый корабль пробирается по лабиринту шхер. Орудийные стволы грозят ему смертью. Снаряды заставляют суденышко брать мористее, а там — минное поле... Ночь, тяжкий гул, всплески разрывов, свист осколков, опасность. И все это — Мякилуото...

«Я услышал название, и что-то тревожное шевельнулось в памяти...»

Но почти одновременно то же самое имя напоминает автору очерка и совершенно другие вещи. «Там есть могила англичанина Мак-Эллиота... Может быть, с могилой связано имя зловещего острова?»

Смотрите: самый остров уже отошел куда-то в сторону. Осталось его название. Но в то же время — хотя только что как раз оно, это имя, казалось «зловещим», теперь «зловещим» представляется уже самый остров: мрачный колорит оторвался от имени и прикрепился к тому, что оно называет. Там было «зловещее имя», тут стало «имя зловещего острова».

Переставшее само по себе вызывать тревогу, имя порождает совсем другие чувства. Любопытство, живой интерес: что оно значит?

Конечно, военный корреспондент и писатель Рудный, можно поручиться, не специалист по науке об именах мест; нечего от него требовать глубоко научного исследования одного из них. Но, как каждому любознательному человеку, ему трудно перенести видимую бессмысленность любого названия, даже заведомо иноязычного. Любое непонятное географическое имя мешает спокойно жить. Оно «шерстит», как грубошерстный шарф, раздражает, как попавшая в обувь песчинка.

Рудному вспоминается: «На острове том есть могила». На могиле — надгробная плита. И как будто на плите обозначено, что под нею погребен английский офицер Мак-Эллиот. По-видимому, моряк, закончивший свой жизненный путь «далеко-далеко от Типперери», в чуждом море, у враждебных берегов. Когда? Может быть, в 1854—1855 годах, когда корабли адмирала Нэпира маячили перед Свеаборгом и Кронштадтом?.. Возможно, в 1919 году: англичане и тогда шарили тут, пытаясь задушить на корню революцию...

«Кто знает, возможно, оно и так...» — пишет Рудный, нетопонимист.

Но я-то давно уже живо интересуюсь топонимикой. И теперь предположения Рудного начинают беспокоить, «шерстить» уже меня: «А возможно ли?»

С одной стороны — да: Мак-Эллиот, Мякилуото... Очень похоже! Но в то же время тот, кто вслушается в название, может заметить: что-то уж очень по-фински оно звучит.

Что значит «звучит по-фински»?

Я пишу эти строки в поселке на Карельском перешейке, который сейчас именуется Комарово. До Великой Отечественной войны он носил финское имя КЕЛЛОМЯКИ. По-фински оно значило «колокольная гора». Довольно ясно: «мяки» — гора, и имена, в которые входит «мяки», всего вероятнее — финские.

Но тогда становится очень существенным вопрос: а «луото», не значит ли и оно чего-либо по-фински?

Я смотрю в словарь и обнаруживаю: «luoto» — подводная скала, риф, каменистый островок. «После этого глыбистого гранита откроется Каллбода...» — записал Рудный.

Совпадение с неким значением одного из элементов, составляющих имя места, еще ни от чего нас не страхует. Чудак, который, узнав географическое имя ФУДЗИЯМА, название вулкана, стал бы объяснять его тем, что на вершине каждого вулкана есть кратер, то есть русская «яма», тотчас же уперся бы во второй составной элемент — «фудзи». По-русски «фудзи» ничего не означает, приходится обращаться к японскому языку: там оно значит «огонь», «пламя», «огненный». А «яма» по-японски, наоборот, — гора.

Два элемента уже что-то доказывают.

Ну что же, все стало ясным: Рудный не прав, и дело о Мак-Эллиоте, так сказать, «закрыто»?

Ничуть не бывало: оно только начинается.

Давайте рассуждать «натрое», а может, и «начетверо».

Самое простое предположение таково: был среди тысяч островков в финских шхерах один никому не нужный и неинтересный. Люди «называют» только то, что привлекает их внимание, в чем они кровно заинтересованы. О том, мимо чего проходят равнодушно, они иной раз упоминают и разве что описывают этот предмет, не присваивая ему никакого личного имени:

В море остров был крутой,
Не привальный, не жилой;
Он лежал пустой равниной,
Рос на нем дубок единый...

Помните, в «Сказке о царе Салтане»?

Не нужен никому «не привальный», «не жилой» остров, вот он и не назван. И нет у него имени. Но изменяются обстоятельства, и что-то привлекает к «пустой равнине» человеческое внимание. Неважно что: у берегов обнаружилось «ловкое место», на самом островке нашлась горшечная глина, кто-то взял да и поселился на нем и начал разбойничать. И тут сплошь и рядом безымянный островок переживает своеобразные «крестины». Вчера еще «рос на нем дубок единый», а сегодня он может уже стать «Дубовым островом», «Дубостровом», «островом Зеленым», «Маячным» (дуб-то стал маяком, приметой!). Да мало ли еще какое имя может к нему прилепиться? «Мимо острова Буяна...»

Вполне возможно, что и в нашем случае произошла такая же история. То, что раньше просто описывалось — мякилуото, «каменистый островок», — превратилось в некий момент в Мякилуото — остров, носящий такое собственное имя. Кругом уйма столь же каменистых рифов, но только один — Мякилуото.

Разве не могло так быть? Вполне могло: в таком случае английская фамилия Мак-Эллиот никакого отношения к названию данного клочка земли не имеет. Простое совпадение: в городе Петровске на кладбище может находиться могильный камень с надписью: «Петр Петрович Петров». Из сего отнюдь не следует, что город

назван в память об этом Петрове. Так и тут: простое совпадение. Случайность!

Но ничуть не менее правдоподобен и другой вариант.

Островок мог оставаться ничем не примечательным как раз вплоть до того времени, когда при неких нам неизвестных обстоятельствах на одной из плит была высечена надпись: «Здесь погребен офицер флота Ее Величества Мак-Эллиот».

Представьте себе, что вскоре вслед за этим на заброшенную в волнах скалу случайно высадился какой-то «финский рыболов, печальный пасынок природы». Он видит могильный камень, видит английскую, вырезанную хорошо знакомым ему латинским алфавитом надпись на нем. Из длинного ряда слов ни одно ему не понятно: по-английски-то он не говорит. И только буквосочетание «Мак-Эллиот» что-то напоминает ему.

Что? Да, конечно, финское слово «мякилуото». И, как все не слишком образованные люди, будучи вполне уверен, что другие языки можно знать и не знать, но уж его-то язык, самый естественный, знает и понимает каждый, он решает: чужаки, кого-то зарывшие здесь в каменную могилу, просто были людьми малограмотными и всем известное финское слово «мякилуото» написали так странно. Неправильно. Он возвращается домой, рассказывает о неожиданном случае соседям, все едут, смотрят... И остров получает имя «Мякилуото», на сей раз уже при участии чужеземного мертвеца и некоторой ошибки, невольно допущенной местными жителями.

Если бы вам было известно, какое множество географических имен рождается из прямых ослышек, описок, из неточного понимания чужого языка, вы, бесспорно, признали бы такую версию вполне возможной.

Она требует, однако, одного непременного условия: надпись на плите должна быть начертана латинской азбукой, не русской: финны навряд ли прочитали бы русскую эпитафию, а те, которые могли бы это сделать, — то есть знающие русский язык! — не смешали бы фамилию с названием островка: они поняли бы смысл всего текста.

Спрашивается, на каком же языке была учинена надпись?

Первое, что я сделал, прочитав «Маяк Каллбода», написал Рудному письмо-запрос: «Плиту-то вы видели, а точно ли помните вы, что именно написано на ней?»

Владимир Александрович любезно ответил мне, что надпись он помнит смутно, но в старых записных книжках сохранил краткую запись: «Могила англ. офиц. Мак-Елиота и 30 матросов».

«Елиота»? Час от часу не легче!

С одной стороны, становится почти несомненным, что надпись на плите русская: человек вполне образованный и современный, Рудный, прочтя английскую надпись, не воспроизвел бы фамилии с «е» простым, написал бы «Эллиот». С другой — возникает вопрос, почему такой странной орфографии придерживались те, кто почтил Эллиота надгробным памятником? Предположений можно сделать несколько. Может быть, в те времена, когда надгробие сооружалось, такое правописание английской фамилии было в России общепринятым?.. Надо проверить, было ли такое время и когда. Может статься, плиту заказали не в Англии и не в России, а поближе к месту захоронения, в Финляндии. Тогда мастер-финн мог оказаться нетвердым в русской грамоте и по ошибке заменить непонятную букву «Э» на более знакомое ему «Е». Значит, следует выяснить, кто именно возлагал камень на могилу — сами ли англичане, русские ли по их поручению или еще кто?

А если — очевидно, из этого и следует исходить — надгробная надпись сделана русскими на русском языке, то очень мало шансов, чтобы финны прочитали ее, еще меньше — чтобы, прочитав, не поняли и спутали «Мак-Эллиота» с «мякилуото», и совсем уж никаких — чтобы таким письменным путем фамилия превратилась в имя места.

Письменным путем? А устным?

А что, если дела разворачивались иначе? Остров так и оставался безымянным, пока русские либо сами установили там мемориальное надгробие (вполне возможно — по просьбе англичан, Англия всегда проявляла достойную всяких хвал заботливость о могилах своих солдат, где бы они ни находили себе вечное упокоение), или пока они не обнаружили установленную самими англичанами гробницу. В этом тоже нет ничего

невероятного: русские моряки постоянно вели съемки в балтийских шхерах, составляли и исправляли мореходные записи, так называемые лоции. Любой топограф мог занести на планшет название «О. Мак-Эллиота».

Балтийский военный флот до самой революции опирался на финские базы, был по разным поводам и в разных формах связан с прибрежным финским населением — с рыбаками, моряками-каботажниками, береговыми рабочими. Ничем не удивительное для флотского офицерства английское имя собственное (точнее, шотландское имя собственное) могло стать известным и шкиперам финских лайб и береговым жителям, обслуживавшим флот. Стать известным именно из уст в уста, в обычной скороговорке: «Макелиот».

Для финнов же такое звучание было, во-первых, неосмысленным и, во-вторых, близко напоминало финское слово «мякилуото». А люди, как я уже сказал, не любят непонятных географических названий, особенно в своей родной стране. Слыша такое имя места, они невольно начинают искать ему объяснение, вытекающее из их собственного языка.

Рудный, обнаружив на острове Мякилуото могилу Мак-Эллиота, стал объяснять непонятное ему имя понятной фамилией.

А финны за много лет до этого вполне могли проделать обратную работу: непонятную им фамилию они постарались истолковать по прекрасно знакомому и понятному родному слову.

Так какая же из многочисленных гипотез справедлива? Представления не имею!

Чтобы ответить, надо еще дознаться до многого.

Может быть, достаточно будет ознакомиться со старинными нашими мореходными картами и лоциями финских берегов. Если в конце XVIII века или в первой половине XIX века я найду на них имя «Мякилуото» — все будет в порядке. О мистере Мак-Эллиоте можно будет забыть.

Если хоть на некоторых более поздних картах удастся обнаружить надпись «Остров Мак-Эллиота», придется счесть наиболее близкой к истине нашу последнюю, третью догадку. Тогда все началось с англичанина.

Вполне вероятно, что ключ к решению мне придется

искать в университете Хельсинки, у финских топонимистов: у них-то должны быть соображения на сей счет. Может быть, нужно будет послать запрос в Британское адмиралтейство, в Лондон: тамошние архивы должны хранить память о моряках, по какой-то причине похороненных на «пустынном и мрачном граните» в далеком северном море...

Я обратился к крупнейшему знатоку истории русского флота адмиралу Е. Шведе с просьбой проглядеть старые лоции и карты финских шхер: они могут точнее всего сказать, когда «мякилуото» превратилось в «Мякилуото», не назывался ли когда-нибудь тот островок и на самом деле именем неведомо откуда взявшегося чужестранца?

Исследования, которые произвел Е. Шведе, дают основание считать имя существовавшим задолго до 1850-х годов и, очевидно, не связанным с мистером Мак-Эллиотом.

Зачем же я занял ваше внимание этими рассуждениями?

Во-первых, я рассчитывал на одном сравнительно несложном примере показать, что такое «имя географическое» и что мы называем наукой о географических именах.

Во-вторых, я был уверен, что попутно мне удастся продемонстрировать некоторые важные свойства и науки и предмета изучения.

Так оно и получилось. Выяснилось, что, взяв наобум первый попавшийся топоним, географическое имя, мы рискуем сразу же натолкнуться на целый ряд вопросов и загадок.

Выяснилось, что с такими именами могут быть связаны очень сложные обстоятельства прошлого, что далеко не всегда можно сразу сказать: откуда имя взялось и почему его дали месту?

Стало понятно, что нельзя установить, как оно возникло, спроста, вслушиваясь просто в его звучание. Может, понадобится углубиться в историю того, что было им названо, принять в расчет особые причины, иногда очень неожиданные, прислушаться к свидетельствам, порою по внешности совершенно ничтожным. Вспомните: запись фамилии погибшего англичанина в дневнике Рудного — «Елиот», а не «Эллиот» — за-

ставила нас допустить, что надпись на могиле русская, что финны не могли прямо прочесть ее и из чтения добыть свое слово «мякилуото». Одна буква как много меняет!

Словом, выяснилось немало. Но одно осталось туманным: а существенно ли это все? Есть ли какой-нибудь смысл в изучении географических имен? Имеют ли они какое-либо влияние на нашу жизнь? Стоит ли ими заниматься? Ну что ж... Окончательный ответ на эти вопросы вы сами дадите себе, когда дочитаете книгу до конца.

КАК ЗВЕЗД НА НЕБЕ...

Прежде чем вплотную заняться самими именами мест, пожалуй, неплохо выяснить: а что собою представляют по численности все эти особенные языковые образования? Много их или мало?

Был случай, когда на одном публичном выступлении мне пришло в голову задать моим слушателям простой на поглядку вопрос: «Сколько, по-вашему, топонимов на земном шаре?»

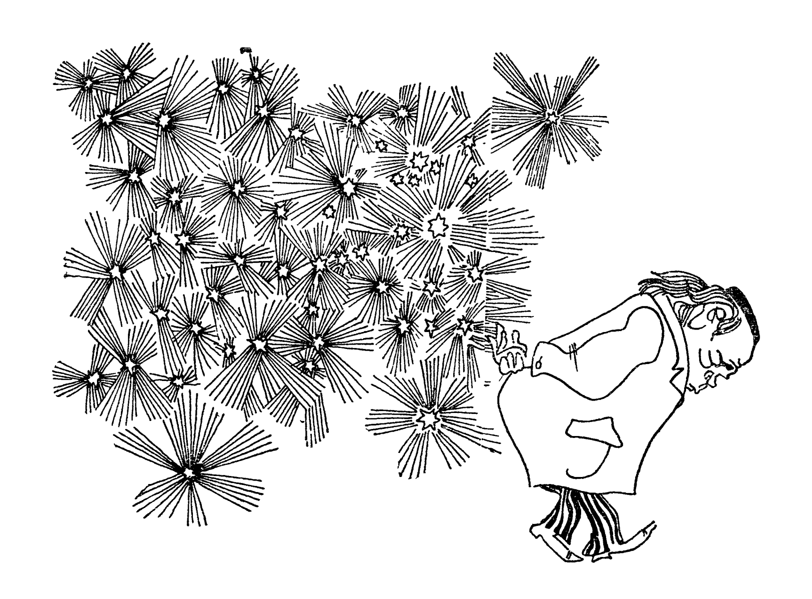
Большинство скромно умолкло, и только один разбитной товарищ, в свою очередь энергично донимавший меня каверзными вопросами, снисходительно пожал плечами: «Это, товарищ лектор, все равно что спросить: сколько звезд видно на небе?»

Ну так вот: звезд, которые можно одновременно рассмотреть у нас над головой, — так записано в Большой Советской Энциклопедии, — около двух с половиной тысяч. А топонимов вокруг нас?

Есть подсчеты их численности в больших городах мира. В частности, в Москве, по данным географа Э. Мурзаева, в начале шестидесятых годов насчитывалось «более 5300 топонимов».

Имеются все основания предположить, что в Ленинграде, Киеве, Харькове, Баку, Ташкенте и других советских городах «первого ранга» число местных названий тоже даст величину, выражаемую четырехзначным числом.

А пространства между городами?

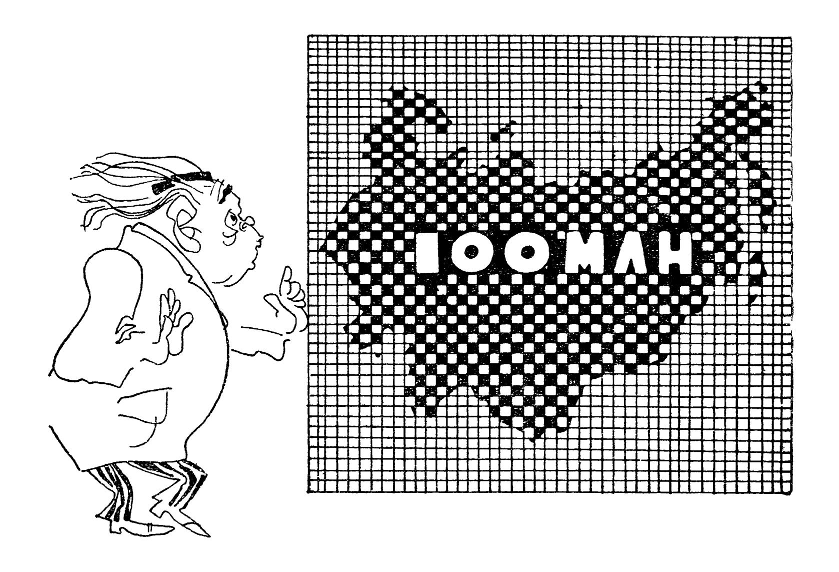
Я только что проделал такой несложный опыт: нашел на карте с масштабом пятнадцать километров в одном сантиметре место в Псковской области, случайно известное мне. Случайно — потому, что туда ездят на отдых мои дети.

Я поместил деревушку — она зовется КОТЕНИЦЫ — в центр квадрата 2,5 на 2,5 сантиметра, то есть площадью примерно около полутора тысяч квадратных километров. Сосчитал надписанные на карте названия, уместившиеся в прямоугольнике. Их оказалось, считая и реку Плюссу, шесть: ПОДОБРУЧЬЕ, ПОЛИЧНО, ГДОВ, МОШКИ, КРАПИВЕНСКОЕ и ПЛЮССА.

Если бы я отсюда рассчитал число топонимов по всему СССР, у меня получилось бы всего-навсего около 95—100 тысяч имен мест в его границах.

Но я взял другую карту, старенькую десятиверстку. И нашел то же самое место на ней и тоже окружил его квадратом со стороной в 2,5 сантиметра. И занялся подсчетом надписей-названий.

Хотя мой квадрат уменьшился теперь по площади (в натуре!) почти в десять раз, дело оказалось куда более сложным. В нем обнаружилось уже не шесть, а шестнадцать названий, и притом, за исключением

Крапивенского и Котениц, все совершенно другие: квадрат-то уже не тот!

На территории СССР таких квадратов уместилось бы около 170 тысяч. Значит, я мог рассчитывать обнаружить в нашей стране уже 1 354 896 названий. Ну, скажем, 1 миллион 355 тысяч их.

Это более похоже на правду?

Я решил сделать контрольный эксперимент. «Вырезал» точно такой же квадрат в другом хорошо мне знакомом месте — в бывшем Великолуцком уезде Псковской губернии, где прошло на реке Локне мое детство. Взяв карандаш, я стал подсчитывать то, что было обозначено на карте. Названий набралось 14. А затем закрыл глаза и припомнил вдобавок к ним те деревни в этом тысячекратно искрестанном мною в юности квадрате, память о которых сохранилась у меня в голове и теперь, сорок пять лет спустя. И — ахнул.

На той же стокилометровой площадке я без малейшего труда засек сорок девять хорошо мне знакомых имен населенных пунктов. Можно было бы прибавить к ним еще десяток мелких хуторков — каждый из них тоже обладал каким-либо названием. Но попутно, воображая свои пути от деревни к деревне, я быстро по-

нял: между деревнями и вокруг них лежали рощицы и перелески. Я отлично знал и их имена: дача СТЕХНОВО, дача СИНЦОВО, роща ПОВАРИЩЕ. Я переходил, бродя там, болота, а они тоже назывались: ТРОСТА, БОЛЬШОЙ МОХ, АНКИПОВСКИЕ КЛЮКОВНИКИ... Там змеились речки и ручейки, у каждого было имя. Даже деревенские поля имели отдельные названия: СЕНЬКИН ВУЗОК, ЗАЯЧЬЯ ЛЫТКА, КАМЕНИСТКА, ДОЛГИЕ НИВЫ, КОРМЫ... Любой овражек был кем-то когда-то назван, и это название хранилось как зеница ока. И, безусловно, при восстановленных моей памятью (сорока девяти) деревнях, вокруг каждой из них, на земле, составлявшей ее владение, густилось столько же, пятьдесят или шестьдесят, «внутренних топонимов», которые никогда не попадут ни на одну карту. А кто сказал, что их не следует принимать в расчет, что они менее существенны или менее интересны для науки, чем имена столиц, областных городов или великих рек?

Но ведь тогда же ясно: в квадрате 10 на 10 километров реально, не по карте судя, существовали и существуют уже не 49, а по меньшей мере 2400—2500 географических имен. И если даже принять в расчет, что я обследовал сравнительно густонаселенный район нашей страны, а в ней есть и тайга, и пустыни, и тундра, если уменьшить эту покилометровую насыщенность названиями вдвое, если в среднем по всей территории Союза принять их число равным 500 (то есть впятеро меньше, чем на моей родине) на 100 квадратных километров, то всего их наберется уже не полтора миллиона, а около ста миллионов... Чудовищно!

У меня возникло ощущение, что я все-таки где-то просчитался, сделал ошибку. И я полез в книги.

Нет, вероятнее всего, я ошибки не допустил. Исследователи указывают: в Швеции учеными учтено примерно 12 миллионов топонимов. А ведь площадь Швеции в 50 раз меньше, чем площадь СССР.

С одной стороны. С другой же — вероятно, даже аккуратные шведы переписали далеко не все до единого названия своих «географических мест».

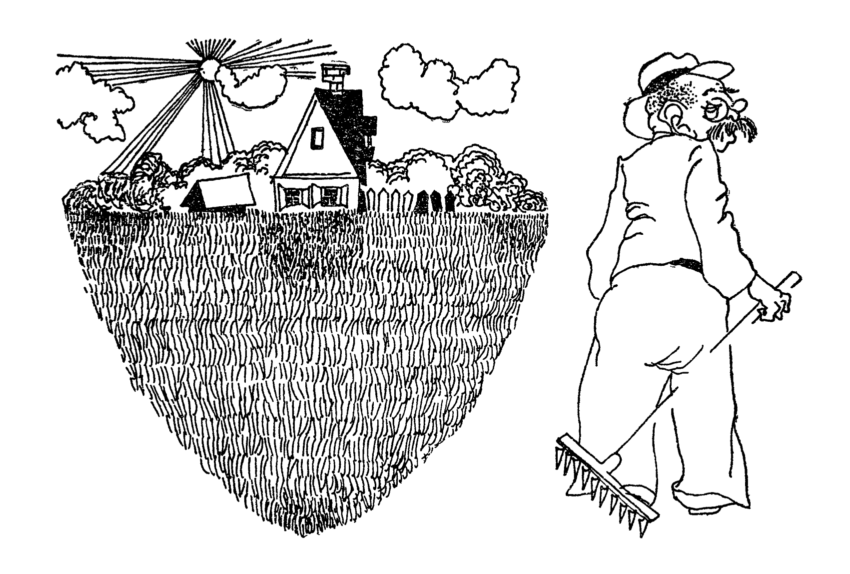
В самом деле, что тут регистрировать, что отбрасывать, какую мелочь брать на заметку, а от какой пренебрежительно отворачиваться?

Если вы не горожанин по происхождению (в городе все это проще и официальнее) или если у вас живет в вашей памяти какая-нибудь малая часть нашей Родины, которую вы осознаете как свою личную микро-родину, попробуйте проделать такой внутренний опыт. Вообразите, что вы выходите летним утром из отчего дома и идете куда угодно — на прогулку или в соседнее село. Припомните, что вы при этом видели бы по дороге и что из виденного как называлось.

Скажу про свой дом. Вот я встал ясным утром 1913 года и решил пройтись просто так.

Спускаюсь с крыльца в сад. Справа от меня — глубокий травянистый овраг БОЛЬШАЯ КРЮЧА. На его дне течет речка ДРЕГОШЬ, приток Локни. За речкой на горке пышные кусты сирени: они называются ЛЕНОЧКИН САДИК, видимо пережиток еще крепостного, помещичьего времени. Иду по аллее. Она кончается полянкой, и полянку зовут — с тех же крепостных времен — ТЕТИ ЛИЗИН ЛУЖОК. Спрашивается: если бы я задался целью регистрировать топонимы, должен я отметить этот Лужок или нет?

Дальше прохожу мимо разрушенной плотины: место зовется СТАРАЯ МЕЛЬНИЦА, и так его зовут все, не только жители того Щукина, в котором я обитаю. Значит, она-то подлежит регистрации? Дальше, справа от меня остается большой луг — ГУМНИЩЕ, действительно, на другом его краю возвышается гумно. Перехожу вытекающую из пруда струйку воды и знаю, что это КОНЕЦКИЙ РУЧЕЙ, а в противоположной части щукинских земель есть другой ручеек — ГО́РСКОЙ РУЧЕЙ, вытекающий откуда-то из болот на территории помещичьего имения ГОРА. Очевидно, они уже бесспорные топонимы (точнее, «гидронимы», имена водных потоков или бассейнов). Поднимаюсь на гору. С ее вершины видно широкое, многокилометровое пространство, посредине которого там, вдали, течет Локня. Это пространство носит общее название ЛУГИ. Есть МИШКОВСКИЕ ЛУГИ — налево, есть ЮТКИНСКИЕ ЛУГИ — направо. Есть ЯКОЛЬЦЕВСКИЕ ЛУГИ — впереди, уже там, за Локней. Но на Лугах имеется еще множество отдельных мест. Вот еловая роща, и она называется ДОХЛЫЕ ПУСТЫРИ; говорят, когда-то, во время эпизоотии сибирской язвы, там были зарыты ту-

ши погибших домашних животных. Вот похожая на каравай хлеба горушка, округлый холм, на котором стоит изба-пятистенка. Тут живет Степан Яковлев из деревни Копачево, а холм называется МОЛОТОВКА.

С этим холмом на моем пути попадается первое непонятное название. Я отлично соображаю, почему место названо «Старая Мельница», «Луги» или «Гумнище». Представляю себе, как могли возникнуть имена «Леночкин Садик» или «Тети Лизин Лужок». Но что может обозначать слово «Молотовка», мне было неясно тогда, в детстве, осталось неизвестным и по сей день.

За Молотовкой влево лежит заросшее лозняком и черной ольхой болото — ТРОСТА. В Псковской области «троста» означает любую густую, непроходимую заросль по сырому месту, не обязательно тростниковую. Здесь образец имени нарицательного, ставшего именем собственным, топонимом. За Тростой течет река ЛОКНЯ, приток ЛОВАТИ, имена обеих рек, как и притока Локни, речки Дрегоши, мне ровно ничего не говорят о своем происхождении. Но я знаю по Локне целый ряд хорошо мне известных приметных мест: МАСЕЕВ ВИР — недлинный, но очень глубокий отрезок прямого течения, ПИЧИГАЛКИ — болотинка у берега,

на которой и впрямь почти всегда можно спугнуть несколько пар пичигалок — чибисов. КРАСНАЯ ГНИЛКА — место, где к воде круто обрывается темно-бурый, почти что красный глиняный откос, БИКОВ НАРОТ... Откуда пошло последнее название небольшого омутка, мне неведомо, хотя знаю, что слово «нарот» означает у нас вершу, особую сетчатую рыболовную снасть-ловушку.

Я прошел каких-нибудь полторы версты и уже натолкнулся на два десятка топонимов и гидронимов. А ведь я шел не по своим собственным «владениям», по землям, принадлежащим трем разным деревням. И если бы спросил у их обитателей, они, бесспорно, назвали бы мне особыми именами и ту вон темно-зеленую сосновую «сопку», и участок распаханной пашни среди кустов, и поросшую иван-чаем и мелким ельничком узкую полосу старой вырубки, и многое, многое другое...

Так сколько же их тогда вообще, топонимов?

Не так давно я получил письмо от одного моего читателя-инженера. Инженер сомневался в утверждении, что человеческое мышление невозможно без языка, что каждое понятие, существующее в мозгу человека, непременно выражается словами или словом и что там, где нет слова, нет и понятия.

Мой оппонент привел, между прочим, такое доказательство неверности моего тезиса. «Ведь слов-то меньше, чем предметов в мире, а значит, и чем понятий, которые у нас есть о них...»

Выходило, что он прав. И в самом деле, разных предметов в мире — бесконечное число. А слов, даже в самом развитом языке вроде русского, — число конечное. Пусть двести тысяч, пусть даже миллион, но не «плюс бесконечность» же. Значит, существуют предметы, не названные словами. А ведь помыслить мы можем себе любой предмет, даже и не существующий, даже изобретенный нашей фантазией. Вывод очень логический: мы можем мыслить и без слов.

Что я ответил «вопрошателю»? Я ответил так: предметы, существующие в мире, разделяются на две существенные группы: нужные людям и ненужные им. Человек в мире знает, замечает, осознает только те вещи, которые имеют для него какое-то практическое или теоретическое значение. Таких предметов очень много, но все-таки их конечное число. И для каждого из этих предметов у человечества обязательно находятся и слово и понятие.

Предметы, которые, может быть, и существуют во вселенной, но человеку безразличны, ничем и никак не задевают его, они как бы не существуют для него вовсе. Их для него просто нет. Он не пытается находить для них названия-слова, потому что не нуждается в понятиях о них.

Можно привести довольно ясный пример. Спросите у горожанина, что растет на лужайке перед его дачей. Пожав плечами, он ответит: «Трава». Он и видит там только траву, ничего больше.

Колхозник, вероятно, ответит на тот же вопрос иначе: «Ну, конечно, трава... Но... Клеверишко там есть, тимофеевки немного, а так — лебеда да глухая крапива... Косить там нечего».

Ботаник же, прибывший к горожанину в гости, возмутится: «Что значит — трава? Какая именно трава? Каждая лужайка с травой есть сложнейшее растительное сообщество. Вот возьмите половину квадратного метра вашей травы. Здесь растут сотни интереснейших растений. Вот группка лютиков, экземпляров десять. Вот близкий к ним вид — гусиная лапка. Вот два кусти-

ка манжетки с ее листьями, приспособленными для водозадержания. У тропинки — подорожники. Здесь, в тени от забора, — вероника, а еще глубже в тень — звездчатка или мокрица... А куриная слепота, а сныть, а дягиль?.. Какая же это трава? Тут целый ботанический сад, да еще преинтересный...»

И на том месте, где человек незаинтересованный видел только один предмет, одно собирательное понятие, специалист обнаружит множество не похожих друг на друга предметов, ему понадобятся точные понятия о них, и он непременно назовет каждый из этих нужных ему предметов собственным, ему принадлежащим именем, то есть словом.

«Тунгусские охотники, — говорит ученый и писатель И. Ефремов, — уверенно чертили подробные карты речек, ключей... Самые мелкие речки, служившие основными путями при кочевьях, имели у них названия. Не так обстояло дело с гольца́ми. Практический ум охотника избегал загромождения памяти названиями не важных для передвижения или обитания мест, и для горных вершин мне приходилось придумывать названия самому...»

Приходится сказать, что хотя слов в распоряжении человека и ограниченное число, но в потенции их количество может увеличиваться совершенно беспредельно, тем более что мы всегда вольны из двух-трех, любого числа отдельных слов образовывать как бы «словоиды», сложные имена для любого заинтересовавшего нас предмета. «Сныть», «дягиль» — слова в прямом смысле. «Куриная слепота», «венерин башмачок» — словоиды, словосочетания, которые постепенно превращаются в слова.

Пока человечество не знало никаких коротковолновых электромагнитных излучений, у него не было и слов для их наименования. Но как только Рентген открыл первое из них, он тотчас назвал его. Слово «икс-лучи» много лет повторял весь мир, пока не заменил другими, более удобными словами.

В глубинах Индийского океана миллионы лет жила одна древняя рыба. Островитяне ловили ее и ели, и, вероятно, у них она как-то именовалась. Европейцам она не попадалась или не представляла в их глазах никакой особой ценности, и в языках Европы для нее не было ни имени, ни соответственного ему понятия.

А затем, уже на нашей памяти, рыба эта случайно попала в руки ученой-англичанки мисс Лятимер. Она увидела в странном существе черты животного древнейших эпох и сообщила своим ученым друзьям. Захолустная рыба стала научной сенсацией и тотчас же получила имя. В европейских языках появилось новое слово — «лятимерия».

Да, конечно, слов у нас — конечное число. Но в любой миг к огромному конечному числу может быть прибавлено еще одно новое. И потенциально мир слов может расти без конца. Нет ни одного существенного для нашего рассудка предмета, который не мог бы быть назван словом. Ни одного из всей бесконечности вещей.

А теперь отнесем столь длинное рассуждение к нашему прямому предмету, к именам мест.

Да, «мест» во вселенной невыразимое числом количество. Все вокруг — места: и этот двухметровой высоты пустой холмик, и та лужица ржавой воды посреди пустыря. Ни у холмика, ни у лужицы нет имени до тех пор, пока они безразличны человеку.

Но вот на холмике поселяется «жихарь», землепашец, прибывший из соседней деревни, и холмик по его имени называется уже ХОРЕВА ГОРКА. Но вот у лужицы землемеры вкапывают в землю столб, на котором сходятся межи трех владений, и лужицу начинают звать ТРЕХЗЕМЕЛЬНЫЙ РЖАВНИК. Какие-то крестьяне поселяются на пустом месте за моховым болотом, и место их поселения, до того безымянное, становится деревней ЗАБОЛОТЬЕ... Советские геологи обнаруживают место алмазных россыпей в якутской тайге, и кусок таежной глуши получает имя МИРНЫЙ... И тысячу лет назад, и сегодня, и через сто лет длился, длится и будет продолжаться процесс наименования частей земной поверхности. Возникающие вновь имена будут заноситься в архивы людской устной и письменной памяти. Но, разумеется, они попадут в разные категории существенности.

Старая барыня Лизавета Анемподистовна любила, вынеся кресло, посидеть в тени березы на краю душистой лужайки. Почтительные племянники назвали лужайку Тети Лизин Лужок. Этот топоним оставался жить в памяти одного-двух поколений их потомков. Я, случайно вспомнив его, придал теперь ему некое искус-

ственное «бессмертие». Но уж ни на какую карту, ни в какой самый подробный перечень имен псковских урочищ он, разумеется, никогда не мог попасть и не попал.

Не были никогда зарегистрированы официально ни упомянутая мною Молотовка, ни болотце Троста, ни сосновая рощица Дохлые Пустыри. Но, вполне возможно, и сейчас мальчишки и девчонки колхозных деревень МЕШКОВО, КОПАЧЕВО, ЮТКИНО, КОНЦЫ, идя купаться на ту же речку Локню, называют эти места теми же самыми, памятными мне с начала века именами. Топонимами.

Гидроним Локня — иное дело. Я беру старый брокгаузовский энциклопедический словарь, том 34-й и нахожу в нем на странице 921 справку: «Локня, река Псковской губернии, левый приток Ловати». Беру 35-й том БСЭ и на карте Псковской области тоже вижу ее. Вот вытекает она из озера ЛОКНОВАТО, вот она впадает в Ловать за городом ХОЛМ...

Но на любой большой карте СССР в любом атласе вы моей родной реки уже не увидите. Или, если ее голубая змейка и будет обозначена, надписи-названия при ней не окажется. Топонимы и гидронимы имеют свою иерархию важности, которая отражается на географических картах, в списках населенных пунктов, всюду и везде.

За пределами текста самых крупномасштабных карт остается многое, очень многое. Если взять даже карту, где один реальный километр будет превращен в целый сантиметр, то и на ней в одном квадратном сантиметре (километре на местности) мы сможем встретить в лучшем случае одно-два каких-нибудь названия. Это будут макротопонимы. А микротопонимы — названия малых объектов — останутся неуказанными. Между тем для топонимиста очень часто (и по многим причинам) именно они представляют собою особый интерес и имеют особое значение.

Так как же ответить на поставленный в начале главы вопрос: сколько всего их на свете?

На него так же невозможно дать однозначный ответ, как и на вопрос, сколько в русском языке всего слов.

Названия получают сегодня, как получали и века назад, все те географические места, которые имеют в глазах обитателей земли хоть какую-нибудь значимость.

В глухой сибирской тайге есть, несомненно, такие площади, куда никогда не ступала нога человеческая. На этих площадях имеются и овраги, и луговины, и источники, и малые ручьи, и броды через них, и омуты в их причудливом течении. Но для человека все они — ничто. У них нет названий.

И все же, как только первый зверолов проложит первую тропу, как только он поставит лесную избушку у этого бродка или возле того родничка, так родничок вдруг станет МАЛИНОВОЙ ВОДОЙ, а бродок — ФИЛИНЫМ БРОДОМ. И придут топографы и геологи, и вот уже безымянное озерко выглядит на карте ОЗЕРОМ ПЛЯШУЩИХ ХАРИУСОВ, а утес — УТЕСОМ ДЖЕКА ЛОНДОНА, и по неоглядному пространству тайги запестрели имена, имена, имена...

Каждый день к старым перечням топонимов прибавляется уж, наверное, не меньше чем одно новое название, а ведь если прибывает лишь одно в день, то в год их добавится 365. Чем быстрее протекает процесс освоения наших просторов, тем больше возникает новых имен, и топонимов, и гидронимов, и «оронимов» — названий гор. Обозначить их общую численность какой-либо определенной комбинацией цифр просто невозможно.

Сами судите, как же ошибался тот легкомысленный слушатель, который сказал мне: «Это все равно что предложить сосчитать, сколько звезд на небе».

Звезд на небе (подразумеваются видимые на небесном своде простым взглядом, человеческие, а не астрономические несчетные звезды) в два с половиной раза меньше, чем топонимов в одной Москве. Их в 4800 раз меньше, чем учтенных географических названий в маленькой Швеции. Их, по-видимому, в 250 тысяч раз меньше, чем топонимов в Советском Союзе, если считать, что численность имен мест в современных культурных странах прямо пропорциональна площади самих стран. А если включить в счет все до единого микротопонимы, то утрачивается даже самый критерий сравнения. Жалкая горсточка звезд небесных. Что значишь ты по сравнению с этим чудовищным множеством!

Множество это еще в очень малой мере изучено. А изучить его нужно, и по целому ряду весьма существенных причин.

ЗАЯЧЬЯ РОЩА

Пассажир сел в такси. Водитель, покосившись на него, спросил, куда его доставить. Пассажир раскрыл было рот, но вдруг заколебался.

— Минуточку! — проговорил он, вытащил из кармана бумажку и по бумажке прочитал: — Проспект Тореза...

Тогда это название бывшего Старопарголовского проспекта в Ленинграде было еще внове.

— Не привыкли еще? — спросил водитель, давая газ.

— Да вот... — отозвался пассажир. — Помню, кто-то из видных деятелей Французской компартии, а кто именно — никак не могу сразу сообразить. Чуть было не сказал: проспект Кашена...

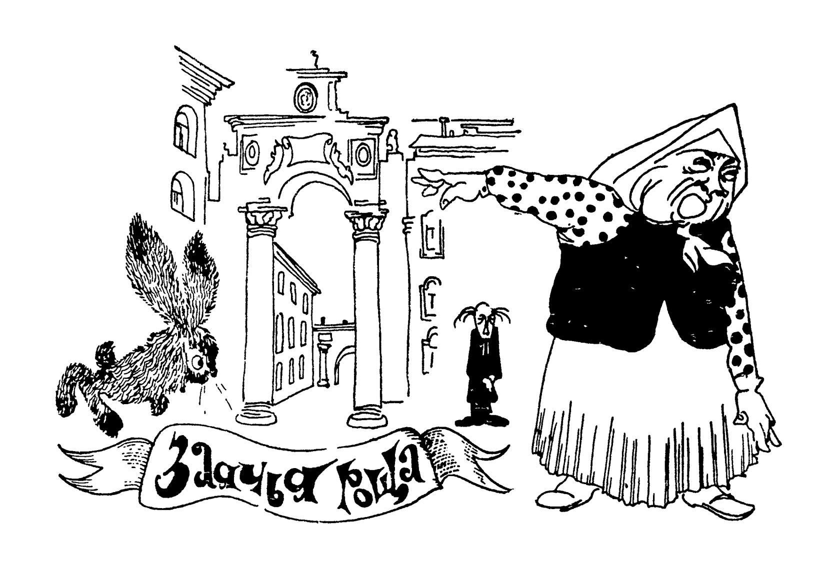
Таксист вдруг, совершенно неожиданно, расхохотался.

Пассажир поднял брови: ничего смешного! Шофер продолжал смеяться. Пообождав, пассажир счел нужным узнать, по какой причине такое веселье.

— Заячью Рощу вспомнил! — сквозь слезы проговорил водитель.

— Заячью Рощу? — вторично удивился пассажир.

— Ну как же! С этими названиями и смех и грех! Неделю назад стоял у Балтийского: нет работы, а план горит. Дай, думаю, подъеду к Варшавскому: там в девять часов рижский поезд, должен быть пассажир. Подъехал, да уже поздновато, главный «пик» кончился. Смотрю, стоят колхозники, видно, где-нибудь возле Пскова подсели: старичок и старушка. Узлы понавязаны, здоровому мужику не взять. Говорю: «Куда, мать с отцом, вас доставить прикажете?» Они: «Сделай милость, подвези, давно стоим!» — «А куда вам?» — «Да нам, — говорит старушка, — недалеко. Мы к дочке приехали. Нам в ЗАЯЧЬЮ РОЩУ надо». — «Такого места в Ленинграде нет». — «Как это нет? — возражает старуха. — Очень даже есть! Там наша Клава который год живет. И мы к ней каждую вёсну ездим». И старичок поддакивает: «Живет, живет! Клава наша! Каждую весну...» Я руками развел: «Не

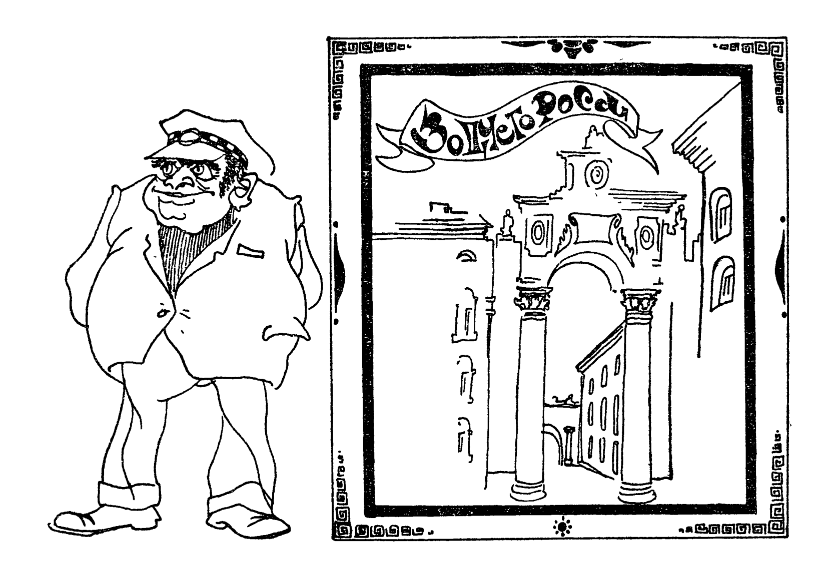

знаю, дорогие пассажиры! Вы-то туда, может быть, и ездите, да я в таком месте отродясь не бывал и, как до него добраться, представления не имею. Как же я вас повезу?» Но бабушка оказалась довольно бойкой. Говорит: «А вы, товарищ водитель, знайте поезжайте, я дорогу знаю. Как они называются, улицы ваши, не запомню, а где сворачивать, знаю. Вот сейчас через мост и дальше четыре пролета прямо...»

Ну что ж... Мое дело какое? Заячья Роща так Заячья... Включил счетчик, еду на Измайловский. Старушка показывает, что твой лоцман. Доехали до Первой Красноармейской, командует — направо! Доехали до Технологического, дает директиву — налево! Потом разворачивает меня на Загородной, потом на Бородинскую...

Я кручу баранку и думаю: «Странная какая ситуация! С одной стороны, такая чепуха, какую-то Заячью Рощу сельскохозяйственные работники требуют, а с другой — так уверенно меня эта гражданочка преклонных лет по городу направляет. Сомнений нет, она таки тут каждую весну ездит. Так куда же она меня приведет?»

Выехали на Фонтанку, она проявляет радость. «Вот,

вот, — говорит, — сынок, теперь уж близко!» «Тьфу ты, пропасть, — думаю. — До чего близко-то? До Заячьей Рощи?»

Переезжаю площадь Ломоносова и на всем ходу направляюсь к театру имени Александра Сергеевича Пушкина. И вдруг она: «Стой, сынок, стой, приехали!» И дедушка проявил признаки жизни: «Вот эти ворота, направо».

Тормознул, конечно, стали. Я говорю: «Так чего же вы меня путали? Знаете, куда я вас привез?» А она, очень довольная, отвечает: «Не ты, сынок, меня привез, я тебя привела. На улицу Заячья Роща».

И тут я хохотать! И вот до сегодня, как вспомню, не могу, хоть ложись! Вы проследили за нашим маршрутом, куда я с ними приехал? Плохо город знаете, гражданин! Привела она меня на улицу ЗОДЧЕГО РОССИ.

Человек, интересующийся тем, что мы называем именами мест, задумается над этим, казалось бы, чисто анекдотическим происшествием. И спросите его, что он в нем находит поучительного, он резонно ответит вам: «Очень много!»

Первое: имена мест бывают чрезвычайно разнообразного происхождения и разного характера. Они бывают порождены как бы стихийно, безымянным и часто коллективным создателем — народом. Очень трудно теперь, через много веков, в точности установить, кто именно, при каких обстоятельствах, по какой причине назвал городок на Волге СТАРИЦЕЙ. Мы можем сейчас только сказать: так назвал его народ. Невозможно установить тут индивидуального «крестного отца», совершенно так же, как невозможно установить, кто именно является прямым автором песни «Разоряют, докоряют нас бояре-господа» или кто первый произнес пословицу: «Где тонко, там и рвется». Разумеется, нельзя представлять себе дело так, что произведения народного творчества сочинялись всем миром: один сказал «где», другой продолжил «тонко», третий заключил «там и рвется». Когда-то кто-то эту пословицу, хотя бы вчерне, в одиночку произнес, выдумывая ее на ходу, всю сразу. Но подписи своей он под ней не поставил, гонорара не получил, и, кем он был, когда жил, нам неведомо. А потом она обкаталась, изменилась, усовершенствовалась...

Точно так же и с названием «Старица», да с тысячами, сотнями тысяч точно таких же «неподписанных» названий: НОВГОРОД, СТАРАЯ РУССА, ВЫСОКОЕ, КРАСНЫЙ КУТ... Народом они даны, народом сохраняются. В течение столетий народ спокойно и просто произносил их, произносит и теперь. И они представляются ему совершенно понятными. Только каждый понимает их по-своему.

В самом деле, что значит слово «старица»?

Владимир Даль приводит немало значений его. Старица — старая женщина, старуха, женский род к «старец». Старица — монахиня, черница или келейница. Старица — оставленное рекою былое, обсохшее или заполненное стоячей водой русло. Старица — кое-где заматерелая старая овца, а иногда и шкура с такой овцы. Старица у псковичей — нищая...

В той же Псковской области я лично встречал и не отмеченные Далем употребления этого слова. У нас говорят: «Остался на старице» — о том, кто при разделе семьи унаследовал старую печину, усадьбу. Слышал я и выражение «пахать на старице» — где-нибудь среди

поля или зарослей, где сохранились еще следы давней пашни.

Вот теперь и подумайте: от которого же из многих одинаково звучащих, но совершенно разнозначных слов образовано было в конце XIII века, когда был основан город, его имя? И тем не менее оно живет и сегодня, и каждый толкует его по-своему. Кто думает, что оно связано с местом давнего, когда-то существовавшего поселения. Кто рисует себе полусухое русло Волги, над которым крепостца могла быть построена. Кому кажется, что, возможно, на месте его основания жила когда-нибудь скитница, пустынница... Не все ли в конце концов равно нам, практическим людям, от чего имя пошло? Теперь-то оно значит просто небольшой древний город над Волгой, и только. Очень многие вообще ничего не думают по поводу имени: имя как имя, только и всего.

Но так как оно создано в недрах народа, по законам и нормам русского народного языка, ничто не препятствует его жизни, и всем, кто с ним сталкивается, оно кажется вполне понятным, не требующим никаких переделок и вроде даже как бы и знакомым.

Совсем другое дело имена мест, которые нарекаются, а значит и создаются, в наше время и уже не безымянными, а вполне определенными единоличными или коллективными творцами.

Населенных пунктов у нас на карте становится все больше и больше, старые города разрастаются с каждым днем, новые рождаются в местах, где еще недавно, как говорится, «был лес дремучий, непроходимый и орлы скрыжили». И каждому новому поселку, каждой вновь проложенной улице большого или малого города обязательно, непременно присваивается имя.

Теперь уже невозможно (или очень редко, где еще возможно), чтобы имя родилось само по себе, и лишь потом, в уже готовом виде и состоянии, было занесено в официальные перечни и списки, обозначено на картах и планах. Теперь каждое новое имя либо вскоре после своего изобретения утверждается соответствующими властями, либо придумывается определенным, на то уполномоченным человеком или даже целой комиссией.

Вот к примеру: в Ленинграде, на северо-западе ста-

рого Васильевского острова, на совершенно новой территории, искусственно намытой из морского ила мощными машинами, строится новая часть города.

Еще самой в буквальном смысле слова «новой земли» полностью нет. Еще кварталы и улицы можно видеть только на чертежах и макетах. А уже собирают предложения по будущим именам улиц, уже работают комиссии, которые имена либо примут, либо отвергнут и заменят другими.

Нам приходится сейчас заботливо думать о том, о чем никто не думал во времена князя Михаила Ярославича Тверского, по преданиям, основавшего Старицу. Думать, чтобы имя не выпало из общей системы русского языка и его географической номенклатуры. Чтобы оно оказалось удачным.

Мы не ведаем, князь ли приказал называть новый городишко Старицей или место у брегов Волги уже много раньше так звалось. Или так назвали чуть зачавшийся поселок первые его жители, а князь охотно принял его имя? Все могло быть, недаром речка, впадающая в Волгу возле самого городка, тоже является его тезкой: ее имя ВЕРХНЯЯ СТАРИЦА.

И не случайно за три с лишним тысячи километров от этой Старицы, на той же Волге, существовала неподалеку от Астрахани еще одна СТАРИЦА — небольшое село на речке СТАРИЦЕ, впадающей в один из рукавов Волги. Есть и другие Старицы, в разных концах нашей земли.

Значит, есть основания думать, что название места, топоним нередко бывает связан именно с гидрографией местности, с судьбой ее рек и речек, с конфигурацией их русел.

Но это могло иметь значение лишь для тех, кто имена давал. Для тех, кто ими теперь, много лет или веков спустя, пользуется, все они равно ничего не значат. Названия и одной, древней Старицы, и другой, нижневолжской, в равной мере звучат для нас теперь как только имена. Во всем равные.

А вот те новые названия, которые мы даем или собираемся давать нашим селениям, частям городов, проездам, железнодорожным станциям, не всегда так легко и просто укладываются в общую и стародавнюю

систему наших топонимов, как древние и просто старые.

В Подмосковье, возле давней аксаковской вотчины — АБРАМЦЕВА, рядом с такими названиями, как ХОТЬКОВО — от древнерусского человеческого имени Хотько, как СОФРИНО — от Софрон, тоже имени, как ЛЕПЁШКИ или АШУКИНО, все чисто русскими, вы можете наткнуться вдруг на странное имя ГРАВИДАН.

Самые звуки его указывают на иноязычное происхождение: «гравидус» по-латыни — отягченный, беременный. Термин «гравидан» в медицине обозначает особое вещество, выделяемое организмом беременной женщины. Как же мог он превратиться в имя поселка?

Обитающие в близлежащих дачных местах утверждают, что когда-то, в двадцатых годах, здесь жил, имел дачу и при ней лабораторию известный ученый, занимавшийся физиологией беременности. Он открыл «гравидан», как тогда считали, довольно сильное лечебное средство, он много сделал для того, чтобы пустить его во врачебную практику. И когда его лаборатория обросла соседями, когда там открылась больница, предложил для «своего» населенного пункта имя Гравидан, дорогое ему, первооткрывателю.

Будь новое лекарство столь же широко популярно, как, скажем, йод, касторка или салициловый натр, такой номер не прошел бы. А слово «гравидан», мало кому известное, никого не шокировало, никому не показалось неподходящим, и было, на некоторое время во всяком случае, утверждено как имя места.

Вот уж оно резко выпадало из системы русских названий ближайших окрестностей. Всеми, кроме медиков, воспринималось как иностранное и потому непонятное. И разве удивительно, что мне пришлось слышать от одной пожилой местной жительницы недоуменное: «Да новый поселок... Как его? Не то ГРУБИЯН, не то ХУЛИГАН. Не помню я эти новые имена».

Совершенно не исключено, что год за годом подлинное звучание того или другого имени прикроется его суррогатом, приспособленным к пониманию или ко вкусу рядовых, не слишком образованных людей. И суррогат может напрочно занять место «правильного» имени. А века спустя тому, кто вздумает выяснить его происхождение, будет очень трудно догадаться, что же тут

произошло и каким образом данная Заячья Роща или данный Грубиян образовались.

...Будучи землемером в Псковской губернии в двадцатых годах, среди если не всегда понятных, то, несомненно, русских названий урочищ, перелесков, болот и полей — роща ПОВАРИЩЕ, полевое пространство КОРМЫ, болото ТРОСТА, озеро ГЛУШАНЁК, — я вдруг наткнулся на нечто странное: довольно зрелый саженый островок леса возле развалин помещичьего дома, который все крестьяне называли по-разному: УБИРЕНТ, ОБИРЕНТ, просто БИРЕНТ — непонятно.

На мои вопросы, что сие значит, старики отвечали глухо: «Господа Дерфельдины придумали Бирент, ну и мы говорим — Бирент».

По землемерной должности моей я попал в тот Бирент и обнаружил в его сердцевине следы каких-то заглохших фигурных насаждений, фундаменты беседок, кирпичных стенок. И, обследовав все это, понял: предки «господ Дерфельдиных» разбили в саженой рощице «потешный лабиринт» и всю рощу, очевидно, стали звать ЛАБИРИНТОМ. А окрестные псковичи, не в силах преодолеть непонятное слово, не имея возможности раскрыть его смысл, примирились с его таинственностью, отнеся ее за счет барского чудачества. Впрочем, даже они как-то пытались осмыслить странное сочетание звуков: Убирент — вроде как от «убирать», Обирент — от «обобрать»... Все-таки легче, чем бессмысленное Лабиринт...

Надо вот еще что отметить: тяга к осмыслению непонятного имени проявляется сильнее в тех местах, где его окружают ясные русские имена. Там, где оно возникает среди названий иноязычных, на его несуразность машут рукой.

Большой советский ученый-геолог академик Ферсман рассказал нам, как на Мурмане железнодорожный разъезд № 68 получил вовсе неожиданно имя АФРИКАНДА. Оно возникло благодаря африканской жаре, стоявшей в тех местах в тот день, когда имя придумывали, с одной стороны, а с другой — благодаря наличию поблизости населенного пункта с саамским старым именем ОКТОКАНДА. Эти два обстоятельства сложились

в голове старого железнодорожника воедино, получилась Африканда.

И имя удержалось. А почему бы ему было не удержаться среди таких исконных, непридуманных местных имен, как озеро ИМАНДРА, горный хребет ХИБИНЫ, гора КУКИСВУМЧОРР? Места саамские, имена не русские, среди них в загадочной Африканде даже слышится что-то родное.

На фоне же «своих», понятных или кажущихся понятными русских имен чужеродный пришелец всегда имеет много шансов «превратиться».

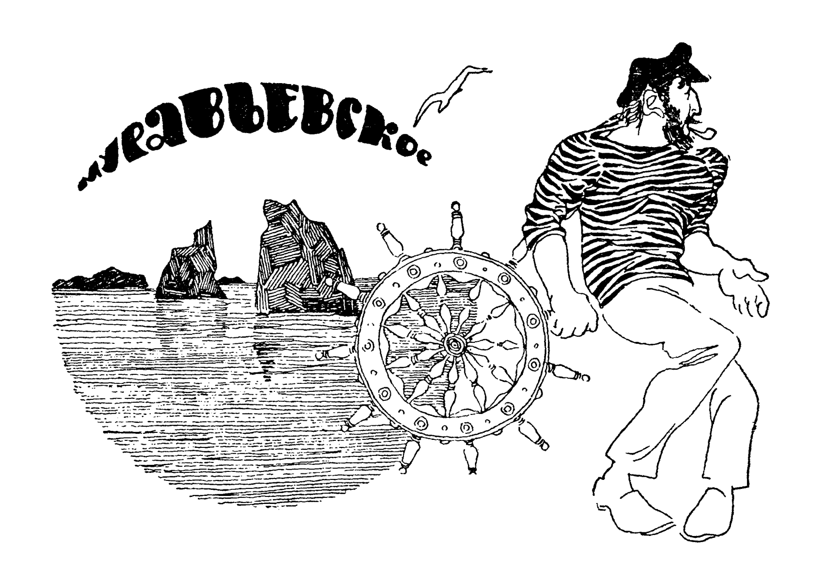
В. Шкловский в книге о Толстом сообщает: крестьяне толстовского деда, князя Волконского, бывшего архангельского губернатора, быстро превратили данное суровым барином название деревни ГРУМАНТ (Шпицберген) в УГРЮМЫ. Оно и понятно, среди окружавших его народных названий — КОЗЛОВКА, ЯСЕНКИ, ТРУНОВО, КОСАЯ ГОРА, НИКОЛЬСКОЕ, импортный Грумант выглядел совершенно нестерпимо. И главное, был непонятен.

Но тут вот и возникает особая топонимическая проблема: что среди наших имен мест бывает явно непонятным, что бывает безусловно понятным и что кажется либо понятным, либо непонятным, а на деле оказывается прямо противоположным тому, что попервоначалу представилось?

ПОНЯТНО-НЕПОНЯТНО

Существуют, разумеется имена мест прозрачные, как стекло. Их можно обнаружить среди обоих только что рассмотренных категорий: и среди народных старых имен и среди созданных искусственно, книжных, официальных.

Каждому ясно, что название СЛОБОДКА означает «небольшая слобода», ВЫШНИЙ ВОЛОЧЕК значит «город возле верхнего из нескольких волоков, перевалочных пространств между судоходными реками». ГОРОДОК, ПОСАД, МИХАЙЛОВ ПОГОСТ, КНЯЖОЙ МОСТ — задумываться тут не над чем, хотя это и весьма старинные топонимы.

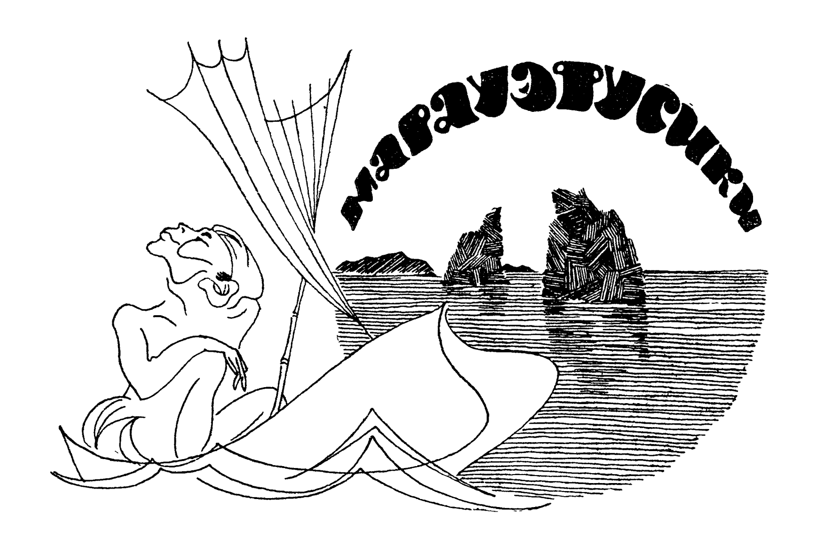

Совершенно так же не вызывают сомнения ни у ученых, ни у народа и весьма многие недавно созданные имена: КИРОВОГРАД — город Кирова, ДНЕПРОПЕТРОВСК — город на Днепре, названный в честь большевика Г. Петровского в 1926 году. АПАТИТЫ — место, известное как центр промышленности по добыче химического сырья — апатитов, СЛАНЦЫ — место разработок горючих сланцев. О таких именах мы пока и говорить не будем.

Но вот возьмите имя далекой могучей сибирской реки ЛЕНА. На первый взгляд оно совершенно ясно: уменьшительное от «Елена», от женского имени.

Между тем, подумав так, вы впадете в грубейшую ошибку. Название «Лена» существовало в такие далекие времена, когда, вполне возможно, самого девичьего имени Лена русские люди еще не знали. А река текла тут и до их появления на ее берегах. Как же она тогда называлась?

И вот, оказывается, по-эвенски она и теперь зовется ЕЛЮЁНЭ, что, как предполагают, могло некогда означать просто «река». И, всего вероятнее, именно из этого слова, а не имени Елена (первые русские, пришедшие в те места, наверное, и не выговаривали Елена, говори-

ли Алёна или Олёна) и родилось плавное, как великий северный поток, название реки: Лена.

Имя, казавшееся совершенно прозрачным, на поверку «решается» вовсе не так, как можно было подумать с первого взгляда или наслыха. За ним открывается сложная историческая перспектива. Происхождение и словарные связи его оказываются весьма неожиданными для нас, и наша ошибка объясняется просто тем, что мы упустили из виду, как давно оно возникло, какие сложные языковые воздействия должно было испытать, как с ним «играли» представители нескольких языков, как под влиянием их разнородных произносительных и грамматических привычек оно потеряло первоначальную форму и приобрело нашу, современную.

Возьмем прямо противоположный случай. В моем псковском детстве мне частенько приходилось летом ездить за белыми грибами по пустошь МОНИНО. Если бы вы спросили у меня тогда, какое название места я считаю совершенно непонятным, я бы, не раздумывая, сказал вам — Монино.

Но посмотрите: окончание «о» в этом слове совпадает с бесчисленным множеством таких же окончаний в других именах деревень и пустошей округи: СТИХИРЁВО,

СТЕХНОВО, ЩУКИНО, КОПАЧЕВО, КОСЬКОВО. Окончание прямо как бы говорит: перед вами — имя места, селения.

Перед окончанием — суффикс «-ин». Он выражает принадлежность предмета, названного основой слова, не просто кому-либо, но владетелю, обозначенному существительным, оканчивающимся на «-а» или «-я». Дом, принадлежащий Ивану, мы назовем Иванов дом. Дом, принадлежащий Ване, — Ванин дом.

По-видимому, пустошь Монино — владение, принадлежащее Моне. Да, но что такое «Моня»?

Я беру «Словарь русских личных имен» Н. Петровского и в разделе уменьшительных форм нахожу: «Моня — мужское, от Артамон, Пантелеймон, Парамон, Соломон, Филимон» и так далее (всего указано 17 мужских и 4 женских имени).

Теперь ясно: в топониме Монино (или Монина) нет решительно ничего непонятного. Он и впрямь мог означать место, где первым поселенцем был некий Моня, а уж был наш Моня Артамоном или Филимоном, при помощи лингвистического анализа не установишь. Это надо выяснять, копаясь в запродажных и купчих, в переписных данных по Михайловской волости Великолуцкого уезда Псковской губернии прошлого века, опрашивая стариков... Но не в том дело: имя явно непонятное оказалось безусловно понятным. Дело было не в имени, а в моем личном невежестве: тот, кто хочет изучать имена русских деревень, должен, среди очень многого прочего, назубок знать русские святцы со всеми уменьшительными формами к их именам.

Возьмем несколько больший масштаб.

В каких-нибудь полутора десятках километров от границы Ленинграда на западе есть дачный поселок ЛАХТА. Совершенно непонятное имя! Но непонятно оно только в русском сознании и лишь до тех пор, пока мы не бросим взгляд на карту соседней Финляндии и не обнаружим на ней множество населенных пунктов, озерных заливов и всяких иных урочищ, которые либо прямо называются ЛАХТИ, либо же слоги «лахти» входят в них как один из двух или нескольких элементов. Все эти имена финские, слово «лахти» по-фински значит «бухта, залив». Этим словом в Финляндии называются либо са-

ми извилины берегов, либо поселки, стоящие у таких извилин.

А наша Лахта расположена у прибрежья Маркизовой Лужи на территории Карельского перешейка, у самого его начала, в таких местах, где до того, как русские накрепко обосновались тут, «ногою твердой став при море», жили финны и все пестрело финскими топонимами.

Наши предки нашли на берегу Финского залива рыбачий поселок Лахти. Они оставили ему его финское имя. Но по-русски слово с окончанием «-и» выглядит чудно, как существительное «лахть», «лахтя» во множественном числе. Такого слова — «лахть» — у нас нет. И новые поселенцы заменили чужое «и» на свое привычное «а»: деревня Лахта. Если можно сказать «на Лахте», надо думать, в именительном падеже должно быть «Лахта».

Непонятное опять превратилось в совершенно понятное. Но стало ясно — в пограничных районах, в местах, где народы волнами накатывались друг на друга, для того чтобы анализировать смысл и происхождение географических имен, недостаточно во всем совершенстве владеть своим языком. Надо знать, какой народ мог до русских оставить следы в местной топонимике, и уметь разбираться и в его языке.

Когда один народ и один язык где-либо сменяет собою другой народ и язык, происходят порою удивительные наслоения разных влияний в топонимике.

Сорок лет японцы владели русским Сахалином. В 1945 году мы возвратились на него. Изучая новые японские карты острова, советские люди заметили на них поселок МОРУДЗИ и другой, с удивительным именем МАРАУЭФУЭСИКИ. Ума нельзя было приложить, что они значат: ни в каких японских словарях таких слов не находилось.

Взяли старые русские карты острова конца прошлого века и на месте загадочных Морудзи и Мараузфуэсики обнаружили самые простые русские: поселок МОРЖ и село МУРАВЬЕВСКОЕ.

Удивляться тут нечему: когда в свое время прославленный русский путешественник Пржевальский обратился к пекинскому правительству с просьбой о разрешении ему посетить Тибет, в ответных китайских

бумагах он неизменно именовался «милостивым господином Пи-ли-се-ва-ли-си-ки». Иначе китайцы не могли ни произнести, ни написать его фамилию.

Очевидно, мало для расшифровки топонимов в местах народных передвижений, там, где изменялись границы государств и языков, знать хорошо один смежный язык, необходимо знать отлично и другой, соседний. Надо обладать еще сметкой и догадкой, чтобы сообразить, какие именно причудливые гибриды могут образоваться с течением времени на их стыках.

ОСТОРОЖНОСТЬ

На протяжении моей книги я буду множество раз призывать к топонимической этимологической осторожности: никакую теоретическую работу нельзя вести, не обладая этим ценнейшим свойством.

Сейчас, по-прежнему думая об улице Заячья Роща, я думаю об особом виде осторожности: тоже топонимической, но несколько иного рода.

Осторожность, конечно, нужна при разгадывании значения и происхождения географических имен. Мы с вами будем иметь случай познакомиться с великим множеством названий мест, по поводу которых учеными (не профанами!) предложено не одно-два, а три, десять различных решений. Каждое из них имеет свои положительные стороны, по поводу каждого можно подобрать немало доводов в пользу и — увы! — не меньше против.

Простой пример. Писатель Солоухин в книге «Владимирские проселки» влюбленным взглядом рассматривает названия деревень, нанесенные на карту Владимирской области.

Среди них он упоминает имя СОБОЛЯТА. Он приводит его, говоря о свидетельствах карты по поводу тех зверей, которые водились некогда в его родных местах, и считает, что раз имеется деревня Соболята, значит там, где она издревле стоит, жили некогда соболя. Правдоподобно, а?

Но вот в одном из номеров «Огонька» появился очерк, посвященный пространствам на границе Брянской и Тульской областей. В этом очерке упоминалась

деревушка ХОРЬКОВО или ХОРЕВО. Рассуждая по точной аналогии, каждый имеет право заключить, что перед нами прямой свидетель простого факта: место когда-то изобиловало хорьками.

Однако автор очерка, совершенно не имея в виду топонимику и ее интересы, между прочим сообщил, что в этой лесной деревушке не так давно скончалась последняя внучка тургеневского Хоря, героя знаменитого рассказа «Хорь и Калиныч».

И все меняется. Становится ясным, что название появилось потому, что лесную выселку когда-то основал справный мужик помещика Полутыкина, могучий Хорь, с его лбом Сократа и крепкой сметкой хлебороба. Может быть, его самого прозвали Хорем именно за мысль поселиться на диких лесных росчистях, на пнях, «что твой хорь». Но место, где он осел, получило название явно по своему первому поселенцу. И сохранило его, как видите, в течение целого столетия.

Теперь, пожалуй, становится ясно, что Солоухин, давая поэтический образ карты-собеседницы о далеком прошлом русской земли, был прав как мастер слова, но как топонимист допустил некоторую неосторожность.

В определенных частях России рядом с именами мест на «-во», на «-ино», на «-иха» (АНЦИНОРИХА, ШАНТИЛИХА), на «-ичи» (БАРАНОВИЧИ, ШАБУНИЧИ) попадается группа названий мест на «-ята», «-ата». Чаще всего суффикс этот примыкает к имени мужскому личному: СТЕПАНЯТА, ОВЕРЯТА (от Аверкий), ФИЛЯТА (от Филипп). Но нередко он присоединяется и к слову вообще, в частности к названию того или иного животного. Во всех случаях это означает только одно: на месте, так названном, поселился некогда основатель поселка и рода, и его имя — или его прозвище — отражено теперь в названии места. Если оно Степанята, родоначальника звали Степан. Если оно Филята, имя ему было Филя, Филимон. Ежели Соболята, то оно является как бы подписью, оставленной на карте старым дедом Соболем, одним из тех бесчисленных дедов с таким прозвищем, от которых пошли и часто встречающиеся граждане по фамилии Соболевы и множество мест с самыми различными суффиксами (СОБОЛЕВО, СОБОЛЕВКА, СОБОЛИХИНО, СОБОЛЕВИЧИ, СОБОЛЯ-

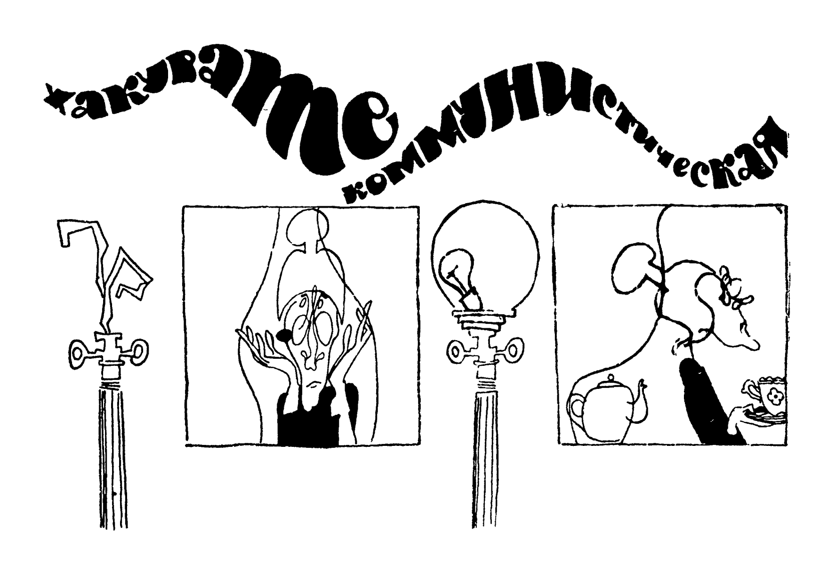

ТА), но с неизменной основой «Соболь», хранящей память о прозвище первого человека, осевшего тут на землю, или долголетнего собственника угодья.

А что же, неужели живой пушистый зверек соболь решительно не мог оказаться «крестным отцом», как говорят ученые, «эпонимом» ни одного географического объекта?

Отчего же нет? Но больше шансов, что такое имя имело бы несколько иную форму, было бы произведено от той же основы, но другим суффиксом. Вот если вы встретите имя СОБОЛИНАЯ ПАДЬ или просто деревню СОБОЛИНАЯ, село СОБОЛЬЕ, много вероятней, что это значит «богатые соболями». Деревня ЗАЯЧЬЯ, вероятно, означает какую-то связь с длинноухим прыгуном. Деревня ЗАЙЦЕВО — место, принадлежащее Ивану или Петру по прозвищу «Заяц». Сами прислушайтесь: мы не любим суффикс «-ев-» или «-нн» соотносить с кем-либо, кроме людей. Мы не скажем «зайцевы уши», скажем «заячьи». Мы не назовем участок леса лосевым, а лосиным — охотно. ЛОСИНООСТРОВСКАЯ значит — расположенная у лосиного острова, участка леса, богатого лосями...

Осторожность необходима топонимисту-теоретику,

когда он изучает готовые, доставшиеся нам от предков, имена. Я в дальнейшем сто раз призову вас к ней.

Но другая, не меньшая осторожность нужна тому, кто занят топонимической практикой, активным наименованием и переименованием мест — поселков, улиц, лесов и озер.

Я уже не говорю о том, что страсть переименовывать вырастает порою в какую-то болезненную и бессмысленную манию.

Как-то в «Литературной газете» я наткнулся на горестное воззвание профессора Е. Величко, живущего в Краснодаре:

«...Была у нас в свое время улица ГИМНАЗИЧЕСКАЯ. Переименовали ее в РАБФАКОВСКУЮ. Ну что ж, вроде бы неплохо! Ан нет! Прошло два-три года, и решили наши «отцы города», что и это название устарело. Назвали улицу именем ХАКУРАТЕ. Прошло еще несколько лет. Переименовали теперь эту улицу в КОММУНИСТИЧЕСКУЮ... Живет человек безвыездно в одной и той же квартире, а адрес меняется каждые два-три года...»

Разумеется, чрезвычайная нелепость, и странно, что такая практика до сих пор у нас не запрещена строжайше.

Но я пока что думаю о другом...

Я думаю вот о чем. У русского народа издавна сложилась сложная и разветвленная система топонимических обозначений. Она складывалась, как все складывается в языке, медленно и неуклонно, не подчиняясь воздействию индивидуальных фантазий и причуд, как течет река. И, как река, она получила свою могучую инерцию.

Благодаря этой системе и ее инерции в подавляющем большинстве типических случаев мы узнаем топонимы, отличаем их, даже слыша впервые, от других словесных и именных категорий.

Вам говорят: ИВАНЬКОВО, или КОНЦЫ, или БРАТСК, или ТВЕРСКАЯ-ЯМСКАЯ, и вы без особого труда соображаете, что перед вами названия мест — деревень, городков, улиц. В то же время вы никак не подумаете, что Иваньково — название улицы. Вам в голову не придет, что БАССЕЙНАЯ может быть названием озера или города.

Категорической силы все это не имеет, но в великом и важном среднем оно так.

В силу воздействий этой системы (она сложна и пестра, но очень строга в своей пестроте) все то, что ею не охватывается и в нее не входит, ощущается — не мною, не вами, а языком — как нечто чужеродное, странное, требующее некоторой обкатки, замены, пришлифовки к системе. И язык неуклонно, ни у кого не спрашиваясь, ни с чем не считаясь, производит незаметную на первый взгляд, но весьма существенную работу.

В Петербурге сочли нужным посвятить одну из улиц памяти поэта Жуковского. Ей (раньше она звалась МАЛОЙ ИТАЛЬЯНСКОЙ) придали имя: УЛИЦА ЖУКОВСКОГО.

Русской топонимической системе такая форма топонимов не свойственна. То есть она может примириться с ними, но все-таки они ей как бы против шерсти. И она стремится пригладить их на свой лад. Прошло несколько больше полувека, и вы почти никогда не услышите в живой речи: «Я живу на Жуковского» или «на улице

Жуковского». Все мы говорим и не удивляемся, слыша: «На ЖУКОВСКОЙ».

Эту улицу пересекает УЛИЦА ПОЭТА МАЯКОВСКОГО. Она уже после смерти поэта, лет тридцать пять назад, получила свое имя вместо НАДЕЖДИНСКОЙ. Но и ее в быту все уже воспринимают как МАЯКОВСКУЮ: «Поедете по Жуковской, направо на Маяковскую...»

Это не удивительно: такой тип названий, как «улица такого-то» или «того-то», свойствен не русской, а французской топонимической системе. Французский язык с трудом образует от собственных фамильных имен прилагательные с притяжательным значением, да когда и образует, они наполняются совершенно другим, чем у нас, содержанием. Когда француз хочет сказать «Бальзаков дом», он говорит «дом Бальзака». Поэтому у него совершенно естественно возникают названия улиц типа БУЛЬВАР БОМАРШЕ, БУЛЬВАР ВОЛЬТЕРА, УЛИЦА РЕОМЮРА, ПЛОЩАДЬ СОГЛАСИЯ, ПЛОЩАДЬ ЗВЕЗДЫ и т. п. Француз не имеет другой модели таких названий, и у него не возникает желания приспособить их к ней. А у нас такая модель есть, у нас разветвленная система суффиксов и флексий, и нам противопоказан французский алгоритм образования имен мест.

Французу имя ПЕРЕУЛОК КОТА-РЫБОЛОВА кажется естественным, а русский навряд ли примирился бы с ним: превратил бы в какой-нибудь КОТОРЫБАЦКИЙ.

Конечно, не всегда и не все в равной степени такие притяжательные названия в форме родительного падежа вызывают резкое отталкивание. Случается, они приживаются. В частности, когда существительное или имя собственное, вошедшее в имя проезда, города, вообще выпадает из системы привычных ассоциаций русского человека. Так, в Петербурге еще привилась УЛИЦА ГОГОЛЯ, потому что от малопривычного слова «гоголь» (порода диких уток) не так-то просто образовать прилагательное «гоголевка» или «гоголевская». А вот уж УЛИЦА ПУШКИНА, если бы ее сразу не назвали ПУШКИНСКОЙ, вероятнее всего, скоро превратилась бы в Пушкинскую.

Любопытно, пожалуй, рассказать тут один случай, подтверждающий наши соображения со своеобразной, так сказать обратной, стороны.

В одном из ленинградских пригородов администрация наименовала целый ряд улиц в честь деятелей русской культуры. Появились улицы писателей ДОСТОЕВСКОГО, ТОЛСТОГО, ТУРГЕНЕВА, ОСТРОВСКОГО, композиторов МУСОРГСКОГО и ДАРГОМЫЖСКОГО. Среди них была и УЛИЦА ПИСАТЕЛЯ ГОНЧАРОВА.

Прошло несколько лет. Уличные таблички на угловых заборах прохудились и исчезли. Было предписано владельцам участков восстановить их. И вот тогда между улицами писателей Достоевского и Островского появилась УЛИЦА ПИСАТЕЛЯ ГОНЧАРОВСКОГО. С чрезвычайной быстротой установилась инерция наименования, и с такой инерцией — не в ее комическом проявлении, а в широком и существенном плане, — нам нельзя не считаться.

Вот почему я и призываю к величайшей осторожности при наименовании и переименовании мест, в плане возможно меньшего нарушения русской системы их.

Наша система не любит наименований с родительным падежом существительного в их составе. Лучше избегать названий, некритически заимствованных у Запада, и, сколько бы ни раздавалось голосов в их пользу, широкое языковое употребление всегда стремится исправить их, перевести в более привычную форму. Такие имена могут очень долго удерживаться в официальном языке (КРОНШТАДТСКИЙ СОБОР НИКОЛЫ МОРСКОГО), в быту они быстро заменяются другими типами (КРОНШТАДТСКИЙ НИКОЛА МОРСКОЙ).

Без особой приязни встречает язык имена, в состав которых включаются нерусские слова, даже если они являются фамилиями. Это особенно чувствуется там, где название сохраняет форму осмысленного словосочетания: УЛИЦА ЗОДЧЕГО РОССИ, УЛИЦА БАУМАНА. Мы уже видели, что может случиться с первым из них. Второе имеет естественную тенденцию превратиться в БАУМАНСКУЮ улицу, вернувшись, так сказать, к на-

ционально-утвержденному типу. Я думаю, не только не следует препятствовать такому вполне естественному процессу. Напротив того, ему надо было способствовать, с самого начала создавая имена в старой языковой традиции. И уж во всяком случае, в использовании не всем известных слов, особенно личных имен, следует соблюдать крайнюю деликатность.

ТОПОНИМИЧЕСКОЕ ЗАПАНИБРАТСТВО

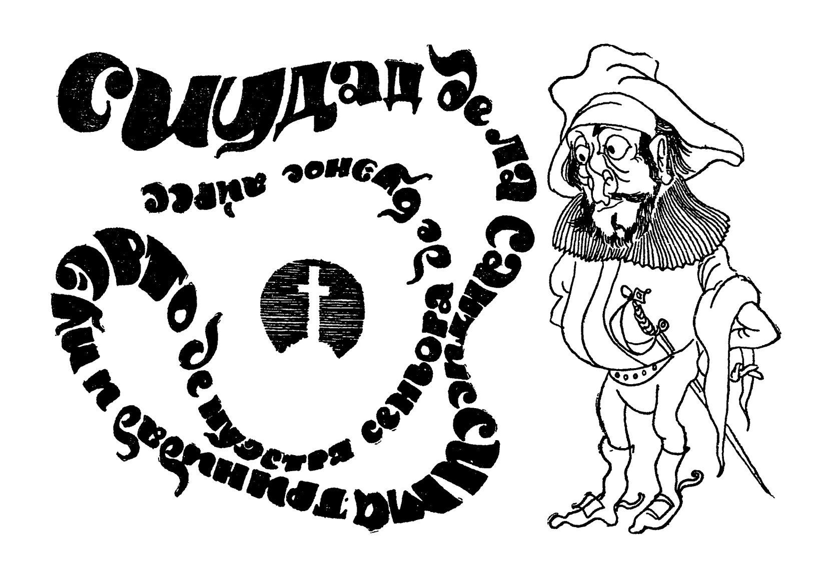
Осторожная деликатность эта нужна еще и вот почему. Придавая месту имя в честь и в память, мы как бы хотим воздвигнуть монумент тому или иному уважаемому нами лицу, а иногда событию. Но, ставя на людной площади памятник, мы заранее уверены, что в течение обозримого отрезка времени памятник будет пользоваться почетом. Обычно так и происходит: никому не приходит в голову оклеить коня Медного всадника рекламными афишами или привязать к голове Екатерины Второй конец провода для подвески фонарей над сквером. Как правило, памятник вызывает — и должен вызывать! — у окружающих чувство благоговения, если даже не к тому, кто им возвеличен, то к мастерству скульптора, к тем событиям народной истории, которые в нем отражены.

Бывает, конечно, и иначе: «мальчишек радостный народ», если с ним не бороться, способен иной раз и к памятникам проявлять запанибратство. Колоссальная змея, попираемая ногами фальконетовского петровского коня, бывало, превращалась подростками Ленинграда в своего рода гимнастический снаряд, и ее бронзовая чешуя начинала «как жар гореть», натираемая штанами беззастенчивого ребячьего племени.

Но это отклонение от нормы. С ним либо борются, либо ликвидируют ставшую ненужной статую.

Куда сложнее получается с монументами топонимическими, с именами, созданными во славу и честь.

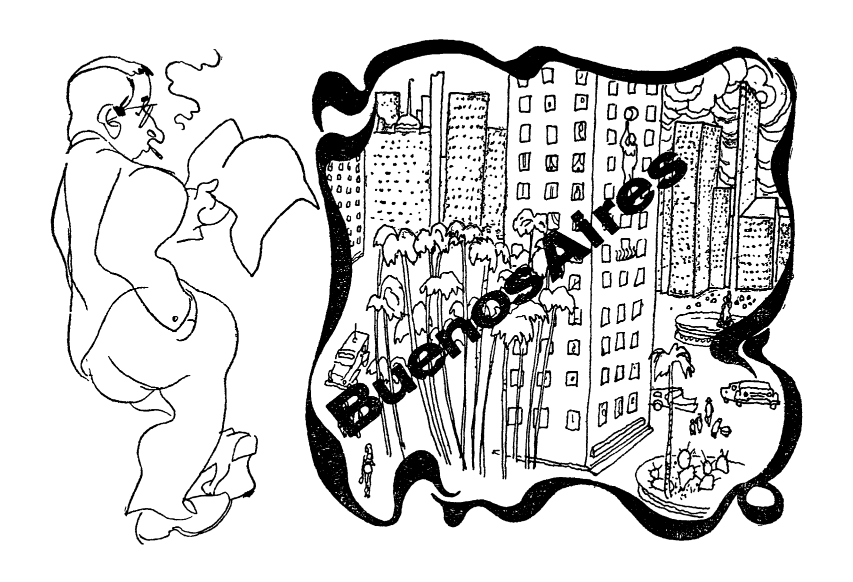
Надо понять вот что: становясь именем места, любое слово, в том числе (и в первую голову!) имя человека, переходит в совершенно новое состояние. Оно очень бы-

стро утрачивает свое первоначальное значение, свой смысл — как слова или имени. Становится названием, и только. И неизбежно к нему, как к чистому названию, возникает совершенно новое, отличное от того, что было до сих пор, отношение.

Вряд ли найдется наивный человек, который поопасается поехать в командировку на станцию ПРОКАЗНА (в Пензенской области), потому что слово напомнит ему название страшной болезни проказы. Никому в голову не придет, что в поселке ПЬЯНСКИЙ ПЕРЕВОЗ (Горьковская область) перевозят на другой берег реки одних только алкоголиков.

В дореволюционной России было множество населенных пунктов, имена которых означали то или другое высокое религиозное понятие. Таких, как УСПЕНЬЕ, ВОЗНЕСЕНЬЕ, БЛАГОВЕЩЕНЬЕ. Каждый, кто в те годы вздумал бы просто сказать: «Ну, знаете, все эти благовещенья и вознесенья — нелепые выдумки церковников!» — был бы обвинен в богохулении и мог быть, если он высказался так в публичном месте, приговорен к ссылке в каторжные работы на срок от шести до восьми лет. А если бы тот же человек, проведя в селе Бла-

говещенье лето, хоть криком закричал в поезде и на вокзале, что, мол, это Благовещенье — мерзкое место, комариный заповедник, медвежий угол и смрадная дыра, ему никто и слова бы не сказал. И закон и люди понимали: слово — одно, а имя — нечто совершенно иное, и смешивать их никак нельзя.

Тогдашние имена были созданы где-то во глуби веков, не нами, и с этим их курьезным свойством наши современники даже при желании ничего не могли бы поделать.

Но ведь мы теперь даем свои новые наименования сознательно, предвидя последствия. И крайне прискорбно, что не всегда считаемся с законами языка и мышления.

Вот назвали в Ленинграде площадь — ПЛОЩАДЬ ЛЬВА ТОЛСТОГО. И теперь, едучи в любом автобусе, вы можете слышать: «Вы на ЛЬВА сходите?» Неприятное словосочетание, а оно вполне законно. Во-первых, живой язык отталкивается от ему не свойственной конструкции: «площадь кого — чего?». Во-вторых, он отвергает непривычные и нелюбимые им составные, из нескольких слов, имена, стремится их упростить: получает-

ся не площадь «Льва Толстого», а просто «Льва», И в-третьих, каждый говорящий так же мало думает, произнося название автобусной остановки, об ее эпониме, о великом писателе, как и тот, кто, завертывая в кусок газеты селедку или запихивая его в калошу, чтобы не спадала с ноги, думают о фотографии какого-нибудь известного писателя, лауреата, любимца публики, которая при этом подвергается довольно небрежному обращению.

И уже тут не запретишь «так говорить», как можно запретить мальчишкам ерзать штанишками по спинам бронзовых львов или по лапам сфинксов, изображающих фараона Аменхотепа III.

Как запретишь? Ведь имя площади есть и на самом деле только имя площади. Вот и получается, что дачную станцию Северной дороги называют высоким именем ПРАВДА, а пассажиры, толпясь на Ярославском вокзале у касс, второпях кричат кассиру: «Два до Правды и обратно!» Лучше было бы таких, нежелательных, словосочетаний избегать. Лучше заранее предвидеть их возможность и исключать ее.

Ведь подумайте: если бы ленинградская площадь была названа не «Льва Толстого», а «Толстовская», все бы пришло в норму. И сочетание слов: «Вы на Толстовской слезаете?» — никого не могло бы шокировать.

Бывает и по-иному. Под Ленинградом есть дачное местечко КОМАРОВО. Каждый нормально ощущающий слово русский человек понимает: Комарово значит — принадлежащее Комару, основанное Комаром. Вспомнив, что я говорил по поводу Соболят, мы заподозрим: речь тут шла, вероятно, не о комаре-насекомом (тогда бы было скорее Комариное), а о Комаре-человеке, основателе этого поселка, его дореволюционном владельце или о ком-то по прозвищу Комар, в чью честь дачное место названо. В том не было бы ничего невозможного: в ленинградской телефонной книжке и сегодня значатся четыре Комара: А. П., Е. Г., И. М. и С. К.

И оказывается, рассуждая так, мы сделали бы ошибку: Комарово названо в честь не Комара, а покойного президента Академии наук, ботаника, географа и путешественника Владимира Леонтьевича Комарова.

Да, но тогда поселок должен бы носить имя Ко-

маровское. Чье? — Комаровское, принадлежащее Комарову. В данном случае ошибку допустил не тот, кто пытался раскрыть смысл названия, а тот, кто давал его, не считаясь с нравом и привычками русского языка.

Хочется предупредить и еще против одного топонимического греха, свойственного «крестным отцам» наших поселков, улиц и урочищ.

В системе русского языка подавляющее большинство топонимов состоит из одного слова. Встречаются двухэлементные: ВЫШНИЙ ВОЛОЧЁК, МАЛАЯ ДЕВИЦА, МОКРАЯ БУЙВОЛА, КРАСНЫЙ КУТ, чаще все это сочетание существительного, как бы самого имени, с прилагательным — определением, выделяющим данное имя в ряду других, похожих.

Можно сказать почти без особых оговорок: русских географических названий, состоящих из трех, четырех и более составных частей-слов, считанные единицы. Вот я беру первый попавшийся под руку справочник: «Список станций железнодорожной сети СССР» (издание 1941 года). Названия на букву «б» занимают там 18 страниц, всего их 804. Из них однословных — 747, двусловных — 52, состоящих из трех слов — 5. При этом среди двусловных 13 имен нерусского происхождения (БАБА-ДУРМАЗ, БАЙРАМ-АЛИ, БАЙ-ХОЖА), 7 — являются сочетанием имени с определением «большой» (БОЛЬШОЙ ДВОР, БОЛЬШОЙ КИТАЙ) и только 32 — обычные русские топонимы вроде БОРИСОВА ГРИВА, БЕЛЫЕ СТОЛБЫ, БОРКИ ВЕЛИКИЕ и так далее.

Ни одного трехэлементного названия, которое не являлось бы предложным образованием вроде Ростов-на-Дону (БАНИЛА-НА-СЕРЕТЕ, БАЛА-НАД-СТРЫЕМ)!

Четырехэлементных нет совершенно.

По-видимому, можно уверенно сказать: сложные составные топонимы нашей географии (а вернее, нашему языку) не свойственны.

Вот почему тем, кто занимается изобретением новых географических имен, надо ясно знать: не следует никогда «прати противу рожна», выдумывать имена, самая форма которых несвойственна русской топонимике. А ведь бывает.

Случается, что «называтели», увлекаемые самыми лучшими побуждениями, стремясь дать новому «объекту» самое лучшее, наполненное наиболее емким, веским, идейно полноценным содержанием имя, упускают из виду, что необъятное объять невозможно, и изобретают прекрасные по замыслу имена, которые если и останутся жить, то разве только в документах, на картах, но никак не в живой речи.

Испанские мореплаватели XVI века, люди суровые и жестокие, но которым никак нельзя было отказать в чувстве искренней и наивной религиозности, любили давать вновь открытым островам, вновь основанным городам сложные, состоящие из многих слов церковные названия.

Город в устье Ла-Платы его основатель де Мендоза нарек так: СИУДАД ДЕ ЛА САНТИССИМА ТРИНИДАД И ПУЭРТО ДЕ НУЭСТРА СЕНЬОРА ДЕ БУЭНОС АЙРЕС.

Это означало: «город святейшей троицы и порт нашей владычицы богородицы добрых ветров».

Превосходное имя, настоящее имя для простых, грубых, по-мужицки верующих матросов-католиков.

Но прошло два-три столетия, и превосходное по смыслу имя оказалось непригодным именно как имя. Его было трудно выговаривать. Оно было слишком сложным, чтобы кричать его с мачты, или наспех записывать в шканечный журнал, или упоминать в длинном хвастливом перечне десятков посещенных портов и гаваней.

И оно, обкатавшись, сократилось в простой БУЭНОС-АЙРЕС. И стало значить просто: «благоприятные воздухи». Испанцы остались испанцами, моряки моряками, католики католиками, но теперь даже сам папа римский в своих энцикликах не упомянет старого многоэтажного имени, а скажет просто: Буэнос-Айрес. А какой-нибудь кардинал Спеллман или его наследник пойдет и дальше. Он назовет тот же город БАЙРЕСом, как его зовут торопливые янки.

Двадцать девять слогов стянулись до двух. Тринадцать слов превратились в одно-единственное. И никто не выносил по этому поводу никаких постановлений, никто никогда не переименовывал столицу Аргентины. Она

переименовалась сама. Потому что при ее «крестинах» были нарушены законы образования топонима. Потому что имя оказалось искусственно построенным и не уложилось в систему подлинно народных имен.

Держать этот пример у себя на слуху и перед глазами следует всем тем, кому обстоятельства дали в руки власть изобретать новые имена географическим объектам.

ЧЕЛОВЕК НА КАРТЕ

Километрах в десяти севернее города Невеля, у границы БССР и РСФСР, лежит озеро ИВАН.

Второе озеро с таким же самым именем плещется в Средней России, между Веневом и Епифанью.

Видимо, существуют имена собственные, которые равно подходят и людям и местам?

Как будто — да. Течет на Украине небольшая речка ХРИСТЯ, приток другой реки, тоже не слишком мощной, Грунь-Ташани.

Экое милое, нежное, нежное девичье имя! Помните, у Бунина:

Христя угощает кукол на сговоре,
За степною хатой, на сухих бахчах...

Однако украинский ученый О. Стрижак, например, сомневается, чтобы гидроним Христя мог произойти от женского имени Христина. Скорее он связан со словом «хрести» — кресты. Неподалеку от Христи есть село Хрести. Оба названия, вероятно, родились из понятия о перекрестках, скрещениях дорог, речных долин, балок, овражков...

Увы: девочка Христя отпала! А два Ивана?

И с ними не просто. Названия природных водое-

мов — морей, озер, рек — обыкновенно очень стары. Кто скажет, что родилось раньше: имя Ивана-озера или всем известная любовь русского народа к человеческому имени Иван? Имя-то нерусское по корню, вывезенное из Греции, оно не всегда было приятно и мило нашим предкам. Так что прежде?

Другое дело разбросанные по всей стране ИВАН-ГОРОДЫ. Тут обычно, порывшись в документах, находишь Ивана — человека, с которым название связано. ИВАН-ГОРОД под Нарвой, скажем, крепость, заложенная в 1492 году, в великое княжение Ивана III, Васильевича...

Но ведь это конец XV века! А кто и когда назвал Иван-озеро?

Какой же вывод? Нет на картах человеческих имен? Ни Иванов, ни Марий?

МИСТЕРЫ, СУДАРИ, ГОСПОДА...

Ну как нет? Вывод опрометчивый!

Беру карту Канады и вижу озеро ЧЕРЧИЛЛЬ и реку ЧЕРЧИЛЛЬ, уж это-то имя всем нам памятно. Был такой человек, очень шумно проживший жизнь.

Смотрю на Мировой океан — замечаю остров МАВРИКИЙ, так он назван в память одного из герцогов Оранских, Морица, а точнее, его «небесного патрона» — святого Мориса, Маврикия.

Еще чаще это бывает с поселениями. Город МЕЛЬБУРН — фамилия высокородного лорда. Город СИДНЕЙ — фамилия другого лорда, премьер-министра Англии в конце XVIII века...

Погодите, а у нас? Вот: город ВЛАДИМИР...

Оно и так, и не так. Во дни основания города, в начале XII века, он (по древним документам) получил имя ВОЛОДИМЕРЬ... В чем разница?

Она существенна. Владимир — существительное, Володимерь — отыменное прилагательное с суффиксом принадлежности на конце. Значило оно «Владимиров» (город). Это понятно: основан Владимир Владимиром Мономахом.

Русский язык обладает очень сложной морфологией. Наше личное имя по самому составу своему, по своей форме чаще всего резко отличается от наших же фами-

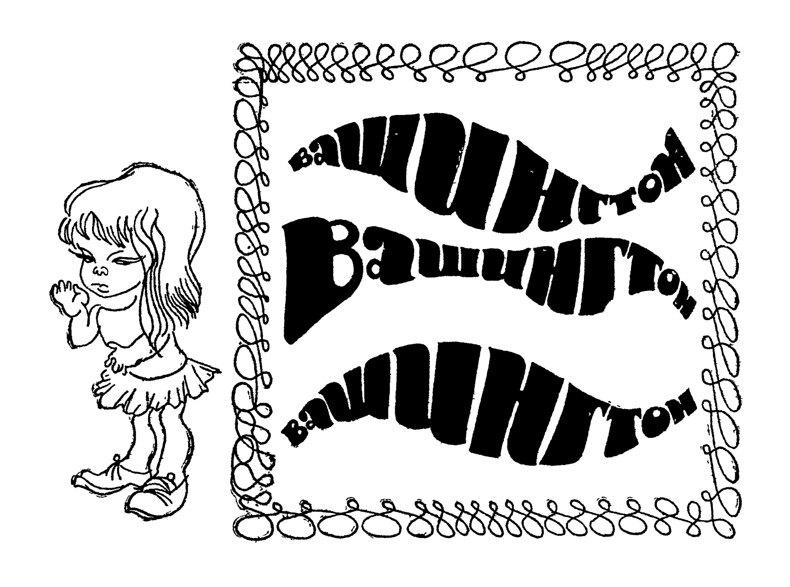
лий. Иван — явное имя, Иванов, Иваненко, Ивановский — фамилии.

У других народов может быть и не так. Был Георг Вашингтон, первый президент США. Вашингтон — тут фамилия. Был Вашингтон Ирвинг — знаменитый английский писатель. Здесь Вашингтон — имя. Есть город ВАШИНГТОН, столица США. Увидев на листе бумаги написанное отдельно слово «Вашингтон», англичанин затруднится сказать вам, что оно собою представляет.

А вы, прочтя три слова: кузнец, Кузнецов, Кузнецовка, сразу пальцем покажете — где слово, где фамилия, где название деревни, и чаще всего не ошибетесь. Вы узнаете это по типичным суффиксам имен. По их форме.

Поэтому нам труднее, чем, скажем, англичанам, беззаботно превращать, ни в чем их не изменяя, личные имена в географические и наоборот. И все же, особенно в теперешние времена, мы так иной раз поступаем.

Во дни, когда Владимир Мономах основал город на Клязьме, ему, вероятно, в голову не пришло бы назвать его просто Владимир или Володимир. Поселок, есте-

ственно, получил имя-указатель: чей городок? Володимерь, то есть Владимиров.

Века спустя форма слова изменилась. Стало уже возможно иной раз назвать место и просто так, самим именем существительным в именительном падеже.

А в наше время мы, может быть отчасти под влиянием западных, иноязычных примеров, стали с такими названиями обращаться довольно свободно. Я полагаю, вы и без меня слыхали о совершенно исключительном случае, о русском населенном пункте с человеческим именем и отчеством. Я говорю о всем известной железнодорожной станции ЕРОФЕЙ ПАВЛОВИЧ в Читинской области, на 6693-м километре от Москвы.

Загадочного ничего нет: имя дано станции и поселку при ней в честь и память славного путешественника XVIII века, казака Ерофея Павловича Хабарова, того же, чье имя носит город ХАБАРОВСК.

«Крестины» произошли на рубеже XIX и XX веков, когда строился Транссибирский железный путь. Столетием раньше подобное название навряд ли закрепилось, даже если и было бы дано. А теперь появились новые средства для такого насильственного закрепления. Сегодня название придумали путейцы, завтра его по

приказу свыше занесли в перечень новых станций, послезавтра всюду пошли письма с этим именем на штемпелях... Потом оно появилось в газетах, замелькало на багажных накладных, в ведомственной переписке, во множестве справочников, на тысячах официальных бумаг... Как же ему было не утвердиться, даже вопреки всем привычкам и обычаям чисто русской топонимии?

И все же посмотрите: укрепилось, но — как исключение. Живет. Но образцом и типом для других географических имен так и не стало.

Есть у нас город, названный в честь путешественника Пржевальского, так он зовется ПРЖЕВАЛЬСК, а не Николай Михайлович. На карте полярного океана вы найдете остров ИСАЧЕНКО — в честь академика-микробиолога, — так ведь не Борис Лаврентьевич. У Владивостока есть поселок ПОСЬЕТ — был такой достойный памяти адмирал. Но и тут — Посьет, а не Константин Николаевич.

Как ни приятно нам это добродушное, чуть-чуть запанибратское имя станции, оно осталось единственным на всей карте нашей страны топонимическим курьезом. Редкостью.

А вот простые отфамильные названия распространились после Октября достаточно широко. Город КАЛИНИН, город КИРОВ, город КУЙБЫШЕВ...

Иногда в прессе поднимается спор: резонно ли вливать новое вино в старые мехи — города и веси, возникшие в XII, XIII, XIV веках, заново называть именами героев века XX?

Я думаю, спор неразумен по поводу всего того, что уже было сделано в первые десятилетия после революции. В топонимике есть свое право давности: имя, прожившее полвека, вполне приравнивается в сознании народа к тому, которое существует пять веков. Еще раз распереименовывать такие города и села явно недопустимо.

А вот в дальнейшем со всяческими переименованиями следовало бы поступать как можно деликатнее и осторожнее.

Менять названия мест можно только в исключительных случаях, если точно установлено, что старое имя, так сказать, общественно-равнодушно, что с ним не связано никаких прочных исторических памяток, что оно

невыразительно, плоско, незначимо. Мы столько закладываем и строим новых городов, поселков, станций, их вполне хватит для сотен воистину созвучных нашей эпохе новых горделивых имен.

Во-вторых, нельзя забывать вот чего. Создавать на карте страны топонимические мемориальные доски можно только в тех случаях, когда речь идет о людях, поистине всенародной и вечной славы, о великих людях и великих событиях.

Когда народ твердо знает, что, сколько бы ни прошло десятилетий и столетий, имя этого человека будет попрежнему восприниматься с тем же благоговением и восторгом, с каким воспринимает его сам народ сейчас, — он охотно врежет его в великую мраморную доску географической карты, придав его городу, столице, площади, проезду.

Любой новорожденный город можно сегодня назвать именем Юрия Гагарина, на всей земле не найдется ни одного несогласного. Еще бы: можно поручиться — сколько бы ни прошло веков, имя его не изгладится из памяти человечества, как не изглаживаются из нее имена Колумба, Галилея, Ньютона. Нет, собственно, даже надобности закреплять его в топониме: оно сохранится и без того, само по себе. Но потому-то и приличествует ему остаться и на карте.

Ошибается тот, кто думает, что славу человека можно искусственно законсервировать топонимическим путем. Она не померкнет в имени места лишь тогда, когда и без него пребудет нетленной.

Помните стихотворение Бунина:

Курган разрыт. В тяжелом саркофаге
Он спит, как страж. Железный меч в руке.
Поют над ним узорной вязью саги,
Беззвучные, на звучном языке.

Но лик сокрыт — опущено забрало.
Но плащ истлел на ржавленной броне.
Был воин, вождь, но имя Смерть украла
И унесла на черном скакуне.

Такие безымянные останки славы печальны. И все же, на мой взгляд, еще грустнее, когда натыкаешься на памятник, сохранивший только одно имя, но утративший самую душу свою — воспоминание о личности.

В 1944 году в Бухаресте мне довелось побывать на ШОССЕ КИСЕЛЕ́ФФ, довольно красивой улице. Название заинтриговало меня: русское имя в Румынии! Но никто из румын не смог объяснить мне, кем он был, увековеченный в топониме человек. «Какой-то генерал, кажется...» — отвечали мне.

Потом я дознался. Да, был такой николаевский генерал, граф, министр, Павел Дмитриевич Киселев. Он заслужил себе уважение не только дома, но и в полуосвобожденных тогда от турок Молдавии и Валахии. И в его честь была наречена широкая улица от площади Виктории до улицы Поповича.

Горькое чувство шевелилось во мне, когда я стоял там под зелеными акациями. Смерти в данном случае не удалось «украсть имя». Но всю остальную память о человеке она «унесла на черном скакуне». А почему? С топонимической памятью шутки плохи: она по-своему мстит тому, кто ее не достоин...

Я отвлекся. Мне сейчас придется вернуться к очень важному разделу в топонимике любой страны и народа и как бы вопреки сказанному поговорить как раз об отыменных названиях мест.

ИВАНОВКИ И ПЕТРОВКИ

Маленькое предупреждение. Составитель известного Этимологического словаря русского языка А. Преображенский, приводя в своем словаре примеры на употребление какого-либо слова в народе, застенчиво оговаривался:

«...считаю своим долгом объяснить, что м. б. слишком часто пользуюсь говором села Заулье Севского уезда Орловской губернии, где я родился и провел детство; надеюсь, снисходительный читатель простит мне это невольное пристрастие».

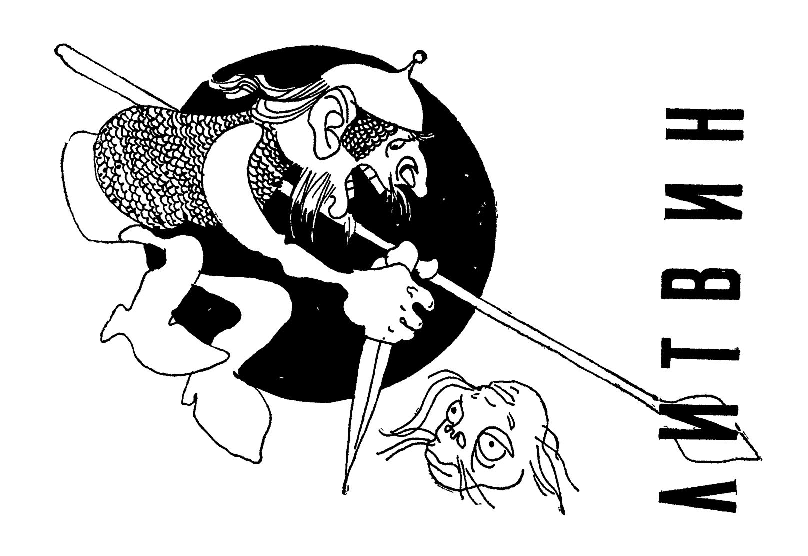
Столь милое проявление скромности крупного филолога позволяет и мне надеяться на такое же снисхождение. Я уже ссылался, и впредь не однажды сошлюсь, на топонимию крошечного, но очень мне дорогого клочка русской земли — бывшей Михайловской волости Великолуцкого уезда Псковской губернии.

Там, в чудесных древле обжитых местах, я жил в детстве и юности. Там каждое озерко-глушанек, каждая деревнюшка знакомы и памятны мне куда больше, чем свои пять пальцев (не знаю, как вы, а я эти «мои пальцы» представляю себе довольно смутно!). Ничего странного, что их имена приходят мне на ум, как только я начинаю размышлять о топонимике.

Да я в этом и не вижу ничего предосудительного. Многие свойства морской воды проявляются в любой ее пригоршне, где бы вы пригоршню ни зачерпнули. И в нашем вопросе существуют закономерности, которые можно наблюсти одинаково на Псковщине и под Ярославлем, возле Смоленска или в Подмосковье. Я не сказал — все свойства: некоторые. Я не сказал — в любом месте: почти в любом.

Мысленно я беру циркуль и втыкаю острие в ту точку Псковской губернии, которая в первой четверти века была сельцом и именовалась ЩУКИНО. Растворив циркуль на пять верст, я описываю им окружность и получаю круг площадью около 80 квадратных верст (90 квадратных километров). Я вспоминаю названия селений, разбросанных по этому кругу. Мне приходят на память тридцать четыре имени, может быть, одно или два я и запамятовал за полвека. Вот они:

МИХАЙЛОВ ПОГОСТ	+	ПАШКОВО	+
ЮДКИНО	+	УЛЬЯНЦЕВО	+
ЩУКИНО	— +	ПЕТРЕШКИНО	+
КОПАЧЕВО	+	МИКУЛИНО	+
МИШКОВО	— +	МАРКОВО	+
ЯКОЛЬЦЕВО	+	КРЕСЛОВО	—
МИНИНО	+	СИВЦЕВО	— +
АЛЕКСАНДРОВО	+	ЛИПОВИЦЫ	—
ТОКАРЁВО	— +	Б. АНТИПОВО	+
УТЕХИНО	—	М. АНТИПОВО	+
ЛИТВИНОВО	— +	АНДРОШКОВО	+
ПРОКОПИНО	+	ИСАКОВО	+
ГОРА	—	КОСЬКОВО	+
СТАРОСТИНО	— +	ПЫПЛИНО	— +
ЖУКОВО	— +	ИВАНЬКОВО	+
ДАНИЛОВО	+	СУББОТКИНО	+
ВАСИЛЁВО	+	КАРМАНОВО	+

Я пометил все имена различными значками.

Крестиками обозначены те из них, которые явно и несомненно произведены из самых обычных, «календарных» православных имен.

Минусы стоят у тех топонимов, относительно которых ясно, что они ни с каким человеческим именем не связаны. Это имена описательные, они указывают на тот или другой внешний признак называемого. ГОРА — звалось помещичье имение, расположенное на возвышенном плоскогорье. ЛИПОВИЦЫ, наверное, когда-то славились липовыми зарослями вокруг или отдельными могучими деревьями на крестьянских усадьбах, в мои дни ничего такого уже нельзя было там увидеть. УТЕХИНЫМ мог назвать свою деревню ее чувствительный владелец, помещик крепостных времен. Такие сентиментальные имена были когда-то в моде, вспомним хотя бы ОТРАДНОЕ, владение Ростовых в «Войне и мире».

Есть еще значок — и крестик и минус. Им обозначены сразу два типа имен: образованные не из церковного, православного имени человека, но либо из его бытового прозвища, либо же из того, что в древности называлось у нас «мирским» именем, таких имен из старых документов известны сотни и тысячи. Это один тип.

ЛИТВИН

Второй — названия, заключающие в себе определение профессии человека.

Привести примеры?

Ну, вот деревня ПЫПЛИНО. Название значит: «Принадлежащее Пыпле». Странное слово, но в словаре Даля, настольной книге любого топонимиста, зарегистрирован глагол «пыплить»; значит он — копаться, медлить. Следовательно, пыпля — медлитель, копун; кое-где слово это понимается и как лентяй. Вот какому человеку обязана деревушка своим названием.

Поле к полю с Пыплином — «супольно» с ним — располагалась деревня ЖУКОВО. Несомненно, она была названа так не по жукам, которые там-де изобиловали, а потому, что ее основателем или первожителем был какой-нибудь чернявый землепашец, прозвищем Жук, облюбовавший себе место над небольшим рыбным озерком.

Не исключено, что таково было его старинное мирское имя. Почему я так уверен в этом? Да потому хотя бы, что русский человек, когда речь идет о букашках, не назовет место, ими богатое, Жу́ковом. Он скажет — ЖУЧИНОЕ, ЖУЧЬЕ... Может быть (редко) —ЖУКО́ВО.

Я не поручусь, но название КАРМАНОВО, вполне

возможно, надо понимать как «принадлежащее Карману». Был в Москве великий князь Калита (денежный мешок), почему не быть на великолуцкой земле зажиточному мужику Карману?

И ЛИТВИНОВО навряд ли обязано своим именем человеку из Литвы. В Псковской губернии до революции было принято словами «литва», «литвин» клеймить озорников-мальчишек за их несносные шалости; бранные слова эти явно остались еще от времен литовских войн. По-видимому, один из таких шалопаев до того закрепил за собою сердитую кличку, что и будучи взрослым все слыл литвином, даже когда осел над каменистой бурливой рекой Локней и основал тут свой новый починок Литвиново...

Таких топонимов, как видите, не так уж мало, а считать отыменными одни только связанные с церковными святцами названия было бы совершенно неправильно.

Теперь — ТОКАРЁВО. Легко поверить, что в нем некогда обитал известный в округе токарь, возможно — «прялочник»... КОПАЧЕВО?.. «Копач» у Даля — «работник с заступом или мотыгою»; например, специалист-канавщик: их было немало в дореволюционной деревне. Но, с другой стороны, по тому же Далю, слово «копач» может значить и просто «лопата» и даже «кабаний клык». Поди теперь выясни, какое значение спрятано в названии псковской деревеньки! СТАРОСТИНО: здесь даже и доказательств подбирать не надо, имя само раскрывает свое происхождение.

Строго говоря, конечно, название профессии — не личное имя и даже не прозвище. Но вот как раз в деревне ЯКОЛЬЦЕВО мне вспоминается одна женщина, прирабатывавшая печением из гороховой муки серо-зеленых пряников на патоке. В 1912 году никто не знал ее по имени, говорили: «да Прянишница якольцевская!»: Даже ее дочек звали «Прянишны девки». Имя нарицательное на лету превращалось в имя собственное, и впоследствии из него очень просто мог бы возникнуть топоним. Фамилией-то Прянишниковы мир полон, почему бы и топониму не стать?

Вернемся теперь к тому, что у меня помечено крестиком. Смотрите: из 34 названий 21 возникло из всем известных, церковью признанных русских имен: МИХАЙЛОВ ПОГОСТ так или иначе (как — вопрос

особый) связан был с неким МИХАЙЛОМ; в ЮДКИНЕ когда-то жил и чем-то прославился некто Юдка (то есть Иуда; можно поручиться, что он был не дворянин: тот бы остался Иудой или в крайности стал Иудушкой). МИНИНО родилось из имени Мина, оно когда-то фигурировало и как мужское и как женское; ПРОКОПИНО — из Прокоп, Прокофий, АНДРОШКОВО — от Андроник, Андрошко... Порой не совсем просто подобрать к названию места подходящее имя, но это потому, что мы плохо знаем сложную систему народных и древних уменьшительных от календарных имен.

Я уверен, что название КОСЬКОВО связано с мужским фамильярным именем Костько, Константин, что в деревне СУББОТКИНО жил некогда человек с именем Субботка: в старых грамотах упоминается немало мужчин Суббот.

Процент отыменных названий получается равным 60, а если считать с прозвищами и мирскими именами, так и 85. На остальные названия остается небольшая доля, да и то еще не всегда можно точно сказать, что имя тут ни при чем.

Вон слово «кресло» у Даля имеет, кроме привычного нам, еще пять специальных значений: и «люлька для подъема на стену штукатуров», и «рубка на палубе баржи», и «две слеги с поперечиной на телеге или санях», и какие-то «пяла, на которых свежуют убитую скотину». Как знать, не могло ли от одного из них образоваться прозвище «Кресло» и не от прозвища ли пошел топоним КРЕСЛОВО?

Но, может быть, я придаю слишком большое значение частному случаю: в моем родном месте так, в других иначе?

На то не похоже! Историк С. Веселовский, например, изучая топонимику междуречья Оки и Волги, установил, что больше половины тамошних названий населенных мест происходят от личных имен их стародавних обитателей. Он доказывает, что к этой категории следует отнести немалое число имен мест, которые на поверхностный взгляд кажутся не имеющими ничего общего ни с человеческим именем, ни с прозвищем. Кто бы, не посвященный в тайны исторических архивов, мог сразу заподозрить, что названия подмосковных сел ПУШКИНО, ТУШИНО, ПОДУШКИНО, КРЮКОВО связаны

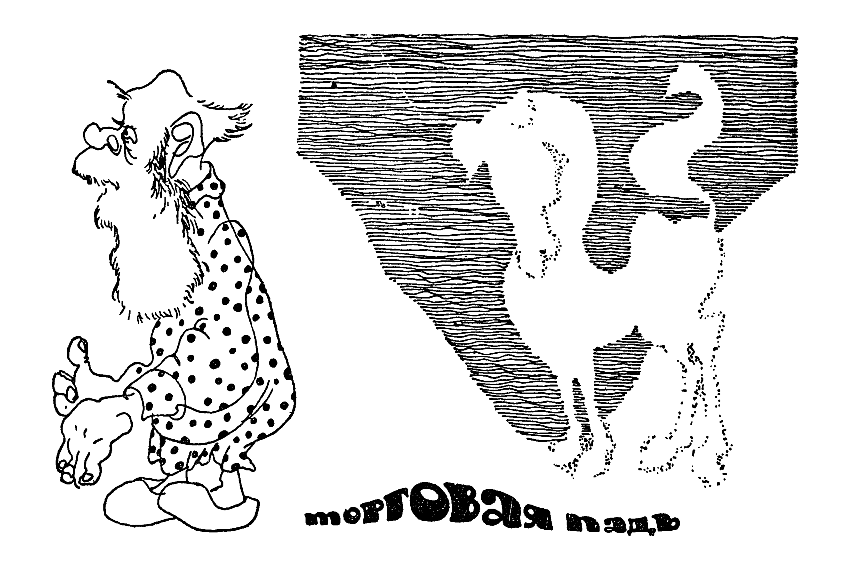
с именами их владельцев: Григория Пушки Морхинина, Туши Квашнина, Крюка Скородумова, купца Подушки?

Добавляет кое-что топонимист А. Попов. Он обнаруживает такие сложные случаи отыменности, которые вообще заставляют призадуматься: оказывается, иной раз вскрыть личное имя в названии деревни или поселка можно только потому, что деревня называется одновременно на двух языках. Так, например, в Карелии есть селения, которые карелы именуют ТОПОЙ-НИЕМИ, ПИРИДОЙ-НИЕМИ. Что они значат, нельзя понять ни из карельского, ни из русского языка. И только потому, что те же деревни русские соседи называют СТЕПАНОВ, СПИРИДОНОВ НАВОЛОК, дело проясняется. Так. Топой, Пиридой в карельском произношении зазвучали чуждые финнам русские имена Степан и Спиридон...

Очевидно, отыменные топонимы — закономерность.

ГОРЫ И ДОЛЫ

То, о чем я до сих пор говорил, касалось лишь одной, сравнительно небольшой, хотя и важнейшей, части предметов топонимического называния: того, что среди безграничной природы создано человеком.

Естественно, что деревни, поселки, города большие и малые, по крайней мере в значительной части своей, носят людские имена.

Но достаточно хотя бы раз пролететь на самолете незначительное расстояние над нашей страной (нашей в особенности!), и вы выходите из машины пораженный: в безграничном море созданного природой, сотворенное человеком, при всей грандиозности масштабов нашего века, совершенно теряется.

На тысячи километров тянутся нескончаемые леса. На сотни — дикие горные кряжи. На сотни и сотни — необитаемые пространства пустынь. И людское на фоне природного начинает вам представляться чем-то вроде слабеньких слоев лишайника, кое-где прилепившегося к поверхности гигантского горного кряжа.

Но хотя в природе еще много необжитого, нетронутого, неиспользованного, — неназванного в ней же несколько меньше. В том числе не названного человечьими именами.

А в то же время стоит только от имен населенных пунктов обратиться к названиям урочищ — гор, утесов, рек, озер, болотистых пространств, — как топонимическая картина резко меняется.

Позволю себе вернуться к тому же названному мною девяностокилометровому кругу великолуцкой земли. Разумеется, мне помнится, в нем несравненно меньше имен, относящихся к природным объектам, нежели тех, которые даны селениям. И тем не менее ясно: тут соотношение разрядов будет совсем другим. Чтобы припомнить и для этих предметов «человеческое имя», приходится отчаянно напрягать память. Зато названий иных типов сколько угодно.

Вот река ЛО́КНЯ. Вот ее приток, речка ДРЕ́ГОШЬ... Озерко ГЛУШАНЁК, маленькое окошко чистой воды среди зыбкого мохового болота. Горка МОЛОТОВКА. Обширное пустое полевое пространство вдоль старого большака — КОРМЫ...

Некоторые из названий очень легко раскрывают свой смысл и свои связи с другими словами. Глушаньками на Псковщине вообще называются все глубокие, расположенные среди трясин озера-окна, остатки зарастающих некогда более значительных водоемов. Данный глушанек как бы только-только превратил свое нарицательное наименование в имя собственное. Говорят: «Поправей Якольцева — озерко Сорокинское; полевей — другое, малое, Глушанек...» — уже не слово, а имя.

Широкое полевое раздолье Кормы называлось так потому, что тут лет сто назад, когда по большим дорогам страны в столицу гоняли гоном гурты скота, были отведены участки для отдыха и подкормки стад. Унавоженные проходившими животными земли еще в двадцатых годах нашего столетия отличались особым плодородием. Болото ТРОСТА для прилегающих деревень имя собственное, соседняя трясина носит название КЛЮКОВНИКИ. Но в других местах вы можете услышать, как тем же словом «троста» вам назовут любую густую мелкую заросль по влажному месту, болотную чащу, состоящую из черной ольхи, различных лоз, камыша, тростника, осоки и тому подобных растений. Там «троста» выступает в качестве имени нарицательного. То же и с «клюковниками»...

Рядом вам попадутся наименования, раскрыть которые нелегко, может быть, даже и невозможно. Нет смысла сейчас заниматься ими: в книге мы будем иметь случай поговорить о подобных казусах вдосталь. Приведу для ясности лишь один пример.

Река ЛОКНЯ, приток Ло̀вати, — откуда взялось это имя?

Были попытки объяснить его при помощи финских языков, тем более что для целого ряда речных названий (река ЛОКСА в Эстонии, река ЛОКЧИМ в Коми АССР) такое объяснение является, по-видимому, единственным. Имя реки ЛУГИ, текущей в этом же озерном крае страны, М. Фасмер толкует как связанное с финским «лаукаанйоки» — лососья река. Но Лаукаан и Локня тоже дают достаточно тесные созвучия. Беда в том, что созвучие, увы, далеко не всегда свидетельствует о родстве слов.

Были сделаны предположения о связи нашего названия с литовским языком. Польский языковед К. Буга допускал тут общее с литовским «лукна» — болотистое место. Тоже ведь звучит убедительно: Локня в нижнем течении и на самом деле болотистая (в верхнем — быстрая и каменистая, форелевая) река.

Но тут вв'язывается в дело одно обстоятельство. Псковская Локня не единственная в нашей стране носит такое имя. Есть, по сообщению О. Стрижака, несколько рек — его носительниц — на Украине. ЛОКНЯ — приток реки Сулы, воспетой в «Слове о полку Игореве», течет в Харьковской области.

Так далеко на юг финские влияния никогда не могли простираться. Трудно допустить тут и литовское воздействие, хотя оно и более вероятно.

Поэтому ряд ученых (в том числе и О. Стрижак) пытается найти чисто славянское объяснение гидрониму. Стрижак связывает его со старославянским «локы» — дождь, с сербскохорватским «локва» — лужа, болото, и это кажется соблазнительным, раз там, на юге, текут несколько Локонь.

Однако названий близких достаточно и в моих родных местах: сама Локня вытекает из озера ЛОКНО̀, ЛОКНО̀ВО, ЛОКНО̀ВАТО — так по-разному значится оно в разных картах. Есть в тех же местах и меньшая речка, ЛОКНИЦА. И пока что приходится сказать, что решительно-убедительного, бесповоротного ответа на вопрос: «Что значит и откуда взялось это имя?» — дать нельзя.

Вы разочарованы? Должен предупредить заранее: таким случаям в топонимике счета нет, и, вероятно, го-

раздо чаще серьезный топонимист может ответить вопрошающему любителю «не знаю», нежели открыть тайну географического имени.

Так или иначе, приведенные мною только что имена не выражают никакого отношения места к человеку, не говорят об их принадлежности или связях с ним. Они построены по большей части на тех приметах и признаках, которые люди разглядели в самих называемых предметах.

По большей части не значит — всегда. Можно указать немало таких названий урочищ, в которых участвует и имя человека. Случается, чаще всего в новых, недавно родившихся, топонимах, оно лежит на поверхности, видно простым глазом: ПОПОВА ГОРА, ПУСТОШЬ СТЕПАНЦЕВО, ТИМОШКИН РОДНИК. В именах давно сложившихся оно иной раз бывает как бы спрятано от невооруженного ока, может быть высвечено только рентгеном научного анализа. Заподозрите ли вы в имени пустоши СТЕХНОВО (она числилась при том имении Гора в Псковской области, которое я упоминал), что оно означает «пустошь Степаново»? А ведь Стехно — старинное уменьшительное от Степан.

Во всем этом удивительного и неожиданного нет. Чем дальше шла человеческая история, чем больше развивались цивилизации, чем решительнее люди врывались в природу, тем уверенней и каждый отдельный человек начинал признавать ее части своими. На никому не принадлежавшие еще недавно овражки, луговины, лесные поляны все шире и шире распространялось право собственности. «Государыня пустыня» превращалась в сложную чресполосицу моих и твоих, наших и ваших, его и их частных владений. Урочища превращались в угодья. И тот, кто первый садился на этот «запрокид», на тот пустой «водобег», на холмы и долы, у озер и рек, либо прикреплял к ним свое собственное имя (не всегда он сам, нередко соседи-поселенцы), либо же самовластно и самочинно окрещивал их любым ему понравившимся названием.

«Се яз, Крысалко Щукин сын Попов, вдал в дар деверю сестры моея Ивашке Дергунову пустоши мои и покосы и орамые земли по речке по ГРИДИЦЕ и по НАСВЕ, от ПЕТИНОЙ ГОРЫ по праву берегу вверх до

великого камня; под тем камнем в земле на три четверти уголье и береста и кирпич битый закапаны. И от того камня по ручью по ЗВЯГИНЦУ до горелой сосны, и через враг на БАРСУЧЬИ ЯМЫ и дале по живому урочищу, покуда топор ходил и коса ходила. И вдал я ему те пустоши со всем, что к ним потягло, и с путики, и с перевеслища, и с рыбьи ловли, и с бобровые гоны...»

Мир, вчера еще дикий, чрезвычайно, просто и незаметно превращается в мир человеческий.

«...Я спросил у (Юры) Неверина, как следует называть место, где мы находимся.

— ЮРИН ТОЧОК, — ответил он, а потом, заметив мой недоверчивый взгляд, добавил: — Ну да! А чему вы удивляетесь? В прошлом году это место никак не называлось, было просто безымянным урочищем. А нынче, когда сделали для меня вот этот балаган, стали называть его «ЮРИНЫМ БАЛАГАНОМ». Но дело-то ведь не в балагане, а в тетеревином точке, ради которого я здесь и поселился. Вот и появилась эта новая точка на карте — Юрин Точок.

Александр Васильевич усмехнулся:

— Вот ведь как география-то делается!»

...Да, в малых масштабах если не география, то топонимия, сложная система географических названий, может делаться и так, как в приведенном мною отрывке из книги Гер. Успенского «По заповедным дебрям».

Надо сказать, что пересказанная сценка имеет продолжение:

«Александр Васильевич... спросил меня:

— А знаете, почему эта вот балка называется «ТОРГОВОЙ»?

— Разумеется, не знаю.

— Да потому, что лет сорок назад тут один черкес своего коня кому-то продал...»

Бывает и так вот. Хотя в само имя Торговая уже включено нечто от человека, тут больше все же от признака, заложенного в истории самого объекта.

В. Арсеньев поведал миру о дальневосточной долине, носящей название СТЕКЛЯННАЯ ПАДЬ. Она получила его не потому, что какой-нибудь катаклизм превратил ее склоны в вулканическое стекло, не по цвету и структуре почвы, а потому, что много лет назад в совершенно глухом тогда месте Приморья какой-то лес-

ник, счастливчик и хитроумец, вставил в окошечко своей фанзы вместо рыбьего пузыря или слюды, которые красовались во всех соседних избушках охотников и сборщиков женьшеня, где-то им случайно подобранный осколок стекла.

В тех диких местах стекло было невиданной роскошью и так поразило воображение соседей, что глухому таежному распадку было ими придано и сохранилось на долгие годы гордое имя Падь Стеклянная.

Опять-таки: стекло принес сюда человек, но оно для окружающих оказалось важнее самого добытчика. Рядом лежащие долинки назывались: ДОЛИНА БОЛЬШОЙ СКАЛЫ, ТОПОЛЕВАЯ ДОЛИНА, ДОЛИНА СЕМЬИ СЯО (все эти имена звучали там тогда по-китайски), а вот эта так и осталась Стеклянной Падью. По самому поразительному своему признаку — стеклышку в ладонь величиной.

ЧТО ЖЕ ИНТЕРЕСНЕЕ?

Мы с вами столкнулись с двумя различными и довольно резко обособленными группами топонимов. Одну составляют те, внутрь которых человек как бы закладывает сжатое, лаконичное, иногда очень яркое, иной раз сухое и просто формальное описание признаков того места, которое он называет. Другую — топонимы принадлежности.

Среди последних обозначился весьма пространный разряд таких, которые прямо и бесхитростно построены на всем известных человеческих именах, иногда личных, иногда родовых, фамильных. Город, село, деревня такого-то.

Город ИВАНОВО. Село ПЕТРОВСКОЕ. Деревня ДУНИНА. Деревня ПАВЛОВКА. Город ПАВЛОВ ПОСАД. Поселки ГРИГОРЬЕВКА и ГРИГОРЬЕВО, ЕРМАКОВО и ЕРМИЛОВКА, деревня ОВЕРЯТА и СТЕПАНЯТА, а тут же рядом АВЕРКИЕВО и СТЕПАНОВО...

Вы проглядели перечень и, вполне возможно, подумали: «Это топонимика? А что же тут интересного? Какими неожиданностями, секретами, тайнами, загадками могут похвастать вот такие — проще простых —

названия? Вероятно, их ученые просто отбрасывают: рассуждать в связи с ними нечего, все ясно и так!»

Вы ошибаетесь. Ошибаетесь, как те давние любители археологии, которые полагали, что раскопки нужны, чтобы извлекать из земли только золотые сосуды, прекрасные статуи прошлых веков, всевозможные драгоценности и редкости. Современный археолог куда больше интересуется самыми простыми, невзрачными следами давно ушедшей жизни.

Он ценит и предметы искусства, сохраненные землей, и золото, и серебро, и мраморные скульптуры.

Но для него куда важнее находимые там черепки битой глиняной посуды, обломки охотничьих снарядов, следы допотопных кострищ, ржавые гвоздики и сорокатысячелетней древности костяные рыболовные крючки. Именно их множество, их массовая совокупность позволяют ему восстановить картину бесконечно далекого человеческого прошлого. И он жадно разыскивает все эти «обыкновенности», чтобы, изучив их, сделать из своего анализа выводы, часто совершенно необычные.

Так и тут.

Среди отыменных топонимов России встречаются такие, которые построены при помощи суффиксов принадлежности «-ов», «-ев», «-ин». Их очень много в северной части страны. Вернитесь к моему перечню великолуцких названий, они почти сплошь будут такими. Взгляните на карты других северных наших областей, ну хоть Ярославской: АРЕФИНО, КЛАДОВО, ВАРТАКОВО, ДАНИЛОВ, АБРАМОВО, ЧИРКОВО, ПЕРШИНО, ТУТАЕВ. Сплошные «-ов», «-ев», «-ин»...

А теперь перенесите взор на более южные места, положим, на Херсонскую область: КОЧУБЕЕВКА, АЛЕКСАНДРОВКА, НОВОДМИТРИЕВКА, БЕЛЯЕВКА, ГАВРИЛОВКА, СЕРГЕЕВКА, ЕКАТЕРИНОВКА... Как по заказу! Лишь кое-где попадаются отдельные «-ов» и «-ев»: ЛЬВОВ, ХРУЩЕВО, ДАВЫДОВ БРОД...

Неопытному глазу и слуху это ничего не скажет. Но не так смотрят на это явление ученые. Известный топонимист В. Никонов, например, исследовал распределение названных мною суффиксов по областям СССР и обнаружил, что если в Ивановской области на 49 процентов названий с «-ов» приходится только 7 процентов

имен на «-ка», то в районах Тульской области соотношение обратное: на «-ов» — 13 процентов, а на «-ка» — 36,5 процента. Так и в других местах. Чистая случайность, слепая причуда населения, которая ни о чем не говорит?

В. Никонов нанес свои данные на карту страны и увидел, что царство «-ов» от царства «-ка» отделяет четкая граница. Она проходит примерно от Брянска через Тулу и Арзамас к устью Камы. Почему именно так?

Да потому, что тут когда-то пролегал государственный рубеж Московского царства XVI века. К северу лежали старые обжитые земли, и города и веси их носили старинные привычные названия... На «-ов», на «-ин»... Но именно в том веке в языке внезапно одержал победу новомодный суффикс для топонимов, это самое «-ка». На старых пространствах он мог овладеть лишь небольшим числом названий новых поселений. А к югу от границы расселился свободно и широко, почти нацело вытеснив своих соперников.

И теперь историк, желая уточнить древние пределы московских территорий, внимательно приглядится к названиям мест: старинные «чертежи»-карты не дают малых изгибов границ, топонимы могут исправить и дополнить их.

Встречаются отыменные названия и с более резкими и причудливыми на наш слух суффиксами. На Урале в дни войны я не без удивления обнаружил немало деревушек, имена которых оканчивались на «-ата», «-ята» (например, ОВЕРЯТА в Шабуническом районе возле Перми). Можно было легко понять их значение: оверята — дети, потомки Оверки, родоначальника по имени Аверкий. Таких имен на востоке европейской части РСФСР много. Чем западнее, тем их меньше, и за меридиан Москвы они уж совершенно не переходят. Но вот в Ивановской области, в бассейне речки с непонятным названием ЛАНДЕХ, обнаруживается вдруг небольшой кружок, где они просто пестрят. Их тут бок о бок около трех десятков: ФИЛЯТА, СТЕПАНЯТА, ОВЕРЯТА, еще и еще...

Если в Иране ботаники обнаружили рощицу эльдарской сосны, которая во всем мире дико растет только на Эльдарском плоскогорье, на границе Грузии и Азер-

байджана, они не думают, что сосна переселилась за тысячи километров чудом. Они знают: ее туда занесли люди.

Так и здесь: может быть, названия на «-ата», «-ята» в Ивановскую область занесли из Заволжья и Приуралья люди, переселившиеся сюда. А возможно, место имел прямо противоположный ход событий, и типичные ивановские «-ата», «-ята» постепенно были разнесены далеко на восток с берегов тихоструйного Ландеха. Дело историков выяснить, что это было за переселение, как и когда попали либо на Ландех из Заволжья, либо в Заволжье из нынешней Ивановской области странные топонимические чужаки.

Так или иначе топонимисты подали «сигнал». Расшифровать его падает на долю представителей смежных наук.

Можно было бы приводить здесь множество таких же примеров и наших, отечественных, и зарубежных. К сожалению, у меня нет для этого ни места, ни времени...

ВЛАСТНЫЕ, СВЯТЫЕ, БОГАТЫЕ...

В древности люди рассуждали просто и логично. Человек основал город или первый поселился на месте будущей деревни. Как же и назвать этот город и эту деревню, если не его именем? Надо их отличить от других...

Мало-помалу на место «отличения» пришло и хвастовство властных людей. Вероятно, Владимир Мономах, назвавший город на окраине государства ВОЛОДИМЕРЬ, не просто хотел отличить его от других, но имел уже в виду и прославить свое имя. Я бы не стал клеймить его: людям всегда свойственно честолюбие, а уж в те времена оно было общим качеством властителей. Земли известного тогда мира покрылись названиями, назначением которых было напомнить об их силе, мощи, победах, мудрости. ЯРОСЛАВЛЬ — город Ярослава, ИЗЯСЛАВЛЬ — крепостца, построенная Владимиром Киевским для Изяслава и Рогнеды, МСТИСЛАВЛЬ, окрещенный в честь одного из князей Мстиславов.

Еще больше их было в античном мире, многие из них сохранились, нередко претерпев сложные изменения в звуках своих имен, и до наших дней. ГРЕНОБЛЬ — город императора Грациана, ГРАЦИАНОПОЛИС ОРЛЕАН, названный в честь цезаря Аурелиана. Известны многие Александровы города и города, носящие имя Юлия Цезаря. Можно добавить сюда БАРСЕЛОНУ: она названа в память о семье Барку, карфагенском роде, из которого вышли Гамилькар, Ганнибал, Гасдрубал.

Можно упомянуть ГИБРАЛТАР. Имя места образовано из арабского ДЖЕБЕЛЬ-АЛЬ ТАРИК, Тарикова гора. Тарик был полководцем арабов, впервые вторгшихся на Пиренейский полуостров. Его воины и соотечественники наименовали место счастливой высадки именем своего героя. И как ни думать теперь о подвигах завоевателей и тиранов, их топонимическое чванство приходится признать вполне естественным. Если угодно — логичным.

Но прошло несколько столетий, на Европу налег гнет средневековой фанатической религиозности. Власть церкви как бы подавила светскую власть. Человек — даже богатый, даже знатный, даже могучий — стал

расцениваться как «скудельный (глиняный) сосуд». Его земные страсти, его честолюбие, его гордость одинаково осуждались и отвергались. Все это было в глазах людей того времени «от диавола». И стало совершенно недопустимым в кратковременном, тленном, грязном мире, управляемом свирепым и невежественным богом, оставлять какие бы то ни было следы мерзкой человеческой жизни.

Что такое сей мир? Юдоль скорби и греха. Что такое человек, даже самый богатый и властный? Горсть праха, готовая уйти в землю. И его имени придавать бессмертие?.. Нет уж!

Но люди жили. Но история шла. Сотни кораблей уходили за моря в далекие плавания, открывали — все чаще, год от года — новые острова, новые материки. Церковь не возражала против этого: золото из заморских стран лилось и в ее ковчеги. Но теперь каждый новый клочок земли, каждый новооткрытый пролив, залив, основанный в далеком море порт должны были именоваться только в честь людей, поправших иго соблазна. В честь святых. В честь самого христианского бога, являющегося в трех лицах. В память о событиях, описанных в евангелии, в библии, в житиях святых...

Карта мира полна такого рода названиями. Очень многие из них отыменны, только имена, заложенные в них, принадлежат, так сказать, не людям, а божеству.

САНКТ-ВОЛЬФГАНГ в Австрии и САНКТ-ГОТАРД в Швейцарии. САНКТ-МИХЕЛЬ в Финляндии и САНКТ-ИОГАНН в Трирском округе Пруссии — все города и местечки, озера и купальни, названные в честь святых Вольфганга, Готарда, Михаила, Иоганна. Само собой, назвав их святейшим именем, народ быстро забывал об их святости. Вы отлично знаете породу собак, выведенную в Альпах, у САНКТ-БЕРНАРДСКОГО перевала. Собак уже давно зовут сенбернарами. Пес святой Бернар — неплохо, но и не слишком благоговейно!

Но давались в свое время эти имена с глубокой верой, с трепетом, в надежде, что имя преподобного заступника принесет счастье тому, кто будет жить под его эгидой.

«Санкт», «санто», «сан», «сен» — в зависимости от языка и нации, — составные части имен, означающие «святой», расползлись по всем картам мира.

Особенно усердствовали в таком географическом прославлении святых католики и, самые фанатичные среди них, испанцы и португальцы.

Они просто запорошили карту мира своими благоговейными топо- и гидронимами. Я раскрываю старый «Брокгауз-Ефрон» на 369-й странице 56-го полутома. И начинается!

САН-АМБРОЗИО и САН-ФЕЛИКС — группа островков у побережья Чили. САН-АНДРЕС ДЕ ПАЛОМАР — город в Каталонии. САН-ГЕРМАН — город на Порто-Рико. САН-ДИЕГО ДЕ ЛОС БАНЬОС — курорт на Кубе. САН-КРИСТОБАЛЬ ДЕ ЛОС ЛЬЯНОС — город в Мексике. САН-МИГУЭЛЬ ДЕ САЛЬТА — Аргентина. САН-ПАОЛО, САН-ФЕЛИПЕ, САН-ФЕРНАНДО, САН-ФРАНЦИСКО — в Бразилии. Бесчисленное множество коленопреклоненных восторженных имен.

САНТ-ЯГО — река, приток Амазонки. САНТ-ЯГО — город на Сан-Доминго. САНТ-ЯГО — город на реке САНТ-ЯГО на Кубе. САНТ-ЯГО ДЕ ЧИЛИ. САНТ-ЯГО ДЕЛЬ ЭСТЕРО в Аргентине... Всюду и везде, куда доходили свирепые конкистадоры, куда доплывали каравеллы и галеоты жадных пиренейских мореплавателей,

они благословляли новые берега именами своего обожаемого святого Иакова, святого Иосифа (Сан-Хосе), и уж всего больше небесной владычицы, девы Марии.

Испанцы испанцами, но и в других христианских странах шла, пусть несколько менее барабанно, та же полоса.

И у нас на Руси довольно скоро начали исчезать именные, «мемориальные» наименования. Стали заменяться церковными, праздничными. АРХАНГЕЛЬСК — по собору святого Михаила Архангела. Бесчисленные НИКОЛЫ и НИКОЛЬСКИ, ТРОИЦЫ и ТРОИЦКИ в течение долгих времен ложились на карту страны и на само лицо ее. Правда, в православной Руси это никогда не разрасталось ни до такой множественности, ни до такой католической суесловной пышности.

Еще в XVIII веке этот способ наименования был «на полном ходу». Вице-адмирал Питер Бредель, главнокомандующий Донской флотилии, докладывал в 1737 году Адмиралтейству, что в Азовском море он обнаружил косу, и «так как той косы на карте не положено, так и противу того места на карте ничего не подписано, а я обошел ее в день св. Виссариона, и я назвал ее тем именем КОСА ВИССАРИОНА». Рядом «паки началась коса... а я шел подле оной сего ж месяца в 7-го числа, в день св. Федота, и назвал ее ФЕДОТОВА КОСА».

Нетрудно установить, что «крестины» происходили 6 и 7 июня 1737 года. А вот тому, кто теперь видит перед собой эти косы, но не имеет под руками докладов мужественного адмирала, нелегко догадаться, что они наименованы в честь святых, а не в память о местных жителях, рыбаках или земледельцах.

Такое украшательство и такое «богомоление» значительно меньше касались топонимики малой, названий деревень, починков, небольших селений, хуторков. Тут по-прежнему возникали и забывались, рождались и навеки оставались названия, связанные с личными именами простых людей, основателей и первожителей поселков. Правда, теперь, читая карту, не каждый и не так-то просто может заметить все подобные названия.

Подите узнайте в названии РАДОНЕЖ (под Мо-

сквой у Загорска; имя принадлежало древнему поселению и осталось нам едва ли не только в прозвище Сергия Радонежского, церковного и государственного деятеля XIV века), — узнайте в нем старорусское имя Радонег, его притяжательную форму. А если узнаете, не заподозрите ли вы, что и имя города ВОРОНЕЖ могло быть связано с неизвестным нам аналогичным древним личным именем Воронег? Догадайтесь сразу, что РОСТОВ — город Роста, Ростислава; что ОСТАШКОВ принадлежал или был местом жительства некоего Осташка — Евстахия; что имя сельца БЕРНОВО в Калининской области, в котором жили Вульфы, друзья Пушкина, а Левитан писал свой «Тихий омут», выросло из старорусского прозвища, а может быть, и мирского имени Берно, то есть бревно. Что такое мирское имя могло быть, свидетельствуют многие похожие на него имена: Туша (от него Тушины), Пушка (Пушкины), Полено (Поленовы). Что оно существовало, доказывается записями в писцовых книгах Новоторжского уезда: там упоминается фамилия Берновы, а ведь Берново и входило в этот самый уезд.

Точно так же и на Западе под парадным слоем христианнейших наименований жил, все время обновляясь, материк мелких «притяжательных» топонимов. И когда черный туман средневековья стал, отступая, рассеиваться, старые традиции называть места не в честь бога, а в честь людей завладели человечеством.

Правда, сначала робко. Вот город САН-ФРАНЦИСКО. Река САН-ФРАНЦИСКО (даже реки, их несколько) названа, безусловно, в память о святом Франциске, кротком монахе, обращавшемся в своих гимнах то к «братцу Солнышку», то к «сестрице Травке»... Можно думать, что и город — тоже?

Нет, отнюдь. Город Сан-Франциско получил свое название тоже в память, но сэра Френсиса Дрейка, свирепого пирата, корсара ее величества королевы Англии, разбросавшего по всему западному полушарию легенды о своих жестокостях и о зарытых в землю кладах. Френсис и есть Франциско. Сэр Дрейк не решился все-таки закрепить память о себе прямо в имени, вложенном в топоним. Он пошел обходным путем: вроде и я, вроде и не я, а мой небесный покровитель...

Даже Петр I, основывая Петербург, колебался. Не

прямо и гордо Петербург, город Петра, «мой город». САНКТ-ПЕТЕРБУРГ — город святого Петра, а значит, и мой. Так смиреннее!

Понадобилось два-три столетия, чтобы церемонии были отброшены. Многое изменилось. Место личного имени в быту цивилизованных народов заняла фамилия. Имя, как главный отличительный признак, осталось только в мире коронованных особ и их ближайших родичей.

Англичане разбросали по лицу всей земли имя Виктории — так звали королеву, отличную от других только тем, что она была редкостной долгожительницей на троне. Ее сын Эдуард VII состарился в наследных принцах и успел побыть королем каких-нибудь девять лет (1901—1910), тогда как мама царствовала 64 года. Поищите на карте — вы найдете десятки связанных с ней имен (ВИКТОРИЯ — в Гонконге, ВИКТОРИЯ — в Британской Колумбии, ВИКТОРИЯ — водопад в Африке, ВИКТОРИЯ — африканское великое озеро, ВИКТОРИЯ — штат в Австралии, ВИКТОРИЯ — город на Сейшельских островах). Перед нами, разумеется, чистый образец почетного приживления человеческого имени к месту: Виктория-королева не основывала, не жила, даже не бывала во множестве этих городов.

Бывало (бывает и сейчас) и иначе. Топоним РОДЕЗИЯ образован (уже не из имени — тогда была бы СЕСИЛИЯ) из фамилии Сесиля Родса, проходимца, слуги империалистов Англии, богача, сумевшего захватить огромные области на юге Африки. Город БРАЗЗАВИЛЬ в той же Африке, так сказать, посвящен графу Саворньяну де Брацца (или де Бразза), итальянцу родом, французу по подданству, который поднес чуть ли не половину Конго Французской республике. Граф Брацца и итальянец-то был не чистокровный, скорее, далматинец: в Адриатическом море есть остров БРАЧ, над славянским населением которого графы, «предки данного», когда-то владычествовали. Оттуда они и вынесли свою фамилию, видимо, славянского корня. А теперь она живет в топониме Центральной Африки.

Гораздо реже, естественно, крупные города, заливы, большие реки несут в своих наименованиях память о «малых людях», их истинных открывателях, их первых обитателях. Зато в топонимике «средней и малой»

такая память — правило. Во всех странах мира давно усопшие и обычно никому не известные люди прошлого живут в названиях починков и хуторков, заимок и деревень, сел и погостов.

Вот и все.

Я написал эту главу со специальной целью показать читателям, как и каким образом такая простая, обыденная вещь, как топоним, построенный на «антропониме», на имени человека, оказывается весьма интересным объектом для изучения.

Вы видели, как сама форма таких топонимов может приоткрывать перед нами факты из далекой истории человечества и народов. Вы увидели, как положение человеческого (святые — тоже люди) имени в топонимике может характеризовать большие временные периоды, ибо оно, положение, меняется от века к веку. Топонимы и гидронимы остаются нелицеприятными свидетелями того, что теперь принято называть социальной психологией разных веков и разных народов.

МЕСТО И ЧИСЛО

Когда я живу в деревне, у меня образуется примерно такой адрес: «Ленинградская область, Лужский район, дер. Голубково, Успенскому Л. В.».

Когда я переезжаю в город, адрес становится таким: «Ленинград, Центр-1, Красная улица, дом 41».

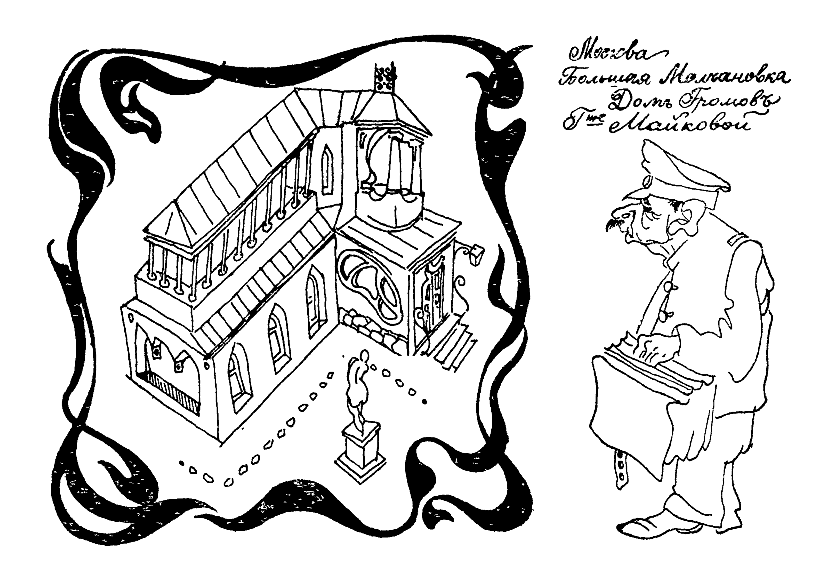
Там было: деревня ГОЛУБКОВО», здесь — «дом СОРОК ОДИН».

Очевидно, слова «сорок один» можно рассматривать как своеобразный вид топонима. Они означают место, где я живу.

Можно стать на такую точку зрения, что числовое обозначение места является самым простым и самым естественным его указанием.

На Васильевском острове Ленинграда с XVIII века улицы именуются «линиями», во всяком случае, все основные улицы его центральной части, пересекающие три поперечных проспекта.

Таких линий-улиц (строго говоря, половинок улиц: линией считается не вся улица, а только каждая из двух ее сторон; правая по ходу — четная, левая — нечетная) всего на Васильевском 32. Пять из них имеют различные собственные «определения»: БИРЖЕВАЯ ЛИНИЯ, КАДЕТСКАЯ, КОЖЕВЕННАЯ, КОСАЯ, УНИВЕРСИТЕТСКАЯ (теперь — МЕНДЕЛЕЕВА). Двадцать семь остальных различаются только по своим номерам: ПЕРВАЯ, ВТОРАЯ, СЕДЬМАЯ, ШЕСТНАДЦАТАЯ, ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ...

Старые василеостровцы так зачастую и говорят: «Я на ВОСЬМОЙ живу», опуская ненужное слово «линия».

Названия улиц — топонимы? Тогда, безусловно, числительные «Первая», «Седьмая», «Восемнадцатая» также являются иногда самостоятельными топонимами, иногда — их составными элементами.

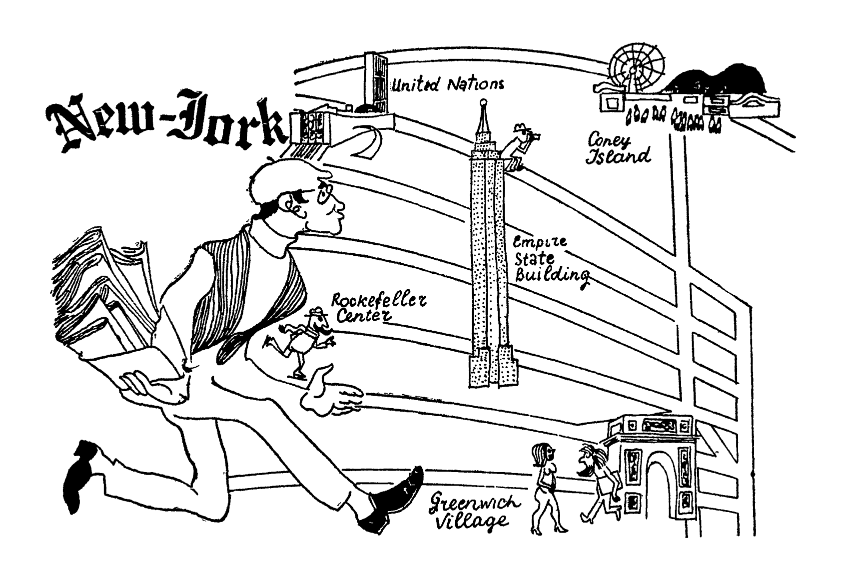
Можно было бы сказать — очень удобно, такие топонимы имеют немало преимуществ перед всякими другими.

Если я называю вам Лиговскую улицу, я только назвал ее и не сказал ничего больше.

Если я называю Восьмую линию, вы по крайней мере знаете, что она расположена после Седьмой и перед Девятой. Это уже нечто: вы получили от меня какую-то информацию, какие-то более или менее точные сведения.

В дореволюционной Москве дома на улицах различались не номерами, а своей принадлежностью тому или другому хозяину. На конвертах писем писали так: «Петровка, дом Николаевых», «Якиманка, дом Грищук».

В 1888 году адрес Антона Павловича Чехова был такой: «Москва, Кудринская-Садовая, дом Корнеева».

Разыскать по такому адресу нужного вам человека можно было лишь с помощью долгих расспросов. Почтальоны носили письма по адресатам только после того, как наизусть заучивали, где живет Корнеев, где Лидерт, где какой-нибудь Петренко или Василевский. Легко было представить, какое количество всяких ошибок возникало из-за такого положения вещей и как часто случалось, что «адресованные в Ладогу письма едут в Еривань», как сказал А. К. Толстой.

Стоило столь примитивные «топонимы принадлежности» заменить простыми номерами домов, как дело само собой во много раз упростилось.

Вероятно, простота соблазнила и такого любителя порядка, как Петр Великий, и то ли он сам, то ли кто-то из его помощников и ревнителей его дела придал «зело удобную систиму» названий улицам Васильевского острова.

В те времена вряд ли где-либо еще в мире можно было наблюдать такую сетку арифметических топонимов. Теперь при строительстве больших городов мира они расплодились основательно.

Взглянув на план Нью-Йорка, вы увидите, что двадцатикилометровый остров Манхэттен почти во всю

свою длину прорезан длиннейшими проспектами — авеню, с ПЕРВОЙ по ОДИННАДЦАТУЮ, их пересекает около сотни стрит — улиц. Есть 36-я, есть 72-я, есть 93-я стрит.

Заблудиться при такой планировке города просто немыслимо. Казалось бы, чего же лучше? Казалось бы, проще простого: именно таким способом и надо бы называть, к общему удовольствию и удобству, любые заслуживающие названия места... С самой глубокой древности!

Но вдумайтесь как следует в положение вещей. Линии Васильевского острова имело смысл называть номерами только потому, что их было много одинаковых. Все они тянулись с юга на север, все вначале были еще не застроены, изобиловали пустырями, ничем не отличались одна от другой. Нумеровать можно (и даже само собой приходит в голову) только одинаковые, если не по внешнему виду, не по существу, то хотя бы по какому-то признаку предметы. «На первый-второй рассчитаться» приказывают солдатам лишь в строю, когда они на время перестают быть индивидами и превращаются в «бойцов», в единицы боевых порядков.

А практическая топонимика, вернее, люди-называтели имеют дело чаще всего (и имели, особенно в древности) как раз с совершенно не похожими друг на друга предметами называния. У них еще не было такого обширного опыта, чтобы заметить, что в чем-то все ручьи и все лесные лужайки похожи друг на друга. Их, вообще говоря, можно при желании перенумеровать: первый ручей, второй ручей, седьмой, десятый... Первая лощина, семнадцатая...

Но для каждого из них, назывателей, это было нелепым. Каждый из таких ручьев имел свое, несравнимое с другими лицо. В одном ловится форель, тот изобилует раками. В текущем справа есть опасные омуты, в текущем слева — вода слишком холодна... Сообщить своим ближним качество падей и лесных островков было важнее, чем учесть их номера по порядку. Да и как можно нумеровать то, что индивидуально?

К тому же число ничего не выражает, кроме количественной меры. А глядя на горные кручи, морские бухты, бурные пороги, люди испытывали множество самых разнообразных чувств. Одни представлялись им

на кого-нибудь или на что-нибудь похожими: «гора, по форме похожая на медведя», — сходство могло или умилять, или пугать. С другими связывались чувства зависти, страха, осторожности: полянка, на дереве борть, пчелиная колода, да не моя, а деда Якима. Ходить туда надо было с опаской: за кражу чужого меда вора, по древнему закону лесовиков, убивали на месте. И луговинка получала имя ЯКИМОВА БОРТЬ... Какой смысл был назвать ее ЛУЖАЙКА № 5? И не называли так.

Вот почему среди бесчисленного множества топонимов, рассыпанных по лицу земли куда гуще, чем звезды по небу, так мало таких, в образовании которых принимало (особенно в далеком прошлом) число.

Их мало сравнительно с общим количеством географических названий. Но не значит, что их мало вообще.

К тому же следует сказать, что мне, например, неизвестно, чтобы кто-либо провел разыскания, учел достаточное количество таких «аритмонимов» (такого термина не существует, я сейчас придумал его, ибо по-гречески «аритмос» — число и «онима» — имена), изучил их типы, выяснил законы их образования и существования. И все, что я тут по поводу такого рода словесных образований расскажу, я не могу считать изложением вполне доказанных строго научных истин.

Но ведь я пишу не научную работу.

НА КАРТЕ — ДРОБИ

Я неоднократно пробовал спрашивать у своих друзей — по большей части достаточно квалифицированных языковедов, географов, историков, — как они думают: возможны ли топонимы дробного образования? Все, как один, отвечали со снисходительными улыбками: «Ну что вы! Как же это?»

А они есть. Разумеется, исключения. Их немного, вероятно, очень немного. Мне, в частности, известно их только три-четыре, из чего, разумеется, не следует, что, изучая географию мира, нельзя найти их в десять и во сто раз больше...

Во-первых, населенный пункт в Якутии, в междуречье Лены и Чары. Я ничего не знаю ни о нем, ни

откуда взялось его имя В больших справочниках такого названия нет: место обозначено только на достаточно подробных картах и записано в перечнях названий, приложенных к атласам. Называется это место ПОЛОВИНКА.

Может быть, некоторым объяснением ему может послужить другой дробный (той же «абсолютной величины») гидротопоним в Коми АССР.

«На карте между ручьем Нефть-Йоль и речкой Ярегой, — сообщает в книге о Ф. Прядунове большой знаток нефтепромышленности и ее истории профессор К. Кострин, — показан ручей, носящий смешанное коми-русское название ПОЛОВИН-ЙОЛЬ. Его устье было, по-видимому, пунктом половины пути от Усть-Ухты до реки Тобысь. Здесь стояла очередная охотничья изба».

Очень вероятное предположение. Вполне возможно, что примерно так возникло и название Половинка, что оно тоже приурочено было к какой-нибудь половинной путевой мере.

Третья «дробь» имеется на западе Сибири. Это районный центр Курганской области село ПОЛОВИННОЕ.

Ни одной «четверти» или «трети» мне при моих поисках на карте РСФСР не встретилось.

Дробь иной величины я обнаружил только среди тюркских топонимов Крыма. Я не знаю, существует ли оно там сейчас, но в работах историка Крыма Бертье-Делагарди упоминается селение ШЮРУ с пояснением, что слово это по-татарски означает «десятая часть», «десятина».

Бертье-Делагарди жил в середине XIX века. В те времена можно было для топонима искать объяснение в экономике общества. Возможно, население местечка должно было кому-то платить десятую часть урожая. Возможны другие варианты происхождения имени.

Словом, и за пределами русского языка дробные числовые имена географических мест встречаются.

Я ничуть не сомневаюсь, что специалисты по разным языкам укажут их у разных народов и в разных странах если не сколько угодно, то вполне достаточно. Не исключено, что мой недобор пополните и вы, читатель.

Но пока что я здесь ограничусь теми, которые попали в мою картотеку.

ЕДИНИЦА

Само собой, если в реестр топонимов, основанных на числе «один», включать бесчисленное множество ПЕРВЫХ линий, лучей, рот, Советских и Красноармейских улиц в Ленинграде, Тверских-Ямских улиц и переулков в Москве — их обнаружится немало и очень немало.

Я пока, во всяком случае, оставляю их в стороне. Сейчас меня интересуют только имена, в которых принимает участие не прилагательное «первый», а числительное «один». Единица.

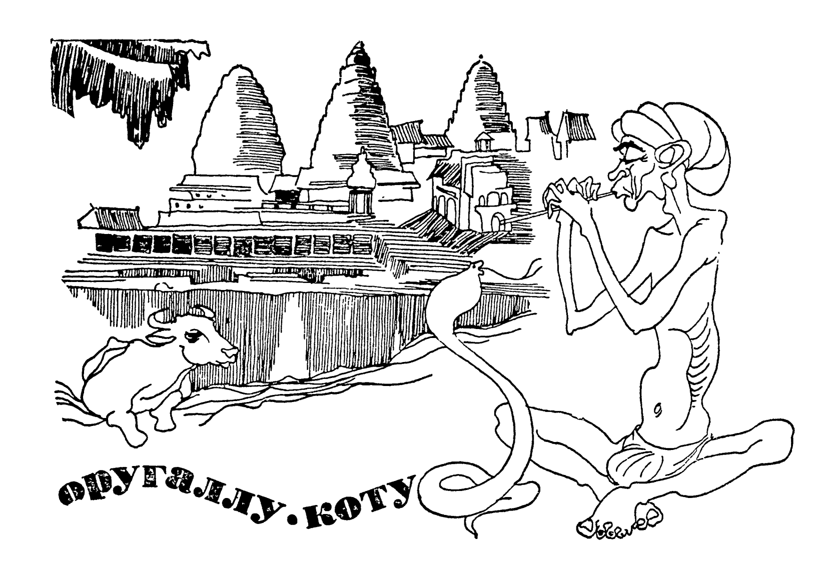
Их мне попалось не так уж много, и я думаю, тому есть существенные причины. Основная часть географических названий создавалась не нами, а нашими более или менее отдаленными предками. Они, названия, возникали в те — кстати, совсем уж не такие далекие — времена, когда по отношению к числу в умах людей существовал целый сложный комплекс предвзятых предчувствий, примет, суеверий.

Нашим дедам и прадедам разные числа рисовались в разном, так сказать, обличье, казались обладающими разными таинственными, от человека не зависящими свойствами. У многих народов, у каждого по-иному, но в общем-то сходно, числа «три», «пять», «семь», «сорок» всегда выделялись из ряда, предпочитались или отпугивали, казались благими или злыми, полезными и дружественными человеку или враждебными. В них как бы самой природой была заложена их изначальная многозначительность.

Число «один» реже получало в людских глазах такой ореол. Мне думается, топонимов, построенных на нем, должно быть в мире меньше, чем связанных с другими, более занимавшими воображение людей прошлого, числами. Так мне кажется, я не утверждаю этого. Чтобы утверждать, надо провести огромную работу по обследованию топонимики всех стран и всех народов.

Но такие топонимы есть. Правда, мне они известны только за рубежом или на территории СССР, но в тех местах, где говорят не по-русски.

Вот БИР-ҚАЗАН — «один котел», тюркское название озера на Сырдарье.

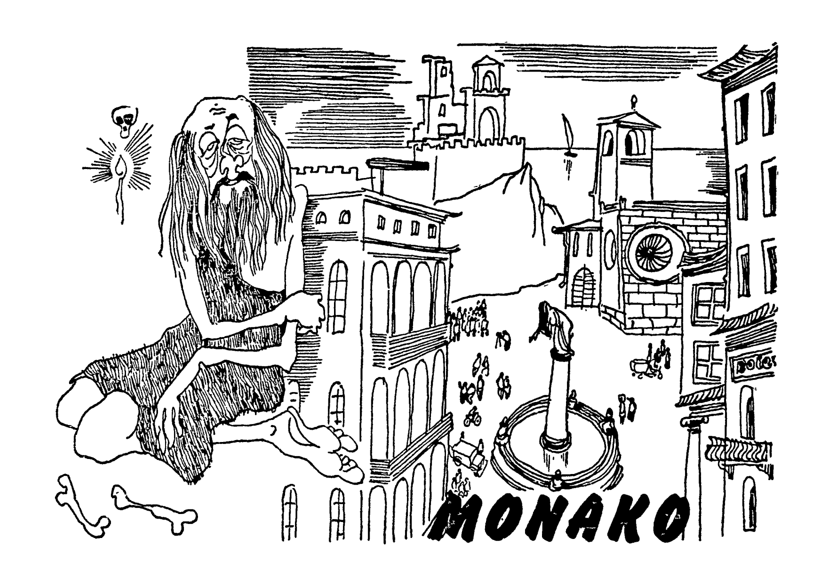
Вот МОНОПОЛИ — «одноградье», город в Апулии, названный старым греческим именем: «монос» по-гречески — один

Вот ОРУГАЛЛУ-КОТА в Индии, в штате Ангхра на Декане, в стране языка телугу. «Ору» на телугу — один, «каллу» — камень, «кота» — крепость. «Крепость одного камня».

Пожалуй, тем и исчерпываются мои примеры, хотя я ничуть не сомневаюсь, что близких к ним можно найти много.

Большинство имен, связанных с единицей, кажутся не вполне ясными со стороны их образования. Я не знаю и не скажу вам, почему называвший, увидев пустынное озеро, решил отметить, что оно является именно одним, а не несколькими котлами, почему строитель индийской крепости счел нужным подчеркнуть существование в ней какого-то одного камня. Пожалуй, только Монополи объясняется проще.

В древнем мире существовало столько городов, слившихся из нескольких, в частности столько ТРИПОЛИСОВ, что такое обособленное обозначение, Монополис, могло сыграть полезную роль. Оно, может статься, отличало город от многих других, может быть, его соз-

дали переселенцы из какого-нибудь Триполиса — Трехградья...

Можно помянуть еще швейцарское селение ЭЙНЗИДЕЛЬН. Здесь «эйн» — один, по-видимому, выражало то же самое, что латинское наименование этого места: МОНАСТЭРИУМ ЭРЭМИТОРУМ — Монастырь еремитов, отшельников, живущих в одиночку. Тут оба слова связаны с темой единичности: монастырь, монах происходит от греческого «монос» — один. Эйнзидельн — одиночное поселение.

Если не быть очень придирчивым, можно отнести сюда и имя «рая азартных игр», лилипутского государства МОНАКО и его столицы. Монако в южнофранцузской переработке — греческое «монахос» — отшельник, живущий в одиночестве.

Не так уж много при поисках по картам попадается и топонимов с элементом «перво-» или со словом «первый», входящим в них целиком. Моя картотека обнимает многие десятки тысяч названий, но может похвастаться буквально полудюжиной таких имен, причем в большинстве своем новых.

Одна ПЕРВОМАЙКА, три ПЕРВОМАЙСКА, девять поселков с названием ПЕРВОМАЙСКИЙ, пять —

ПЕРВОМАЙСКОЕ. Все, разумеется, наименованы уже после Октября. Есть в полусотне километров от Свердловска город ПЕРВОУРАЛЬСК; на картах начала века он не значится.

Вот, пожалуй, только ПЕРВОБЛАГОДАТНЫЙ (рядом со ВТОРОБЛАГОДАТНЫМ) рудник в старой Пермской губернии да станция ПЕРВАЯ РЕЧКА на Дальнем Востоке являются на карте заведомыми старожилами.

Есть в СССР одно очень соблазнительное название — ЮКСИ. По-фински «юкси» значит «один». Правда, это Юкси расположено так далеко от Финляндии, что я не берусь прямо сказать: что же оно так и означает: «один» или «первый»?

Впрочем, поселок лежит недалеко от Ижевска, в Удмуртской АССР, население которого говорит на удмуртском, финно-угорском языке, а неподалеку от Юкси находится населенный пункт ЛЮЧЕ-КАКСИ, «какси» же по-фински — «два».

Ну что ж, будем считать и Юкси в перечне топонимов со значением «единица».

ДВА

«Двоек» в топонимике мира, видимо, несравненно больше: я не могу винить мою картотеку в какой-либо предвзятой избирательности подбора. Основа, означающая «два», «двойной», широко представлена в названиях мест на множестве языков.

ТУ ВИГВАМС — «два вигвама» — урочище в Америке. Вероятно, оно имело название того же значения на каком-либо из индейских языков.

Гидроним ДВЕ ВИСКИ на далекой Колыме, конечно, занесен сюда русскими переселенцами. Слово «виска» в Архангельской области искони веков означало небольшую речку, особенно проток между озерами.

В тюркоязычных республиках нашей страны не представляет труда отыскать топонимы, начинающиеся с «ики» — два. ИКИ-АГАЧ — «два дерева», ИКИ-ТЕПЕ — «два холма» и т. п. Разумеется, в русской части Союза куда больше названий, в которые эта разноязычная «двойка» входит только как часть сложного слова.

ДВУЛУЧНАЯ — населенный пункт в Воронежской области, расположенный у двух речных излучин.

ДВУРЕЧКИ — такое место есть на Тамбовщине...

Топонимы-числа обладают тем дополнительным удобством, что без всяких затруднений переводятся на другие языки.

Нынешнее ЦВАЙБРЮККЕН в Баварии некогда, еще в древнеримском мире, именовалось БИПОНТИУМ. И то и другое имя значит «двумостье».

Топоним ТУАПСЕ на Кавказском побережье Черного моря разными учеными этимологизируется по-разному. Пожалуй, всего правдоподобнее видеть в нем черкесское слово, означающее «двуречье».

Но то же самое значение заложено и в индийском ДОАБ — так называется огромное пространство в Индостане, лежащее между реками Гангом и Джамной.

Не всегда и не всюду легко сразу вышелушить число «два» из-под слоев фонетической обработки слова, возникших при его переходе из языка в язык.

Подите попробуйте невооруженным глазом разглядеть латинское, древнеримское БИВИУМ — «двудорожье», «место, где пути расходятся», в франко-швейцарском ВЕВЕ́ — конечном результате многовековых изменений латинского слова.

Мы сейчас не пытаемся уследить в каждом топониме тот путь мысли и обстоятельств, который привел к его возникновению. Мы просто констатируем наличие в них идеи двойственности.

Поэтому я не буду расследовать, почему и как одна из железнодорожных станций в нижневолжском правобережье получила имя ДВОЙНАЯ. Безусловно, к тому были какие-то основания.

Я поверю на слово латышам, утверждающим, что имя курортного городка ДУБУЛТЫ, связанное с основой глагола «удваивать» (дубулт), дано ему потому, что он лежит на узком перешейке между двумя водами — Рижским заливом и рекой Лиелупой.

Я только курьеза ради укажу вам на такое тамбовское название, как ДВОЙНЯ СОЛДАТСКАЯ. Кто знает теперь, чему оно обязано своим появлением на карте?

Впрочем, любители покопаться в исторических материалах могут расследовать все эти казусы. Они мо-

гут добавить к уже упомянутым топонимам и еще ДВУЯКОРНУЮ бухту у Феодосии. Почему не пошарить в старых морских корабельных журналах, не поискать описания какого-нибудь шторма, сорвавшего с двух якорей поочередно то или иное судно? Что за «два якоря»? Откуда они взялись?

В таких кропотливых, скрупулезных поисках, длящихся порою годами, и досада и радость топонимиста.

ТРИ, ЧЕТЫРЕ, ПЯТЬ...

Число «три» на протяжении всей истории человечества имело в людских глазах особую колдовскую силу. В мире существуют бесчисленные множества предметов, существ, явлений. Человеческий глаз с особой легкостью и охотой выделяет из них заметные ему «тройки».

Его привлекают три звезды в Поясе Ориона, хотя девять звезд Плеяд представляются ему только как целая совокупность, без точного учета.

Он любит и в семье находить «тройки». «Один сын — не сын. Два сына — полсына. Три сына — сын!» Вспомните, в скольких сказках является это число: у злой мачехи — три дочери: две любимые, одна ненавистна. У старинушки — три сына: два умных, один дурак. Постоянно повторяются — по три раза — многочисленные припевы, приговорки, рефрены и присказки в народном творчестве. Тривикрама — совершающий три шага — бог Вишну в индийской мифологии. Тримурти — тройственный в образе — сложное представление о единстве трех индийских же богов: Брахмы, Шивы и Вишну; этот образ близко перекликается с христианской Троицей.

Что же удивительного, если столь многозначительное число человечество во всех концах мира перенесло и в свои топонимические системы?

Число островов в различных архипелагах Земли зависит от чистой случайности их образования и геологической жизни. Но если их одиннадцать или шесть, человек как бы не считает их, он видит перед собою просто острова, архипелаги и называет их словом, привязанным к любым другим их свойствам, кроме коли-

чества: острова Зеленцы на Ладоге, Соловецкие острова в Белом море.

Но он непременно выделяет те архипелаги, где так или иначе обращает на себя внимание «троица» островов — самых ли крупных, самых красивых, самых гористых — и называет именно их. Этот тип названий распространен повсюду и применяется к самым различным предметам. Вот ТРИ ОСТРОВА — маленький архипелажек на Белом море. Вот УЧ-АРАЛ (три острова) — населенный пункт в Средней Азии. ТРЕХГОЛОВАЯ гора высится на острове Врангеля, гора ТРИГЛАВ поднимается над Савой, Сочей и Быстрицей в Югославии.

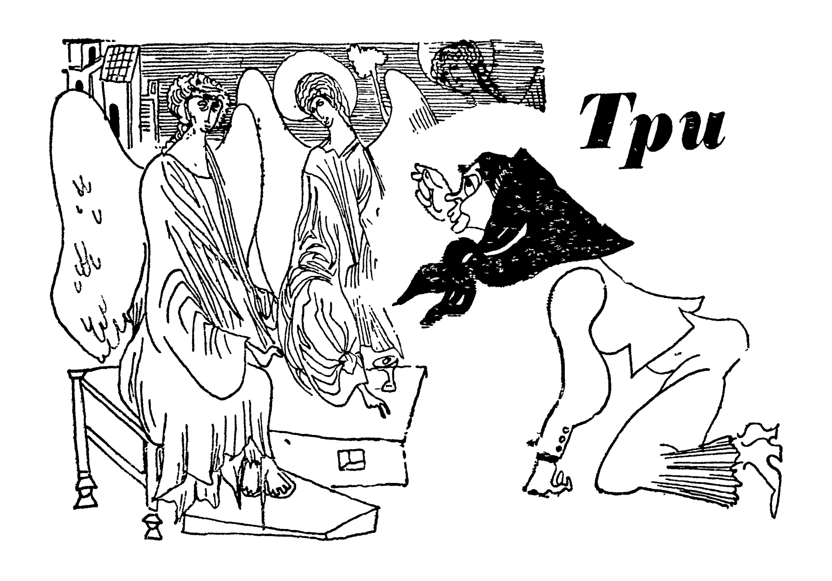
Есть урочище САНГОУЗА (три долины) в нашем Приморье на Дальнем Востоке и было УЧ-ДЕРЕ (три ущелья) в Крыму, в ряду других татарских топонимов.

Древние именовали Сицилию ТРИНАКРИЕЙ, по-видимому за треугольную форму острова или же за то, что он отличался тремя прославленными мысами — Пахином, Лилибеем и Пелором.

Я думаю, второй вариант правдоподобнее: у древних мореплавателей не было карт, с птичьего полета видеть Сицилию они не могли, а слова «Триà àкра» у них могли означать как три вершины треугольника, так и три мыса. Чем хуже, так сказать, древние греки, нежели позднейшие испанские мореходы, назвавшие точно так же ТРЭС ПУНТАС (три мыса), береговую излучину у залива Сан-Хорхе на юге Аргентины?

Прошло тысячелетие или два. Человек со Средиземного моря достиг противоположного полушария Земли. Но мысль его продолжала работать все так же: число «три» по-прежнему привлекало его, и топонимы продолжали оставаться теми же по значению.

Несчетно велико множество топонимов, на разных языках выражающих одно: город или село образовались из трех отдельных поселков. Греки такие слившиеся города именовали ТРИПОЛИСАМИ — трехградьями. Это греческое обозначение широко распространили принявшие его (и конечно, видоизменившие) славяне. На Балканах доныне существуют ТРИПОЛИЦЫ, не имеющие никакого отношения к полям и трехпольному земледелию. Есть и у нас на Украине такое ТРИПОЛЬЕ, относительно которого существует

основательное подозрение, что его имя возникло не из трех полей, а из древнего ТРИПОЛИ. Село лежит на Днепре ниже Киева. Поселение столь древнее, что по его имени названа археологами даже особая, неописуемо древняя (3000—1700 лет до нашей эры) дославянская трипольская культура в Среднем Приднепровье.

Но такие же «трехградья» существовали и у других народов. Образцом их пусть послужит для вас индийское ТРИПУРИ — имя древнего города на берегу реки Нармады и ТРИПУРА — название другого, сказочного города, вероятно существовавшего только в воображении древних индийцев. Оба значат «трехградье».

Любопытно, что второй, «значимый» элемент в этих именах, по существу, почти не имел реального значения: все как бы перекладывалось на многознаменательное число. Именно поэтому вторые элементы так причудливо разнообразны. В конце концов не все ли равно, как назвать какие-нибудь три утеса или три острова — ТРЕМЯ КОРОЛЯМИ, ТРЕМЯ БРАТЦАМИ (ТРЭС ХЕРМАНОС) или ТРЕМЯ СЕСТРИЦАМИ (ТРЭС СОРЕЛЬЯС)? Существенно, что чего-то там три.

Очень часто затруднительно бывает установить, что именно послужило прямым поводом к такому числовому наименованию. Возьмите село ТРИКРАТЫ на Херсонщине. Почему оно названо так?

Там, на месте, утверждают, что село трижды подвергалось разорению, троекратно было сметено с лица земли татарами... Так это или нет? Кто знает...

ТРИЛИСЫ (три леса на Украине у Киева), ТРЕХБУГОРНЫЙ мыс в Обской губе, САНЬ-ГОУЧЖЕНЬ — урочище в Китае (место, где сходятся три ущелья), ТРИ ОСТРОВА — железнодорожная станция в Пензенской области и САМГЕРИ (трехгорье) — урочище в Грузии близ Тбилиси... По-украински, по-русски, по-китайски, по-грузински — всюду идет тот же счет, всюду число «три» представляется особенно значительным.

И дальше: ТРЕНТО, ТРИЕНТ, город и область на севере Адриатики (трезубец). ТРЭС КОРАЧОС (три сердца) — местечко в Южной Америке. Кто знает, откуда название взялось? ТРЭС КРУЦЕС (три креста), ТРЭС АРРОЙОС (три ручья) там же. УЧ-ГЕЛЬ (три озера) на Крымской Яйле. УЧ-КУРГАН (три кургана) — поселок в Узбекской ССР. УЧ-ТЮБЕ или УШТО-

БЕ (три холма) — обитаемое место в Казахстане. На всех языках — одно.

Единообразие топонимического мышления у самых разных народов, разумеется, приносит некоторое облегчение ученым-топонимистам. Очень трудно обнаружить сущность какого угодно процесса или явления, если они всюду и всегда протекают совершенно по-разному. Значительно проще открыть в нем некую законосообразность, когда наблюдается некоторая повторяемость, когда заметно, что в длинной цепи явлений есть и различия и сходства.

Я думаю, что одной из конечных целей работы всех ученых-гуманитаров является раскрытие (или, как теперь говорят, построение модели) мышления не отдельного человека, но также и всего человечества.

А оно существует — общечеловеческое мышление? Вот такая малая подробность, как некий общечеловеческий стереотип в названии географических мест, удостоверяет его существование. Народы разные, расы разные, языки различные, условия жизни не одинаковые, но всюду и везде возникают топонимы-числа, в частности, топонимы-«тройки». Значит, человек всегда и всюду остается человеком. А ведь это очень существенный факт...

Топонимов, построенных на числе «четыре», на свете достаточно много. Точно так же, как и с «тройками», они встречаются на всех материках и у всех народов. Но, так мне по крайней мере кажется, они по сравнению со своими предшественниками обладают одним отличием.

Вот смотрите: остров ЧЕТЫРЕХ ГОР в архипелаге Алеутских островов.

Остров ЧЕТЫРЕХБУГОРНЫЙ на Каспии.

Река КУАРТО РИО (четвертая) в Аргентине.

Озеро ФИРВАЛЬДШТЕДТ (четырех лесных кантонов) в Швейцарии.

Селение ДЕРТ-КОЮ (четыре деревни) в Средней Азии.

Долина СЫ-ДА-ГОУ (четвертая большая падь) в Приморье.

ЧЕТВЕРТАЯ авеню в Нью-Йорке.

Железнодорожная станция ЧЕТЫРБОКИ на Украине.

И так далее и тому подобное. Не замечаете ли вы, что в отличие от многих имен со включенной в них «тройкой» у этих, так сказать, нет никакого «второго плана». Ни признака мистики, суеверий, высокой образности. Все они точно и спокойно описательны. Счетоводческие имена.

Остров Четырехбугорный, несомненно, характеризуется наличием именно четырех видных издали бугров. Река Куарто Рио есть, считая от какого-то условного рубежа, именно четвертая по счету, это доказывается тем, что неподалеку течет Рио Кинто — пятая река. Фирвальдштедтское озеро окружают и на самом деле именно четыре лесистых (некогда) кантона Швейцарии. Было бы их пять, озеро назвали бы Фюнфвальдштедтским; это уже не топонимика, не «крестины», а регистрация.

И Сы-да-гоу стоит в возможном ряду других «номерных» названий между САНЬ-ДА-ГОУ — третьей и У-ДА-ГОУ — пятой падями, долинами. Сколько ни ищи, никакого личного чувства «называтели» здесь не вкладывали, да и вкладывать не собирались. Даже несколько иронически звучащее Четырбоки, и тут, вероятно, станция названа так за расхождение из нее дорог по четырем различным направлениям. Она ничем не отличается от французских КАРРУЖ и КЭРУА, восходящих к древнеримскому «куадрувиум» — перекресток, четырехпутье; никакой словесной или числовой игры в ее имени скорее всего нет.

Во всем этом мысль, а не образы, рассудок, а не чувство.

Собственно, и числовые топонимы, основанные на «пятерке», тоже почти таковы. Конечно, число «пять» несколько отличается от своих ближних соседей: половина десятка, пять пальцев на каждой руке; в древности счет пятерками был распространен достаточно широко. Но, с другой стороны, особенной, таинственной силой число «пять» как-то в глазах людей не отличалось.

Названия мест могут включить его в себя, скажем, в тех случаях, когда в обычном положении они обладали бы признаком четырехкратности, но вдруг, в виде исключения, оказались, так сказать, пятеричными.

Чаще всего на перекрестках пересекающиеся улицы образуют четыре закономерных угла. В Ленинграде есть такое место, где встречаются Загородный проспект, улица Рубинштейна, Разъезжая и ее продолжение — улица Ломоносова. Загородный и две последние улицы секут друг друга под прямым углом. Улица Рубинштейна внедряется в этот крест наискось. В результате вы видите перекресток с пятью, а не с обычными четырьмя углами.

Если поискать, то теперь в Ленинграде наверняка можно найти и другие похожие перекрестки (ну, скажем, там, где скрещиваются улицы Фурманова и Чайковского и в самое перекрестье вклинивается Косой переулок, картина получается такая же).

Но по каким-то причинам только то, первое — единственное — пересечение из всех наличных было еще в XIX веке замечено, отличено от других и получило хоть не официальное, а только народное, но зато чрезвычайно стойкое имя У ПЯТИ УГЛОВ, или ПЯТЬ УГЛОВ.

Здесь дело уже не просто в констатации факта: перекресток с лишним углом. Здесь, несомненно, заложено и какое-то эмоциональное отношение именно к данному, а не к любому другому пятиугольнику, перекрестку.

Большинство «5 — топоним — 5» стоят как-то на грани между эмоцией и чистым прозаическим описанием предмета.

Конечно, гора БЕШТАУ над ПЯТИГОРСКОМ имеет в своем силуэте нечто, что заставило местных жителей именно ее (а, скажем, не Машук) назвать ПЯТИГОРЬЕМ (из тюркского «беш» — пять, «тау» — гора). Но в то же время это же имя, с ничтожным отклонением, носит и гора БЕШ-БАРМАК возле Баку («беш» — пять, «бармак» — пальцы), «пятипалая» гора, по скалам о пяти зубцах на ее вершине.

Можно поручиться, что не так уж точно были подсчитаны эти самые зубцы, чтобы можно было утверждать, что их именно пять, а не шесть и не четыре. Что ты будешь считать на вершине горы отдельным зубцом? Вопрос спорный.

Но народной фантазии гора пятиглавая приятнее, чем, скажем, одиннадцативершинная или двухвершин-

ная. Народ подгоняет внешний вид предмета к своим излюбленным представлениям, и гора превращается в Бештау или Беш-Бармак; дальневосточная река — в УГЫДЫНЗУ (В. Арсеньев переводит это имя с испорченного китайского как «река пяти вершин»); истоки Амударьи в ираноязычных местах Средней Азии — в ПЯНДЖ, что значит «пять истоков», хотя как подсчитаешь множество ручьев и речек, из которых могучая водная струя образуется? И сохраняют долгие десятилетия свои «маломощные» имена и город ПЯТИХАТКИ Днепропетровской области, и станица ПЯТИИЗБЕННАЯ на Дону, о которой уже в конце XIX века Брокгауз и Ефрон писали, что ее населяют 12 тысяч жителей... Так что тут это «пять» давно утратило свое точно-описательное значение, перестало быть числом и даже числительным. Превратилось в один из излюбленных топонимических элементов-основ.

То же самое можно сказать и про индийский топоним ПЕНДЖАБ — пятиречье (конечно, в каждом районе земли всегда можно при желании выделить пять, семь и сколько угодно нужных для учета рек), и про турецкое БЕШ-КИЛИССА (пять церквей), и про крымское БЕШ-ТЕКНЭ («пять корыт» для водопоя, которых нет на этом месте уже множество лет)... Везде счетный момент отступает на второй план перед моментом числовой символики, теперь уже, возможно, и не очень доступной нашему пониманию.

А рядом, конечно, существуют во всех странах мира и чисто «счетные» пятерные топонимы. Вероятно, русское ПЯТЫЙ ПРОЛИВ Курильского архипелага и на самом деле является в какой-то системе отсчета пятым. ПЯТАЯ РОТА (так назвался некогда один из населенных пунктов Херсонской губернии, населенный сербскими колонистами), можно полагать, была связана с каким-то армейским делением полков. В австрийском ФЮНФКИРХЕНЕ — «пять церквей» (теперь это место входит в состав Венгрии и носит венгерское имя Печ), вероятно, в какой-то момент его истории было именно пять храмов.

Наверное, и у станции БЕШ-АРЫК в Узбекистане текут или текли действительно пять арыков, и РИО-КИНТО (в Аргентине), если идти в заданном направлении, следует, как и положено «Пятой реке», за Рио-Кварто,

о которой уже говорилось... Мы это видели и в связи с другими числительными: конечно, они могут образовывать и чисто описательные, как бы холодно фотографирующие действительность топонимы. Мне было важно констатировать, что не всегда они ведут себя так.

ОТ ШЕСТИ ДО СОРОКА

Топонимы, построенные на числительном «шесть», представлены в моей коллекции, да, насколько я могу судить, и на карте мира, несравненно слабее, чем «пятерки», «тройки» или даже «четверки».

Среди наших русских имен мест встречается немало таких, в которых можно обнаружить основу этого числительного. Но она обычно пришла в них из какого-либо фамильного имени или прозвища (ШЕСТЕРИКОВО, ШЕСТЕРНЕВКА) и прямого отношения к самому числу не имеет.

Попробуйте выяснить, откуда взялось имя населенного пункта на реке Ингульца в южной Украине: ШЕСТЕРНЯ? Сомнительно, чтобы им указывалось на что-то составляющее «шестеричный» природный признак места. Скорее всего здесь прозвище родоначальника, основателя, владельца данного населенного клочка земли. Не хочу гадать без достаточных данных...

Разумеется, можно встретить и настоящие числительные топонимы, произведенные от слова «шесть», означающего «пять плюс один». Так, в архипелаге Курильских островов, очевидно, неподалеку от пролива ПЯТЫЙ, существовал некогда и пролив ШЕСТОЙ. На современных картах можно найти только ПЕРВЫЙ, ВТОРОЙ, ТРЕТИЙ и ЧЕТВЕРТЫЙ КУРИЛЬСКИЕ проливы, Пятый и Шестой получили новые, уже именные названия.

Трудно сомневаться в том, что в урочище АЛТЫ-КАРА-СУ (шесть гнилых речек), речек (скорее всего не гнилых, а пересыхающих, со стоячей водою) и на самом деле шесть. Не три и не двенадцать их. И несомненно немецкое средневековое шестиградье — ЗЕХСШТЭДТЭ состояло из Бауцена, Герлица, Циттау, Лаубана, Каменца и Любия — ровно из шести городов.

Но в общем-то число «шесть» — обыденное, прозаиче-

ское, ничем не выделяющееся из ряда число. И названий, посвященных ему, если я не ошибаюсь, не так уж много.

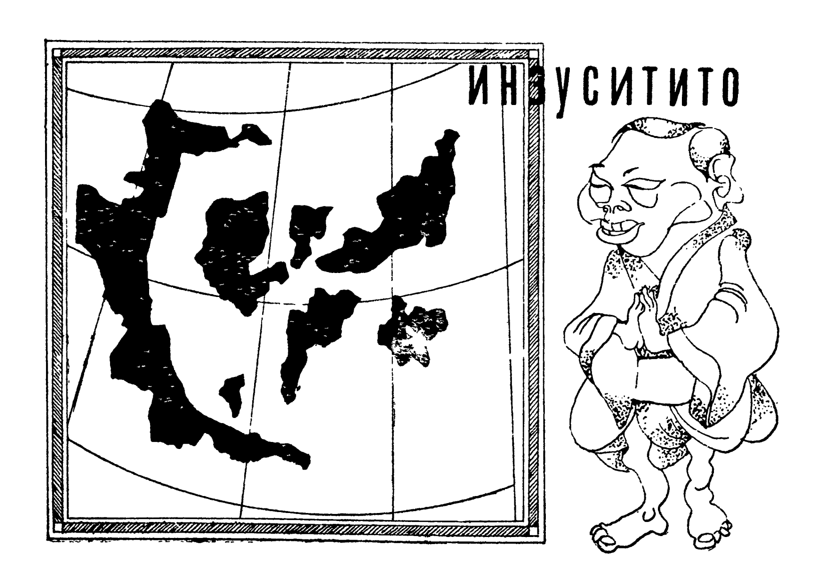
Иное дело число «семь» и связанные с ним поверья, суеверья, приметы, пословицы, фольклорные образы. Семь звезд Большой Медведицы. Семь цветов радуги. Семь пар чистых и семь пар нечистых. Семь дней недели. Семеро одного не ждут. А когда-то еще и семь планет, семь сфер небесных, «пребывать на седьмом небе»... Наши предки жили под обаянием числа «семь», и ничуть не удивительно, что географических мест с, если так можно выразиться, признаками, кратных семи, им виделось в мире куда больше, чем каких-нибудь шестикратных. Виделось потому, что хотелось видеть.

Вот русский топоним СЕМЬ БРАТЬЕВ — скалы на Иртыше. Вот удаленная от них на всю Европу и половину Азии СЕУТА — испано-мавританская переработка древнеримского «апуд сэптэм фратрэс» — то есть те же самые «семь братьев».

Вот тюркское ДЖЕТЫ-ОГУЗ (семь быков) — скалы на Иссык-Куле. Любопытно, что теперь этих скал уже не семь, а девять. Гору пора бы переименовать в ТОГУЗ-ОГУЗ. Но древность имени и обаяние таинственного числа «7» мешают этому.

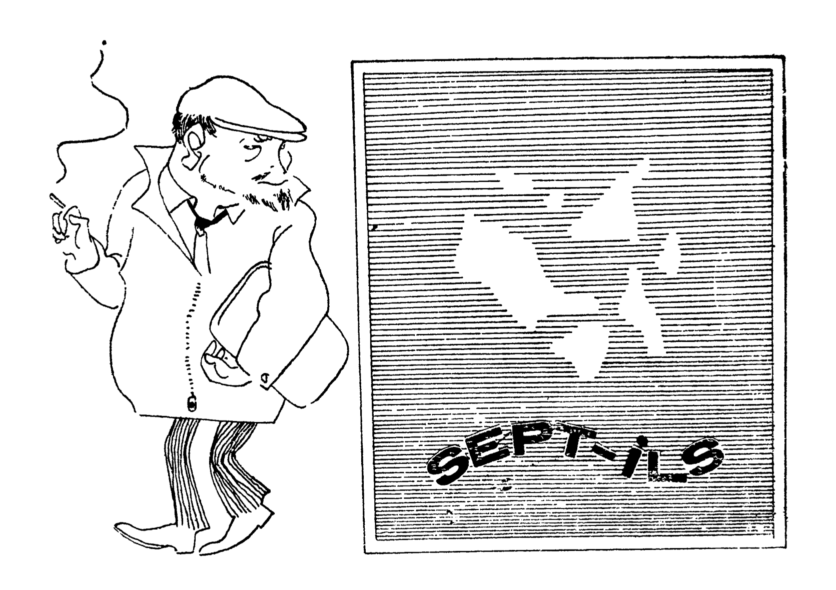
Я могу назвать здесь еще ДЖЕТЫ-КАЛА (семь крепостей) в оренбургских пределах, и семь островов (ИНЗУСИТИТО) в Японии, и другие семь островов (СЭТ ИЛЬ) у побережья Франции, и еще одни СЕМЬ ОСТРОВОВ, теперь уже русские, у нас, возле берега Кольского полуострова... Про последние интересно сказано в энциклопедии: «Собственно, эта группа состоит из пяти островов: Харлова, Б. и М. Зеленецких, Вишняка и Кувшина, а два Лицких острова лежат вдалеке...» Но как было тому, кто первый окрещивал место, не соблазниться «великолепной семеркой» и не подтащить неинтересно отделенные от архипелага островки к нему хоть в воображении!

ЙЕТЫ-КЫЗ (семь дев) — горная гряда в тюркском Китае, ЕДДИ-КУЛЬ (семибашенный) — замок у самого Стамбула. СЕМЬ КОЛОДЕЗЕЙ — в Крыму... Я уверен, что каждый из вас, только пожелав расширить перечень вдвое, втрое, наконец, всемеро, при помощи географической карты или подробного списка населенных пунктов любой страны достигнет этого без труда.

А еще больше, разумеется, таких топонимов, в состав которых «семь» входит только как составной элемент: СЕМИРЕЧЕНСКАЯ ОБЛАСТЬ, СЕМИПАЛАТИНСК, СЕМИОЗЕРНЫЙ (в Казахстане), СЕМИОСТРОВЬЕ (в Мурмане), СЕМИБРАТОВО (в Ярославской области) — вот вам только первые подвернувшиеся под руку, только русские имена.

Что можно сказать о названиях, связанных с числами 8, 9, 10? Числа эти занимали всегда в народном сознании несравненно меньше места, чем то же «семь». Значение их было и остается, так сказать, чисто прикладным, арифметическим, и только. Топонимы, на них основанные, чаще всего выражают идею подсчета или точного описания. Наличие в них числа зависит не от настроения человека, а от некоего объективного факта, правильно или неправильно наблюденного. Речка ЦЗЮ-ЦЗЫ-ХЭ, описанная Арсеньевым в нашем восточном Приморье, потому называется «цзю» (девятой), что, как и Рио-Кинто и Рио-Кварто в Аргентине, она пришлась девятой при каком-то очень, конечно, произвольном отсчете. ДЕВЯТИФУТОВЫЙ РЕЙД в Волжской дельте, безусловно, при некоем промере показал как раз такую, девятифутовую, глубину. Пролив ДЕВЯТОГО ГРАДУ-

СА лежит на 9-м градусе северной широты, несколько выше к северу, нежели пролив ВОСЬМОГО ГРАДУСА между Мальдивскими и Лаккадивскими островами, и значительно севернее еще одного пролива, который я напрасно не указал в разделе «дробных» названий. У него имя, представляющее даже смешанную дробь. Я говорю о проливе ПОЛУТОРНОГО ГРАДУСА у самого южного окончания Мальдивов. (Для любознательных замечу, что пролив ДЕСЯТОГО ГРАДУСА обретается в совершенно другой части Индийского океана: он отделяет Андаманские острова от Никобарских.)

Имен с основой «девят-» гораздо больше, чем можно думать по этим моим словам, но главная их масса построена не непосредственно на числе, а на всевозможных, чаще всего именных образованиях, с ним связанных. Таковы названия железнодорожной станции ДЕВЯТОЕ ЯНВАРЯ в Тульской области, поселка ДЕВЯТКИНО под Ленинградом и множества других.

Упомяну, пожалуй, своеобразное, как бы скрещенное, а на деле, видимо, полупереведенное имя соленого озера в низовьях Волги — ДЕВЯТИХУДУКСКОЕ. Что такое «девять», вы знаете. «Худук» или «кудук» — монгольское и тюркское слова, означающие «колодец». Ве-

роятно, исконное название озера звучало как ДОКУЗ-КУДУК.

Мне почти не попались (хотя, несомненно, найти их можно) «десятичные» географические имена. Разумеется, есть пролив Десятого Градуса, я уже его упоминал. Это счет, а не название. Есть на свете очень много «десятых» улиц. ДЕСЯТАЯ (линия) Васильевского острова в Ленинграде видна из моего окна. Есть сельцо со странным названием ДЕСЯТАЯ ПЯТНИЦА неподалеку от Москвы, в бывшем Богородском уезде Московской губернии (теперь Ногинский район, весьма возможно, что и сельцо переименовано). Когда-то в нем была церковь во имя Параскевы Пятницы, греческое имя Параскева переводится на русский язык именно как «пятница», «приготовление», «канун». Пятница десятой недели после пасхи именовалась и праздновалась как «Десятая». Отсюда такой чисто церковный топоним.

Довольно естественно, что гораздо реже в состав топонимов входили сложносоставные числительные выше десяти: несравненно труднее использовать для названия мест многосложные, так сказать, «полиморфемные» слова: девятнадцать, семьдесят два. Тем не менее — если не в русской топонимике, то в зарубежных — существуют и такие.

Может быть, как-то связано с тюркско-татарским числительным «отуз» (30) название одной из крымских долин на Южном берегу, между Судаком и Феодосией. Она зовется ОТУЗЫ.

Существует даже странный поселочек в Аргентине, неподалеку от атлантического побережья страны, который носит название ТРЕЙНТА-И-ТРЭС, то есть «тридцать три». Мне нигде не попадалось никаких объяснений этому имени, хотя, вероятно, аргентинцы имеют их не одно.

Удивляет, что мне попало в руки очень немного топонимов, связанных с числом 40. Число это в мифологии разных народов имело (да кое-где имеет и поныне) особое значение, связано со множеством поверий и примет. Вспомним дожди всемирного потопа, шедшие по библейскому сказанию 40 дней и 40 ночей.

Вспомним ту же легенду, отраженную в русских народных приметах о погоде: «Сорок мучеников — сорок утренников», «на Самсона дождь — сорок дней дождь».

Сорокоуст — сорок церковных заупокойных служб в память по умершему. Сорок сороков московских церквей. Сорокадневный пост Христа в пустыне.

А вот в зарегистрированной на картах топонимике, в перечнях населенных пунктов и урочищ, оно почти не фигурирует. Кое-что можно обнаружить в странах Востока, в частности Ближнего. КИРК-КИЛИССЭ, теперь КИРКЛАРЕЛИ (сорок церквей), неподалеку от Адрианополя в европейской Турции. КЫРК АГАЧ (сорок деревьев) — поселок в малоазиатской части той же Турции, да, пожалуй, самое любопытное, ДЖЕБЕЛЬ КАРАНТАЛЬ — горный хребет в Палестине. Это название скрещенное, арабо-романское. «Джебель» — по-арабски «гора». «Каранталь» — романское, позднелатинское искаженное слово «куарантана» — сорокадневная. Название горного урочища существует со времени крестовых походов, когда набожные крестоносцы признали в этой именно складке местности как раз то место, где протекал сорокадневный искус Иисуса Христа, описанный в евангелии. Как видите, число «сорок» получило тут косвенное отражение.

Для полноты приведу одно совершенно современное, нового времени, географическое определение: СОРОКОВЫЕ (иногда РЕВУЩИЕ СОРОКОВЫЕ). Так именуют моряки широкие полосы, пересекающие океаны вдоль сороковых параллелей, страшные своими штормами и ураганами. Слово «сороковые» в лоциях и описаниях путешествий занимает точное место топонима: «Пройдя Сороковые, мы встретились с многодневным штилем». В то же время это типичное название-описание, точное и четкое, лишенное в основе своей какой-либо образности. Недаром моряки охотно добавляют к нему эпитет «ревущие»: так получается много красочнее.

СТО

Образования с основой «сто», могут, вероятно, поспорить по своей численности с любыми другими арифмонимами. Они тоже распространены повсюду. ДЖЮС АГАЧ (тюркское), оно же ЦЗЮ-МОДЕН (монгольское) — «сто деревьев» в Средней Азии. Так сказать, чистые числительные. Таковы же СУТА МАДЖОЛЕ

(молдавское) в Бессарабии — «сто курганов». САТА-КУНТА в Финляндии — «сто общин». СИЕНФУЭГОС — «сто огней» на Кубе. ЮЗ-ОБА — «сто холмов», урочище в Крыму, чистый татарский двойник молдаванских Сута Маджоле. СИЕНТЕ ПЕКАДОС — «сто грехов», так именуется веселая улочка одного из южноамериканских городов. СЕТЛЕДЖ — река в Индии, по одной из этимологических версий — «сто ручьев».

Рядом с ними встречаются, конечно, и производные и сложные образования: станция СТОДЕРЕВСКАЯ, на Северном Кавказе, или ЧЖУН-НАЙМАН-СУМЭ (Монголия) — не «сто», а «сто восемь кумирен» (имя населенного пункта).

Нет оснований соединять с ними опосредствованные через имя, прозвище, через другие слова той же основы топонимы вроде станции СОТНИКИ под Одессой или СОТНИЦКАЯ в Воронежской области.

Конечно, никто никогда не подсчитывал в точности, ровно ли сотня деревьев осеняла среднеазиатский кишлак, только ли сотней грехопадений грозила прохожему аргентинская или чилийская улочка. Число «сто» здесь уже обозначало «множество», и очень поучительно видеть, как единообразно возникала эта языковая метафора и в Восточной Азии, и в Новом Свете, и у славян, и у тюрков.

Разные народы, разные зоны земли, разный цвет кожи, а способ мышления всюду один. Ибо человечество — едино!

ТЬМЫ ТЕМ

Нетрудно предугадать, что и «тысяча» должна играть точно такую же роль. Я просто назову тут несколько посвященных ей топонимов, опять-таки в самых разных местах мира.

КОЛЬ ДЁ МИЛЬ-ОР во Франции (теснина тысячи ветров).

БИН-ГЁЛЬ-ДАГ в Турции (тысячи озер гора).

БИН-БАШ-КОБА в Крыму (тысячи голов пещера).

ТАНАНАРИВЕ на Мадагаскаре (тысяча деревень).

Можно для оригинальности привести такое скрупулезно точное наименование, как турецкое БИН-БИР-

ТЕПЕ (урочище тысячи и одного холма). Такое имя носит место, где существуют остатки усыпальниц лидийских царей. Не даю головы на отсеченье, что их там ровно столько же, сколько ночей в сказках Шехерезады. Думаю, что погрешность в масштабе плюс-минус 100 можно вполне предположить. И это, по-моему, служит еще более твердым доказательством того, что число в топонимах далеко не всегда сохраняет свою счетную математическую силу.

Есть мнение (правда, не имеющее сил аксиомы), что имя города ТЮМЕНЬ в монгольском языке в древности могло означать 10 000. (Древнемонгольское «тумен» означало отряд 10 000 бойцов.)

Едва ли не рекордсменом по «абсолютной величине» является топоним ЛАККАДИВЫ (острова в Индийском океане) — если верить версии, по которой их имя восходит к санскритскому «лакшна двипа» — сто тысяч островов. И как же? Их на самом деле сто тысяч?

Справочники перечисляют обычно 10—11 названий, общая площадь островов равна 200 километрам. Если их сто тысяч, то каждый по размеру не превосходит 0,002 квадратного километра, а это, как понятно любому из вас, двадцать соток гектара. Небольшой огород. Видно, островов там много меньше.

Чтобы исправить, может быть, несколько унижающее числовые топонимы впечатление, сообщу вам один из них, на «порядок низший» по числовой величине, но зато уж свободный от всяких сомнительных расчетов. ВЕНТИМИЛЬЯ, городок в Северной Италии. Имя его означает «двадцать тысяч». «Двадцать тысяч — чего?» — как спрашивала у Гусеницы Алиса в Стране чудес Льюиса Кэррола.

Вот в том-то и дело, что теперь уж неизвестно «чего»: топоним существует с античной древности. Поди определи — «чего».

ФЛОРА И ФАУНА

Как-то мне попалась в газете «Известия» небольшая заметка геолога К. Флуга. Она называлась «Хвощинка».

Человек любознательный и любящий природу, Флуг поэтично рассказывает, как в степной Волгоградской области, выбирая площадки для строек, он был удивлен названием одной деревеньки.

Имя деревеньки Хвощинка показалось ему неожиданным и странным в столь южных местах. «Ведь хвощи — это самое северное растение... Мне дорог Север. Я ходил по зарослям хвоща и на отмелях заполярной реки Хальмер-Ю, по берегам холодного Карского моря, где выводки диких гусей подбегали к моим ногам. Хвощи — их любимый корм... Вот почему меня так взволновало название маленькой степной деревеньки, куда инженеры приехали проектировать механизированную ферму. Хвощинка! Откуда же взялись тут хвощи?»

Дальше автор заметки воспевает хвалу той самой науке, которой посвящена моя книжка.

«Топонимика — наука романтическая, — пишет он. — Она позволяет по названиям воссоздавать рисунок прошлого, подобно тому как палеонтологи по костям восстанавливают скелет ископаемых ящеров. И вот я доверился ей и стал искать следы тундры в волгоградской степи...»

Надо сказать, что Флуга подвинула к этому не одна только Хвощинка. «Неподалеку были села ТЕТЕРЕВЯТ-

КА, ЕЛОВАТКА... Рядом по безлесным полям протекала мелкая речка ВЯЗОВКА, которая впадала затем в реку МЕДВЕДИЦУ.

«Откуда, — подумал я, — взялись в степной зоне столь чужеродные ей северные названия? Положим, медведи и тетерева водились еще во времена первопоселенцев этих южных земель. И ели тоже, наверное, попадались среди знаменитых дубовых лесов междуречья Дона и Волги... Но откуда взялось название Хвощинка?»

Долго ли, коротко ли, геолог-топонимист нашел, что искал... «Хвощ... все не давался мне в руки, пока однажды я не спустился в глубокий, как буровая скважина, овраг... возле города Серафимович. По дну его текла ледяная вода... А еще пониже сочно зеленели хвощи».

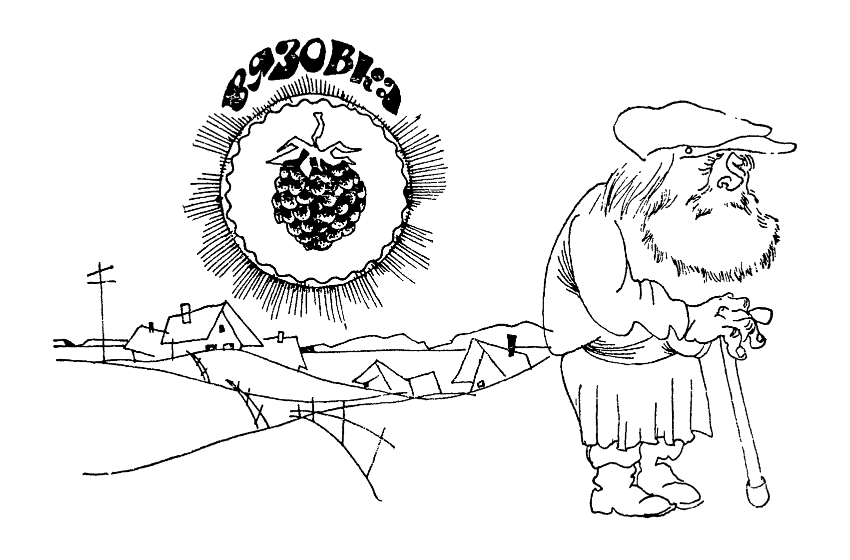
Так происхождение названия Хвощинка увязалось с самой природой области. Геолог лишний раз убедился, что топонимика — правильная наука. А вот у меня, топонимиста тут-то как раз и начали бы рождаться сомнения.

Сейчас я попытаюсь показать вам, что меня смутило.

Ну, первое — то, что автор не совсем точно определил ареал распространения растения «эквисетум» — хвоща. Он считает его «самым северным растением», типичным для тундры. А я беру определитель Федченко и Флерова и читаю там, что огромное большинство видов хвоща встречается «по всем губерниям» всей России и, в частности, по всей ее восточной части. Только два из этих видов БСЭ называет пищей северных оленей и некоторых других животных приполярной зоны. Но и то про один из них Федченко и Флеров замечают, что он (хвощ болотный) встречается в восточных областях повсюду, кроме Самарской губернии.

Получается, что за именем Хвощинка не было надобности ездить в тундру: хвощей и на Нижней Волге сколько угодно.

Но теперь начинается другое. Слово «хвощинка» на первый слух воспринимается как «ольшинка», «вересинка», «лозинка» — одиночный побег небольшого растения. Но можно ли уверенно полагать, что деревня так и была названа по какому-то одному побегу хвоща? Что-то сомнительно: можно представить себе место, характеризуемое огромным единственным дубом, колос-

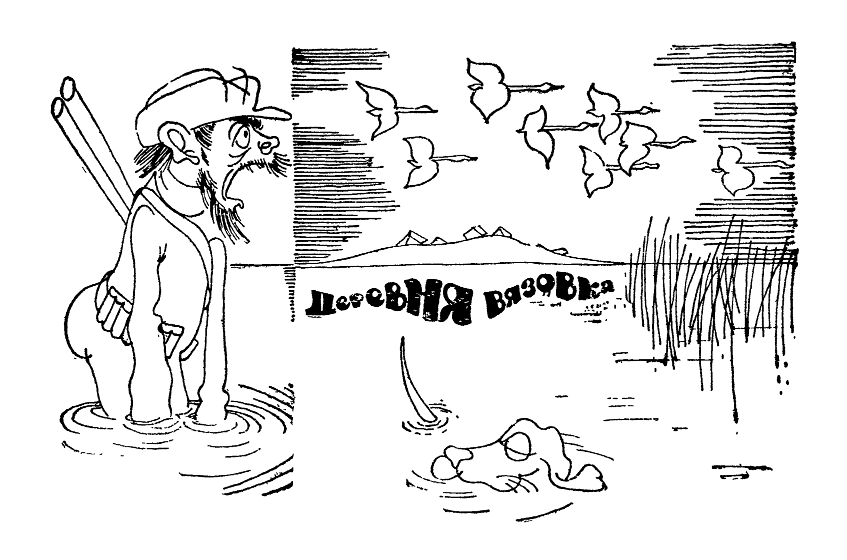
сальной липой, но никак не единой травинкой, крошечным хвощом. Хвощи, Хвощовка, Хвощеватка — куда ни шло: тогда их множество. Хвощинка — маловероятно...

Слово это построено при помощи частиц «-ин» и «-ка». Интересно, а нет ли в тех же местах других топонимов, организованных так же: название растения и «-ин», «-ка»?

Смотрим на карту Волгоградской области. ОЛЬХ-ОВ-КА... СОСН-ОВ-КА... ЛИП-ОВ-КА... Ни Ольшинки, ни Соснинки, ни Липинки нет, хотя в народных говорах такие уменьшительные формы для названий маленьких деревцев вполне возможны. Что же, Хвощ-ин-ка — единственное исключение?

Но вот напечатано точно: МАЛАЯ ДОБР-ИН-КА... КАПК-ИН-КА... САВ-ИН-КА... Все три — названия поселков. Про последнее можно сразу сказать: оно — от имени Савва. Как Петровка — место, обязанное именем Петру, так Савинка — Савве.

Я не производил расследования, может быть, и Капкинка — производное от женского имени Капка, Капитолина? Но тогда приходится допустить, что и имена Добринка, Хвощинка вовсе не простенькие уменьшительные формы к «добро» и «хвощ», а могут представлять

собою какие-то совершенно иного характера специально топонимические словесные образования. Может быть, они произошли от человеческих прозвищ. Вы спросите: ну, а что же тогда означает слово «хвощинка»? Не знаю пока что, но уверен, что не «единичный маленький стебель хвоща». Что-то другое.

Теперь следующий вопрос. Флуг связывает название села Еловатка с именем дерева ель. Он допускает, что «во времена первопоселенцев этих южных земель» (очевидно, в виду имеются русские поселенцы) «ели, наверное, тоже попадались среди дубовых лесов междуречья» и что, видимо, имя села означает: «богатое ельниками место».

Здесь допущены две неосторожности. Во-первых, очень сомнительно, чтобы ель могла расти в низовьях Волги в дни, когда ими овладели русские. Если это и было когда-то, то, вероятно, в первые тысячелетия по окончании ледникового периода. Уже ко временам «Слова о полку Игореве» здесь простирались открытые степи, климат был близок к нынешнему, а ведь ель в таких условиях не опускается к югу ниже северной границы чернозема.

Конечно, она могла попадаться в отдельных возвышенных и изолированных урочищах как реликтовое растение; попадается, может быть, и сейчас. Но крайне трудно представить себе междуречные дубравы даже пятьсот лет назад пересыпанными действительной северянкой елью.

А есть ли надобность так насиловать свое воображение? Я пристально вглядываюсь в карту и не нахожу на ней ни одной Еловатки. Вот ИЛОВАТКИ тут имеются. И селения с таким именем и даже речка, которую зовут то ИЛОВАТКА, то ИЛОВЛЯ... Но ведь «иловатый» вовсе не то, что «еловатый». Речь идет о реках с илистым дном. И приходится счесть, что тут мы встретились с какой-то ошибкой: либо произношения — у местных жителей, либо слуха — у того, к кому они обращались, кто их слушал.

А впрочем, можно предположить и другое. Во многих диалектах растение ольха именуется «елха». Если речка на самом деле Еловатка, а не Иловатка, то вполне возможно, что слово это когда-то звучало как ЕЛХОВАТКА — «ольховая река».

Видите, и опять-таки ель не понадобилась...

Что же до вяза, от которого, вполне вероятно, унаследовала свое имя речка Вязовка, то, по утверждению ботанических справочников, областью его произрастания является вся европейская Россия. Вяз живет в любых лесах, почему бы и не почтить ему своим присутствием долину Вязовки?

Этого мало: существует растение вязовина — один из видов бузины; кое-где вязовицей зовут ежевику, ягоду, распространенную по всей стране. Надо еще разобраться, какое из растений могло сыграть тут роль эпонима — «крестного отца» речки?

И этого тоже мало. В нашей стране много Вязовок, и речек и селений. И вовсе не исключено, что некоторые из них названы вовсе не по растениям, а по вязким, болотистым берегам. Не от слова «вяз», а от слова «вязь», «вязель» — топкое место.

Флуг — знающий геолог и зоркий наблюдатель. Он хорошо отметил присутствие в Волгоградской области различных реликтовых, оставшихся от далекого прошлого животных и растительных форм. Но затем ему захо-

телось перекинуть прочный и прямой мост между флорой и фауной прошлого и топонимикой.

А вот это надо всегда делать со множеством оглядок и оговорок, с величайшей осторожностью. Больше всего надо опасаться простоты и очевидности: они чаще всего подводят.

ПОЧЕМУ СИЕ ТРУДНО В-ПЯТЫХ

Рассуждения неопытных топонимистов-любителей обычно таковы.

Человек живет в окружении растений и животных. Среди топонимов, которые известны каждому из нас, всегда найдется несколько очень близких по звучанию к именам и зверей и растений. Следовательно, эти имена — слова, означающие разные виды зверей, и деревьев, и трав, могут образовывать названия мест. Значит, найдя такое название, похожее на слово, означающее зверя, насекомое, куст, породу травы, мы можем с полным правом считать, что они состоят друг с другом в тесной родственной связи.

На первый взгляд логика неотразимая. По существу же все построено на «заговаривании зубов». Потому что в простом и как будто неразрывном мосту недостает многих звеньев.

Первое.

Над Москвой поднимаются ВОРОБЬЕВЫ (ныне — ЛЕНИНСКИЕ) ГОРЫ, когда-то почти пустопорожнее пригородное урочище, теперь — часть самой столицы.

Применяя только что приведенные силлогизмы, проще простого получаем вывод: слово «воробьевы» означает «принадлежащие воробью». Воробей — всем хорошо знакомая птичка-надомница. Следовательно, топоним Воробьевы горы, безусловно, связан с наличием на этих прибрежных лесистых возвышенностях множества воробьев. Приоткрывается картина подмосковной природы в довольно далеком прошлом. И что особенно радостно, мы узнаем о таких живых существах, о которых никто никогда не стал бы делать записи в летописях, рассказывать в грамотах: кому интересны воробьи?

Так? Получается, что так. А на самом деле?

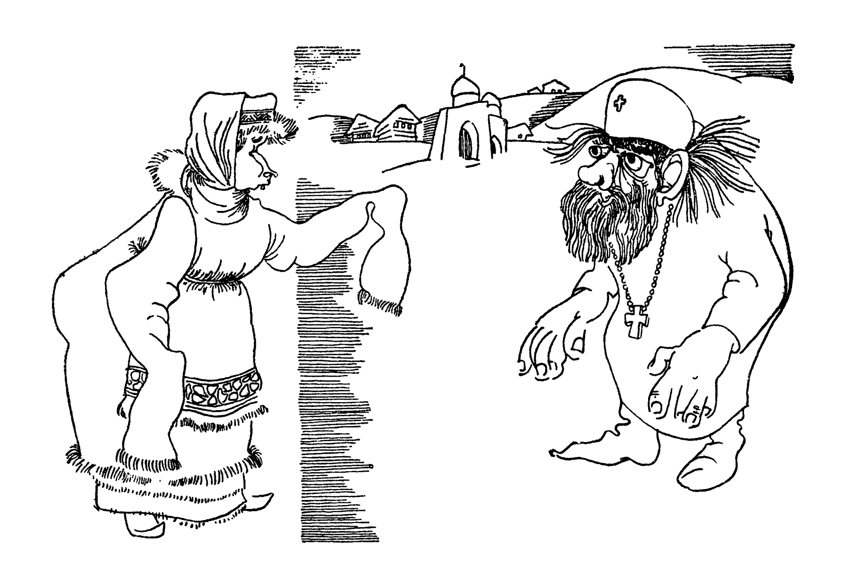
Ну, во-первых, можно было бы просто повернуть во-

прос иначе. В давние уже времена воробей трактовался народом как вор. «Вор воробей» — так про несчастную птицу и говорили. И могло ведь быть обратное: какого-нибудь известного пристоличного вора, жившего на этих высотах, могли ради конспирации именовать Воробьем. Может быть, Воробьевы горы и значило «воровские», принадлежащие вору? Соловей-разбойник был. Почему не быть и Воробью-вору?

Думается, можно было бы сочинить еще не одну умозрительную и вымышленную гипотезу. Но не стоит. Старые грамоты донесли до нас прямые сведения об одной чисто практической сделке. В XV веке некая великая княгиня или княжна купила небольшое сельцо как раз на этих горах. Продал ей сельцо поп по прозвищу Воробей. Новоприобретенная собственность закрепилась за новой владелицей с именем сельцо Воробьевы горы.

Вот и все. И вполне возможно, что в те далекие времена ни один воробей даже и не залетал сюда, за Москву-реку, из города. Никакая фауна тут ни при чем. Да, собственно, если приглядеться к птичьему топониму попристальнее, можно было бы сразу заподозрить в нем топоним человеческий. Без грамот, по самой его форме. То, что принадлежит воробью-птице, мы склонны опре-

делять как «воробьиное»: воробьиный нос, воробьиное чириканье.

То, что принадлежит Воробью-человеку, мы назовем, конечно, «воробьевым». Так будет, вероятно, в 99 случаях из ста.

Но мне сейчас важнее убедить вас в другом. Исследования, касающиеся древних русских личных имен, показывают нам, что огромное множество названий животных фигурировало некогда в народных святцах. В древних грамотах нам попадаются люди Коты, Волки, Бараны, Козлы, Сороки, Вороны, Мизгири (пауки), Жуки, Собаки — кто угодно. Эти слова понимались тогда не как прозвища (прозвищами они стали много позже, когда окончательно взяли верх церковные, «святоотческие» имена), а как настоящие имена.

И от каждого из бесчисленных мирских имен в любой миг могло быть образовано название места. Деревни КОЗЛОВО, СОБОЛЕВО, ХОРЬКОВО были называемы так не по населявшим их козлам, соболям или хорькам, а по их первым обитателям или по другим почтенным лицам, попавшим в поле зрения соседей. Впрочем, мы уже разбирали это, разговаривая о деревне Жуково, и повторяться я не буду.

Но как часто люди, даже всерьез занявшиеся географическими именами, забывают или не хотят принять в расчет это обстоятельство.

Ученый — географ и топонимист В. Семенов-Тян-Шанский опубликовал в двадцатых годах работу о географических именах. Он много внимания уделил в ней именам и «зоологического» и «ботанического» происхождения.

Он подобрал сведения о численности, скажем, «звериных» (и, шире, «животных») имен по разным губерниям тогдашней России. Он свел их в причудливые таблички. Вот одна из этих таблиц:

Губернии	Количество имен							
	медвежьих	волчьих	лисьих	лосиных	барсучьих	заячьих	турьих	собольих
Петроградская . . .	8	10	10	2	—	4	2	2
Псковская	49	45	37	16	18	18	7	12
Смоленская	33	45	10	8	33	18	8	8
Тверская	36	25	18	5	7	10	5	5
Московская	17	9	7	2	2	3	5	5
Владимирская . . .	13	12	7	2	2	3	6	7
Ярославская . . .	27	18	11	4	1	3	10	5
Костромская . . .	43	26	9	3	2	8	10	9
Всего . . .	226	190	109	42	66	67	53	53

Вот другая табличка. В ней отражено количество топонимов, связанных с названиями уже не диких зверей, а домашнего скота в северной группе губерний.

Козел	Бык (корова)	Конь	Овца (баран)	Кот (кошка)	Пес (собака)	Свинья	Курица	Гусь
316	302	262	214	123	109	63	173	95

Пожалуй, правильнее начать разговор со второй таблички: все будет сразу виднее.

Каждый знает, что в дореволюционной деревне корова была основной кормилицей и поилицей, любимицей женской части населения. Именно корова; бык пользовался несравненно меньшей популярностью: производитель и только.

Козел (как и коза) никакой роли в деревенской жизни не играл, был редкостью, почти не считался скотом. По статистическим данным за 1896 год, на 28 миллионов голов коров по всей европейской России насчитывалось всего 1600 тысяч коз.

Так почему же, спрашивается, «козлиных имен» в той же России значительно больше, нежели «коровьих» (и «бычьих»), в полтора раза больше, чем «конских», много больше, чем «бараньих» и «овечьих», хотя на те же полтора миллиона коз овец паслось на полях царской России сорок восемь миллионов?

Совершенно ясно, во-первых, что никакого соотношения между численностью отдельных видов скота и числом «посвященных им» имен обнаружить невозможно.

Совершенно ясно и другое. Причины, вызывающие появление именно «козлиных», а не «овечьих» имен, лежат очень далеко от такой прямой и наивной статистики. Каковы они?

Автор таблиц пускался на всякие хитрости, чтобы объяснить такое засилье «козлиных» имен в нашей топонимике. Он стремился даже свести дело к языческим, скоморошьим действам, к культовой роли в них козы и козла.

Но каждый, кто живал в русской деревне до революции, только пожал бы плечами на эти ухищрения. 90 процентов русских Козловок, Козловских, Козлятниковых не имели никакого отношения к супругам надменных коз, а указывали на бесчисленных мужчин, людей по прозвищу «Козел», каких были десятки даже перед самой революцией в любой нашей деревне.

Многоразличные отрицательные и положительные свойства козла-животного делали слово «козел» весьма подходящим прозвищем и остробородому человеку, и похотливому, и обладающему слишком крепким запахом пота, и белоглазому, и драчливому, и еще множе-

ству других персонажей. Прозвища прививались, а потом переходили в неисчислимое множество фамильных (в ленинградской телефонной книжке за 1969 год Козловых — 190 человек, только на 19 меньше, чем Дмитриевых, и на 90 больше, чем Борисовых) и географических имен.

Все только что сказанное тем более относится к лесным зверям. Ведь если исходить из таблиц Семенова-Тян-Шанского, выйдет, что почти по всей России медведи были куда более обычным зверем, нежели, скажем, зайцы, что в Смоленской губернии, изобильной также и лосями, барсуки встречались примерно в 16 раз чаще, нежели во Владимирской.

И тут, разумеется, прежде всего надо было бы сделать очистку таблиц от тех имен, которые подозрительны по своему «человеческому», «прозвищному» происхождению (их окажется подавляющее большинство), а затем учесть еще и чисто эмоциональную, «самолюбивую» сторону дела. Человеку, может быть, как-то лестно носить прозвище Медведь или Волк, но отнюдь не радостно слыть Зайцем.

Старый дед Медведь охотно назовет свой починок МЕДВЕДЕВОМ; далеко не каждый Заяц согласится закрепить за своим родом и своей собственностью такое непочтенное имя: Зайцевы. Вот Зайцевых и меньше.

Возьмем для примера «турьи» топонимы, которых Семенов больше всего насчитал в Ярославской и Костромской губерниях.

Писатель Солоухин в своей прелестной книге «Владимирские проселки», обнаружив на карте родных мест деревни ТУРОВО, ТУРЫГИНО, ТУРИНА, ТУРИНО, также заключает: «водились тут туры».

Но ведь это заключение по чистому созвучию. Морфология этих названий никак не позволяет все их привести к названию животного «тур». Может быть, только Турово допускает двойственное решение, да и то с натяжкой: от зверя тура место скорее назвалось бы ТУРЬЕ. Что ж до Туриных и Турыгиных, то тут лесным духом и не пахнет. Притяжательная форма «ту́рина» возможна только от существительного «ту́ра»; «туры́гино» — от «туры́га». Слова же эти, во-первых, с туром, быком никак не связаны и, во-вторых, были отлично известны в русской деревне в весьма различных значениях.

Тур-Турно
Гсродил гумно.
Пешка тоже не гуляла:
Поплет подавала.
Поплетина упала,
По пешке попала.
Пешка губки надула,
По водице поплыла,
Ну — Тур догнал
И по холке наклал...

Эти стихи записаны в двадцатые годы в Псковской губернии. Как видите, в деревне неплохо разбирались в шахматной терминологии. А на севере слово «тур» могло означать еще и «печной столб» Рядом со словом «тур» (шахматный) жило и «тура́», означавшее «ладью», «башню», да могли еще звучать и пережитки другой «туры» — военной...

Словом, вероятно, даже солоухинский ТУРОВ скорее всего был назван не в память о каком-нибудь последнем быке, а именно в честь такого Тура-Турна, крепкого мужчины и грозы окрестных Пешек. «Турыгой» же или «турышкой» во многих местностях России зовут разные виды лукошек, туесков, берестяных кошелок — все отличные реалии для прозвища.

Стоит упомянуть город ТУРОВ в белорусском Полесье, на Припяти. Вот уж и места воистину «зубровые» и «турьи» И город-то основан в 980 году, за сто лет до того, когда Владимира Мономаха в этих же примерно местах «два тура метали на рогах». Однако из письменных источников мы знаем: местечко Туров было основано неким мужем по имени Туры́. Этимологи выводят это древнее имя из скандинавского «Тори», северного личного имени. Значит, даже здесь, в двух шагах от Беловежской пущи, «туриное» имя оказывается на поверку человеческим. Так что же говорить о других частях нашей страны?

Я весьма опасаюсь, что в графу «туры» у Семенова попало немало «турьих» имен, еще более отдаленных от всякой зоологии.

Вот почему каждому топонимисту-любителю, пленившемуся нежданной прямотой возможных этимологий «по животным», надо больше всего опасаться попасть впросак как раз на этой прямоте. Надо помнить: почти

КАШКА
ДЯТЛИНА
ДЯТЕЛЬНИК
ДЯТЛОВИНА
ТРОЯН
ТРОЕЗЕЛЬЕ
ТРОИЦА
МЕДОВИК
ЛАПУШКА

каждое слово, обозначающее животное, может (или, во всяком случае, могло) стать именем (прозвище — тоже имя) человека. И чаще всего месту оно будет передано именно через посредника, а не прямо.

Теперь есть еще одно соображение... Однако его, пожалуй, стоит рассмотреть, пользуясь не только «зоотопонимами», но и именами на ботанической, флористической подкладке — «растительными».

Само собой, некоторые опасности при исследовании таких имен снимаются или по крайней мере смягчаются. Названия растений несравненно реже становятся антропонимами, нежели слова, означающие животных. Но все-таки и это не исключено ни на русской, ни на иноязычной почве. Раз мы знаем такие фамилии, как русские Соснины, Ольхины, Дубовы, Осинины, если на Украине возможна фамилия Верба, во Франции (Жюль) Верн, что означает Ольхин, а в Германии Эйхе, что означает Дубов, — в принципе у нас есть право думать, что существовали русские имена или прозвища Сосна, Осина, Ольха, Дуб, Клен...

Тем не менее такие казусы, вероятно, случаются несравненно реже, и тому, кто захотел бы рядом с топонимическим зоосадом собрать для своего удовольствия

и топонимический гербарий, следует скорее приготовиться к другому, осложняющему дело обстоятельству.

Словари ботанических названий в литературном и в народном русском языках разошлись давно и на очень значительную дистанцию.

Чтобы составить представление о масштабах расхождения, достаточно заглянуть в старого Даля.

Растение, которое литературный язык наш определяет как «клевер», иногда как «трилистник», имеет, по Далю, в народе такие наименования: кашка, дятлина, дятельник, дятловина, троян, троезелье, троица, медовик, лапушка.

То, что мы называем валерьяной, в диалектах значится как булдырьян, аверьян, марьян, мяун, кошачий ладан, глухой серпий, стоян, очной корень.

Дикую розу, шиповник, на просторах Руси зовут: шипичник, шипняк, шипшина, шипец, шипичка, шипица, чипорас, толокнянник, щуплина, своробoрина, серебаринник, сербалина, чербалинник...

Это касается дикорастущих. Может быть, с огородными растениями проще?

Вот обычная брюква. Вы можете найти ее под такими не совсем на брюкву похожими названиями: брюкла,

буква, бухма, буша, бушня, калива, калига, калика, каливка, галань, галанка, ланка кандушка, немка, бакланка, баклага, грухва, грыжа, грыза, желтуха, землянуха, дикуша, рыганка, синюха.

В нескольких километрах к югу от города Луги была в тридцатых еще годах маленькая деревнюшка СТОЯНОВЩИНА. Стократно проходя по ее единственной улице, я по-разному догадывался о происхождении ее имени. От глагола «стоять» и какого-то связанного с ним отглагольного существительного? От «стоянье» — церковная служба, всенощная? От «стоянки» — мирская сельская сходка? Уж навряд ли — в связи с болгарским именем Стоян... Всяко думалось!

А вот возможность как-либо поразмыслить над названием растения «стоян» — «валерьяна», росистые заросли которого раздавались передо мной на лесных подходах к Стояновщине, мне и в голову не приходила. Да я и сейчас не уверен, есть ли тут что-либо общее, важно, что мы просто не знаем большей половины народной ботанической номенклатуры. А ведь в топонимике нашей мы, разумеется, должны искать именно ее — народную ботанику. Профессорская-то ботаника могла проникнуть в географические имена лишь в ничтожном количестве. Через помещичье, дворянское, книжное именотворчество.

Можно поручиться, что название места, произведенное от «фиалка» или от «анютины глазки», встретится нам где-либо навряд ли. А сколько можем мы пропустить топонимов, связанных с «полуцвет», «братки», «камчук», «троецветка», «сороканедужная»? Ведь это все областные, народные синонимы для искусственного, барского, сентиментального «анютины глазки».

Есть в Москве место, именуемое ВШИВАЯ ГОРКА. О нем было в литературе много споров. «Вши», хотя и богато продокументированные многими историческими анекдотами (от ветошного рынка, на котором продавалось весьма негигиеническое старье, до сидения уличных брадобреев, накапливающих-де вокруг места своей работы груды не слишком аппетитных волосяных отбросов), были в конце концов отвергнуты. «Вшивая Горка» стала «швивой» от слова «швец» — портной: тут-де работали холодные портные, мастера заплат и перештуковки.

По-видимому, однако, самая правдоподобная версия привела все-таки не к швецам, а к старинному слову

«ушь» — названию растения. Но вот относительно того, каким было это, неоднократно упоминаемое в письменных источниках зелье, и поднесь существует множество разногласий. Опираясь на летописные и другие тексты, одни предполагают, что так могла именоваться лебеда, ибо известно, что в голодный 1128 год «ядиху людие лист липов... ушь, мох, конину». Карамзин связывал «ушь» с польским «ушица», но ушица — лютик, а это растение, многие виды которого едки или прямо ядовиты, навряд ли когда-либо являлось суррогатом пищи.

Вполне вероятно, что УШИВАЯ ГОРКА — заросшая ушью — могла превратиться в народном произношении во Вшивую Горку. Но какое растение дало ей ее первое имя, нам теперь очень трудно определить.

Вот почему всякие каталоги ботанических (да и зоологических тоже) топонимов в значительной части своей повисают в воздухе. Прежде чем заниматься ими, следует провести огромную работу по изучению и народной, диалектной и древнерусской зоологической и ботанической терминологии и номенклатуры. Пока у нас нет хорошо продуманных перечней этих названий, лучше и не соваться в дремучие дебри такой топонимики.

В самом деле, вы можете детально обследовать все географические имена, скажем, Псковской области, и не найдете среди них ни одного, связанного с названием птицы «ласточка». Поторопившись, вы можете заключить, что либо такая птица там и не водилась, либо же ее почему-то не любили, не почитали. И впадете в ошибку: псковичи почти не знают слова «ласточка», а зовут эту милую щебетунью крышняком или крашняком. Вы же, найдя урочище КРАШНЯКИ или поселок КРЫШНЯКОВО, даже не заподозрите в их именах ничего птичьего.

Топоним ЛУНЁВО вы будете связывать с птицей лунем — древним хищником из семейства ястребиных. Пскович же лунем зовет сову, а совой — всех дневных хищников: ястребов, коршунов, мелких соколов,

Даже представляя себе, что вместо слова «журавль» в этих местах употребляют название «жо̀ров», вы можете ошибиться, гадая о значении названия какого-либо мшистого болота ЖОРОВИННИКИ. Вы будете предполагать, что там наблюдается гнездованье журавлей, а для псковича это географическое имя равносильно

имени КЛЮКОВНИКИ: «жоро́вина» на местном наречии — клюква...

У коллекционера «зоонимов» и «ботанимов», если назвать так для краткости фаунистические и флористические топонимы, найдутся и другие преграды на пути.

В русской топонимике встречается довольно много имен мест, которые представляют собою ни в чем не измененные именительные падежи существительных, означающих то или другое растение или животное.

Вот БЕРЕЗА — речка в Смоленской области, приток Межи. Вот БЕРЕЗА КАРТУЗСКАЯ — населенный пункт в БССР, на реке Ясельде. И БЕРЕЗА — село на Черниговщине. И еще БЕРЕЗА в Курской области, на реке Свапе и ручье БЕРЕЗЕ...

Вот старинное название города Шлиссельбурга (ныне Петрокрепость) — ОРЕШЕК.

Вот две реки на Украине с одним именем «Липа» — ГНИЛАЯ ЛИПА и ЗОЛОТАЯ ЛИПА. И еще две реки — СОСНЫ, ТИХАЯ и БЫСТРАЯ, притоки Дона.

Рядом с этим мы можем указать и такие же «звериные» имена: река БОБР, река ТЕТЕРЕВ, на которой стоит Житомир, река МЕДВЕДИЦА между Доном и Волгой и другая МЕДВЕДИЦА — в Калининской области, и река ВЕПРЬ (правда, она течет в Польше), и местечко ВЕПРИК, как будто названное тем же словом, что означает маленького кабанчика, на Полтавщине. Есть село МЕДВЕДЬ — между Новгородом и Лугой, есть ЛЕБЕДЬ — населенный пункт, ЛАСТОЧКА — источник, ЛИСИЦА — река, ОРЕЛ — город... Я мог бы без труда набрать ничуть не меньший второй такой список, закончив его, смеха ради, рекой МОКРОЙ БУЙВОЛОЙ.

На первый взгляд какое же это препятствие? Если может то или другое место быть названо существительным, обозначающим «предмет» — село БОР, поселок ОВИНИЩЕ, река ЛУЖА, — почему бы им не носить в качестве имен и названия животных или растений?

Ученые-топонимисты возражают против столь простого умозаключения. Они утверждают, что славянским языкам, и русскому в частности, не свойственно такое упрощенное, бессуффиксное именотворчество.

Русский человек, желая указать, что та или другая

речка течет по хвойным, сосновым борам, назовет ее СОСНОВКОЙ, СОСНОВОЙ, но навряд ли Сосной: ведь значило бы, что он считает деревом самую реку.

Точно так же реку, изобилующую бобрами, он наверняка определил бы как БОБРОВУЮ, но не как Бобр.

Анализируя все-таки существующие на карте и в натуре имена именно такого рода (сколько ни отрицай, а Бобр, и Тетерев, и Береза существуют!), языковеды и топонимисты высказывают всяческие сомнения в том, что они значат и всегда значили именно то, что мы сейчас в них готовы видеть.

Рядом с рекой Сосна они указывают на реку ТОСНА и реку ЦНА и задают вопрос: а не есть ли все эти имена — позднейшие искажения какого-то иного, возможно, русского и славянского, а может быть, и иноязычного древнего имени?

Может быть, уже наши далекие предки уподобили непонятное для них имя своему, отлично знакомому и понятному слову «сосна», и предоставили нам, их потомкам, выкарабкиваться как нам заблагорассудится из этой путаницы?

Реки, носящие название «Береза», как будто бы не должны были смущать нас своим именем. Про одну из них, смоленскую, можно даже прочитать в справочниках, что «чистые березовые насаждения имеются в бассейне реки Березы». Кажется, что еще нужно? Но в то же время другие географические имена, включающие ту же основу — река БЕРЕЗИНА, остров БЕРЕЗАНЬ, внушают нам большую осторожность. Есть все основания думать, что между ними и деревом березой нет ничего общего. Ищут их родство с древнегреческим названим Днепра — БОРИСФЕН (Березина — приток Днепра, с турецким БЮРЮ-УЗЕНЬ-АДА (остров волчьей реки), и хотя и тут твердых решений нет, связь между Березами и березой колеблется.

И две украинские Липы заставляют задуматься: слишком близко от них течет река СТРИПА. О чем говорит это единообразие формы? О липе ли дереве думали те, кто называл реку?

Топонимист В. Никонов пишет про реку Тетерев: «Наивно связывают по звуковому сходству с наименованием птицы.... Это скорее всего переосмысление древнего названия... в славянских языках топонимы по наи-

менованиям птиц, животных, растений требовали суффикса...»

Впрочем, уже относительно реки Бобр он склонен согласиться со связью между речным именем и нарицательным «бобр» в славянских и других индоевропейских языках (у него лишь «затрудняет решение форма без суффикса...»). А реки Вепрь, Веприк и польский Вепрь — ВЕПШ вынуждают к признанию возможности, что их имена «связаны с культом вепря, кабана, которому посвящалась река»...

Какой же можно сделать общий вывод? Вывод один — крайняя деликатность, всемерная осторожность при занесении подобных имен, как бессуффиксных, так и оснащенных сложной системой суффиксов, в списки зоологических и ботанических топонимов. Мало, чтобы название звуковым своим составом напоминало то или другое слово. Необходимо внимательнейшим образом исследовать и его морфологический состав, подумать о том, насколько мыслимо превращение именно его в имя места. И очень часто придется признать, что, даже если какая-то отдаленная связь между данным названием и близким к нему словом и намечается, больше шансов, что до того, как стать топонимом, оно успело или побывать антропонимом — человеческим именем или прозвищем, или пройти какую-либо другую «промежуточную стадию».

Вот, скажем, есть в Витебской области железнодорожная станция БЫЧИХА. Формально ее можно отнести к «животным именам»: бычиха же — самка быка. Да, но никогда ни один русский человек не называл их этим словом. Они от века именуются коровами. И если тут нет каких-либо иных объяснений, придется признать, что всего вероятнее за топонимом лежит прозвище Бычиха и что эта Бычиха была женой или вдовой некоего мужчины, именовавшегося Бык. Таких людей было всегда множество в русском народе, недаром так распространена у нас фамилия Быковых.

То же самое можно сказать про многие топонимы, про населенный пункт БАКЛАНИХУ, про поселок ВЫДРИХУ и бесчисленное множество других сходных имен.

Топоним Бакланиха, можно поручиться, вообще, вероятно, не имеет отношения к птице баклану. Слово

«баклан», известное во многих русских народных говорах, означает «чурбан», «чурка», а в переносном смысле — «голован», «человек большеголовый». И девяносто шансов из ста, что эпонимом этого населенного пункта (лицом или предметом, по которому он назван) была не самка баклана, а какая-нибудь матерая охотницкая или казачья вдова Бакланиха.

Все то, что я до сих пор сказал, относилось только к русским топонимам этих двух категорий, и то далеко не ко всем.

Во-первых, если правило о непременной «суффиксальности» имен мест и справедливо, то только для достаточно древних времен. Ближе к нашим дням русский человек ничуть и никак не смущается, давая поселку или урочищу морфологически никак не обработанное «зверское» или «древесное» имя.

Мыс СЕРАЯ ЛОШАДЬ на Финском заливе километрах в шестидесяти от Ленинграда, безусловно, возвеличивает в своем имени какую-то «серую лошадь». По усмотренному ли кем-либо сходству очертаний, по тому или другому не отмеченному историей реальному происшествию — мы не знаем.

Село БЕЛЫЙ РАСТ в Московской области, несомненно, названо так по растению расту. Вот только не очень ясно, какое именно растение носило у нас в народе это имя. По Далю — «примула верис, баранчики, коровьи слезы, вороньи глаза, медунка, а также Аристолохиа ротунда или кирказон». Но трудно думать, чтобы и это имя послужило предварительно человеческим прозвищем или было как-либо переосмыслено.

Нельзя сомневаться в способе изобретения топонима мыс ОРАНГУТАНГ на Беринговом море, способ — книжный, и название животного введено в имя места, конечно, в своем основном значении. И даже с характерной для XIX века ошибкой написания: обезьяна зовется не «орангутанг», а «оранг-утан».

Во-вторых, великое множество имен, в которых основа — название растения или животного — осложнена различными «аффиксами», тоже не допускает никакого или почти никакого разумного сомнения в своем происхождении.

Это тем более бесспорно, что целый ряд и растений и живых существ является излюбленными эпонимами

для географических мест у разных народов и на множестве языков (понятно, и те и другие меняются в зависимости от флоры и фауны своих стран). Немыслимо обнаружить деревню КЛЮКВИНО в Индии, даже если бы слово и можно было перевести на индийские языки. Не встретите вы ни ВЕРБЛЮЖЬЕЙ ШЕИ — пролива на Новой Земле, ни БАОБАБОВКИ в нашем Заполярье. А вот имена, построенные на слове «липа», на разных языках живут во всех странах Европы, где растет и пользуется любовью это великолепное дерево.

ЛИНДЕСНЕС — мыс в Норвегии и ЛИЕПАЯ (липовая) — город в Латвии. ЛАКУЛЬ ТЭИ (липовое озеро) — район в Бухаресте и ЛИПКИ — несколько кварталов в Киеве. ЛИПЕЦК в Воронежской области, и ЛЕЙПЦИГ — древний славянский Липецк в Саксонии, в ГДР. ЛИНДАУ (липовая долина) в Германии и просто ЛИПОВАЯ ДОЛИНА в Сумской области. ЛИНДЕНБЕРГ (липовая гора) в Баварии и просто ЛИПОВЫЕ ГОРЫ — возвышенность возле города Луга в Ленинградской области...

Нет, тут уж сомнений не остается никаких: все это «липовое» в самом прямом и не в каком-нибудь переносном, метафорическом смысле.

Я так долго распространялся по поводу трудностей и возможных ошибок при сборе того, что было условно названо «зоонимами» и «ботанимами» потому, что неопытные топонимисты часто спотыкаются о них.

Мне было нужно показать, что, с одной стороны, нельзя пленяться кажущейся бесспорностью «фаунистических» и «флористических» объяснений названиям мест, но что и, с другой стороны, не приходится отвергать простой вещи: очень многие топонимы действительно построены на словах этих категорий.

Пожалуй, следует припугнуть вас еще одним. Нередко можно напасть на имя, как будто совершенно бесспорное по своей «звериной» или «древесной» основе, и ошибиться. Один такой случай я вам уже продемонстрировал: с Бакланихой, которая оказалась отнюдь не птицей.

Теперь обратите внимание на целый ряд гидронимов, названий рек, построенных на основе «дуб». ДУБНА, ДУБИССА могут послужить их примерами. Так вот: имя реки Дубна в Московской области современные

топонимисты соглашаются признать происходящим от русского корня «дуб», означающего породу дерева. Дубна, вероятно, «река, текущая по дубнякам». Но название реки Дубиссы, текущей в Литве, они связывают уже с балтийской основой «дубус» — углубленный. И даже вторая ДУБНА, приток Западной Двины, тоже, вполне возможно, должна быть объясняема как носящая отнюдь не русское по происхождению название.

Город ДУБОВКА в Волгоградской области, вероятно, назван как крепостца, построенная среди дубового леса. А город ДУБОССАРЫ в Молдавии своим именем обязан особым крупным рыбачьим лодкам, которые в Молдавии и Румынии называются дубасами, и еще большой вопрос, происходит ли название от славянского «дуб» или же из турецкого «томбаз» — понтон, плашкоут.

Подобного рода примеры нетрудно подобрать и для «зоологических» названий. В Карельской АССР есть река СОРОКА, и на ней город СОРОКА, в конце тридцатых годов переименованный в БЕЛОМОРСК. Проще всего было бы счесть гидроним «птичьим, так сказать, родственным прустовскому лесу ШАНТПИ (поющих сорок). На деле же имя — русская переработка карельского СААРИ-ЙОКИ (речка с островами). Ничего «птичьего» тут и в помине нет.

Очень далеко от Карелии, в Бессарабии, имеется город СОРОКИ на Днестре. Ну, уж эти-то сороки — пернатые?

И снова промах. До XVIII столетия поселок именовался на картах САРАКИ, от молдавского «сарак» — бедолага, сирота. По преданию, жители тех мест жестоко страдали от турецкого гнета и чувствовали себя воистину «сараками»...

Я предоставляю вам полную возможность дознаваться до происхождения названий реки СОРОКИ, притока Самары в Заволжье, и населенного пункта СОРОКА в Винницкой области. Не исключено, что они-то окажутся, наконец, принадлежащими к животному миру...

ИМЕНУЕТ „ГОМО ФАБЕР"

Человек — это работа. Человек — это труд. Там, где нет труда, там нет и ничего человеческого.

Язык творит в первую очередь «гомо фабер» — человек-мастеровой.

Претендуют на языкотворчество многие. Иногда за это берутся люди словесного искусства, литераторы. Кое-что им удается сделать, но их взносы в общую кассу языка — капля в море. Загляните в любой словарь, и вы легко увидите, какое ничтожное место занимают в нем всевозможные изобретения поэтов и писателей, ораторов и краснобаев: от «фаэктон» — слова с греческим окончанием, сказанного Цицероном в шутку, до «летобы» и «летавицы» очень способного мастера словесных фокусов Велемира Хлебникова, до «леевы» Маяковского и «эдемных грэзерок» Игоря Северянина. Рядом с «грубыми», но в труде рожденными обычными рабочими словами все они дают малый процент словаря. Рядом с «сохами» и «пряслицами» древности. Рядом с «домницами», впервые задутыми задолго до расцвета Киевской Руси и доныне живущими в слове «домна», «доменная печь». Рядом с «тракторами», «грейдерами», «лазерами», «квазарами» наших дней, рожденными на заводских конвейерах, в лабораториях ученых, в великом общечеловеческом труде по освоению природы.

Творит язык, за языком ухаживает, растит его, совершенствует гомо фабер.

Земля, на которой мы живем, в первую очередь его поле деятельности. Ему надо отличать реку от реки, поле от поля, гору от горы; надо регистрировать великие города и малые поселки. Потому что это он — строитель и рудокоп, мореплаватель и космонавт, химик и физик. Он — пахарь и охотник, оружейник и домашняя хозяйка, слесарь и токарь, огородник и садовод. Он — человек по преимуществу.

Так, значит, можно, даже не сводя земные имена в длинные списки, не вглядываясь в географические карты, заранее, «из головы» выдвинуть утверждение, что в ряду названий географических мест должно быть очень много таких, которые и говорят об этих местах как о поле деятельности человека-мастерового.

Можно теоретически наперед предсказать, что на земле найдется множество мест, названных по тем ископаемым богатствам, которые этот мастеровой в ней обнаружил.

Можно предугадать, что другие места должны быть названы по тем сокровищам, которые земля-мать рассыпала по своему лону как бы нарочито на потребу своему будущему хозяину и повелителю — человеку.

Рядом с топонимами, в которых звучат слова, описывающие работу добывающей, горнорудной, роющейся в земных недрах промышленности, должны найтись и такие, которые посвящены добыче богатств на поверхности планеты. Рядом с именем АЛДАН (река золота), измышленным золотоискателями древности, должны звучать и СОБОЛИНЫЕ ПАДИ охотника и ДОЛГИЕ НИВЫ земледельца. Бок о бок с ДЕМИР-ТАУ (железной горой) непременно найдутся и РЫБИНСК (город рыбаков), и ЧАКО — область в Южной Америке (место для охоты), и РЫРКАРПИЙ — село на Чукотке (моржовое лежбище).

Вот сейчас я и хочу проглядеть, пусть неполный и достаточно случайный, перечень только тех топонимов мира, у которых есть иногда точные, иной раз лишь приблизительные объяснения и которые попадают, так сказать, в эти рубрики.

В ЦАРСТВЕ ГНОМОВ

«Гномы — духи, живущие в недрах земли и гор и охраняющие подземные сокровища...» — так записано в энциклопедии. Говорят, их выдумал алхимик Парацельс. Уже в его время люди вторгались в царство гномов. Гномы охраняли свои богатства. Людям было непривычно и жутко в глубоких рудниках. Всюду их подстерегали тайны и опасности. Они-то и получили образ и имя гномов.

Некоторые гномы обладали даже собственными именами. Был гном Кобольд, много позже ученые назвали его именем металл кобальт. Был гном Купферниккель. Несколько столетий спустя химики в его честь окрестили металл никель. Люди науки не избегают порою причудливой шутливости и в серьезных своих делах!

Прошли века. Гномы остались только в сказках. Но люди все смелее, вопреки всяким опасностям, внедрялись в кору старой земли, в погоне за ее древними сокровищами. Они заменили гномов собою.

А на поверхности земли они теперь расставляли, как указатели на свою работу, географические имена, свидетелей человеческой деятельности.

Едва ли не самой древней и самой сильной приманкой для человека изо всех ископаемых пород была поваренная соль. Географическая карта усыпана именами, ее прославляющими.

Некоторые из них, так сказать, сами бросаются в глаза каждому из нас.

Деревни СОЛИ БОЛЬШИЕ и СОЛИ МАЛЫЕ в Ярославской области, в часе езды от областного центра... В той же Ярославской области есть и еще одна деревня: СОЛЬ ГОРЬКАЯ. Может быть, это воспоминание о горьких, «бессольных» крепостных временах? Помните тургеневское: «А мы ее (похлебку) и — несоленую»?

Нет, не то! Неподалеку оттуда имеется деревня ВАРНИЦЫ, что уже точно доказывает, что в тех местах не продавали, не ели — добывали, варили соль. Да так оно и есть: деревни стоят над соляными источниками.

Есть там населенный пункт УСОЛЬЕ на реке Нерли. Есть довольно значительная речка СОЛОНИЦА... Кто

знает, может быть, давняя зажиточность этой российской местности и пошла от древних соляных промыслов: без золота проживешь, а без соли — ноги протянешь...

СОЛИГАЛИЧ костромской уже в XIV веке славился соляными промыслами. СОЛЬВЫЧЕГОДСК (или по-старинному СОЛЬ ВЫЧЕГОДСКАЯ, по реке Вычегде, в нынешней Архангельской области, до XV века он именовался УСОЛЬСКОМ) находился на берегу соляного озера. Потом его сменили по удельному весу в поставках соли на всю Русь СОЛИ КАМСКИЕ, нынешний СОЛИКАМСК, затем и СОЛЬ-ИЛЕЦК в Оренбургской области, стоящий на одном из крупнейших в мире месторождений не только вековечной поваренной, но и нужной современному человеку соли калийной.

Здесь все ясно, никаких сомнений нет... Впрочем, неверно: сомнения возможны всюду.

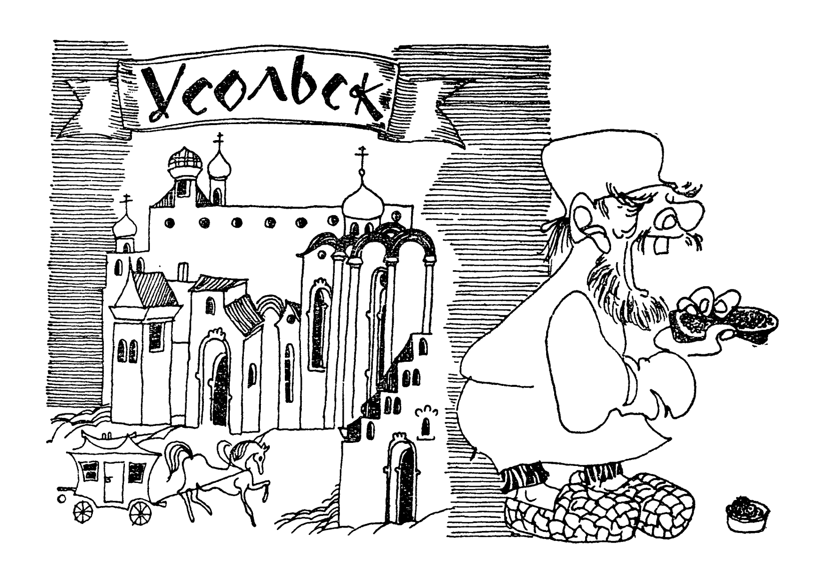
В свое время отмечалось, что Сольвычегодск на языке коми-зырян носит имя СОЛЬДОР, а «дор» по-зырянски — берег. Так которое же из имен возникло раньше? Чем не сомнение?

По-видимому, русское, ибо Сольдор на коми означает «соленый берег», а слова со значением «соль» обычно переходят от народов с более высокой общей культурой к более отсталым. Вспомните, с каким трудом Робинзон Крузо приучал к употреблению в пищу соли Пятницу, как тот, взяв в рот щепотку незнакомого ему белого порошка, демонстративно плевался, гримасничал, полоскал рот, «как будто то была невесть какая мерзость»...

Я думаю, не вызовет недоумения и название СОЛЬЦЫ — нынешнего курорта, а до революции посада в Новгородской области. Что сомневаться, если курорт обязан своим существованием соляным источникам?

Сложнее с именами, прошедшими какую-либо фонетическую, а порою и смысловую переработку.

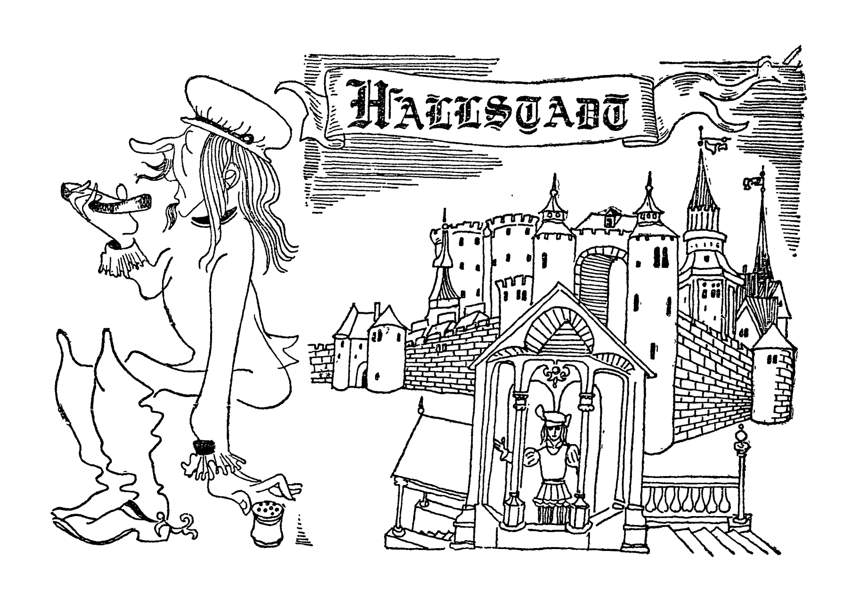
Вот стоит на Донце город СЛАВЯНСК. Хорошо известно, что Екатерина II повелела так именоваться ему в связи со своими, чисто политическими, конечно, симпатиями к балканским славянам и к их борьбе против господства турок. Но в то же время есть сведения, что в более далеком прошлом место звалось СОЛЕВАН-

СКОМ, а еще раньше и просто СОЛЕНЫМ. Можно было бы не придать этому большого значения, однако ведь Славянск — бальнеологический курорт: даже в 1900 году 23 частных заводика вываривали там до 4—5 миллионов пудов соли... По-видимому, старым сведениям приходится если не доверять, то, во всяком случае, придавать какую-то значимость...

Сравнительно просто обстоят дела всюду, где по просторам нашей страны текут речки УСОЛКИ (их несколько в бассейнах Камы и Енисея. Есть Усолка и на Волге, в Жигулях. И везде этому имени сопутствуют соляные ключи, следы старых соляных разработок, соляные месторождения) и имеются поселения с «соляной» основой названия и префиксом «у» — УСОЛЬЯ, УСОЛЬСКИЕ (УСОЛЬЕ ЗЫРЯНСКОЕ в Пермской области, УСОЛЬЕ на Каме, УСОЛЬЕ на Волге, УСОЛЬЕ на Ангаре). Все это места, где человек когда-то и кое-где — очень давно в XIII—XIV столетиях — уже добывал нужнейший для его жизни минерал.

Соль — продукт совершенно интернациональный. Поэтому и «соляные» топонимы распространены не только у нас. Я не могу развернуть здесь более или менее полную, охватывающую все языки и все страны, картину

распространения таких имен. Приведу только некоторые примеры.

На юге ГДР есть древний город ГАЛЛЕ. Слово «галле» необъяснимо из немецкого языка. Но древние документы донесли до нас важнейшие сведения. В 700 году место называлось еще по-латыни HALLORUM. Hal — «соль» (греческое). Вспомните в химии вещества, именуемые «галогенами». В романских языках от этой основы было произведено имя «лица действующего» — «гáллор» — соледобытчик, сольник. Топоним ГАЛЛОРУМ и означал «мéсто, где обитают добывающие соль». Такую топонимическую форму римляне знали: родительный падеж множественного числа: «Чье место? Солеваров!»

Столетие спустя римский топоним подвергся изменению: в 806 году место называлось уже ГАЛЛА — соляное, соли. Теперь мы знаем его как Галле, а у древних славян оно же именовалось ДОБРЕСОЛЬ, как бы в сугубое подтверждение тому, что тут только что было сказано.

Заметим: в странах, далеко расположенных от Рима, мы обнаружили топоним, как бы «присоленный» древней аттической солью. И такой топоним не один.

В Австрии разбросано их несколько. Вот два городка ГАЛЛЬ, в одном — старые солеварни, другой известен минеральными, солеными ключами.

Есть там же и городишко ГАЛЬШТАДТ, о котором в справочниках говорится, что ближайшие к нему горы содержат богатые запасы каменной соли. Не удивительно: все эти местечки находятся в пределах горной страны, именуемой уже на чисто германском языке ЗАЛЬЦКАММЕРГУТОМ — соляным уделом, соляным владением; в ней текут такие речки, как ЗАЛЬЦАХ (соленая вода), стоит город ЗАЛЬЦБУРГ (соляной замок), по-славянски СОЛЕГРАД...

Но теперь и начинается самое сложное. Несколько восточнее Зальцкаммергута лежит старая славянская область, некогда входившая в состав той же Австрии и носившая название ГАЛИЦИИ. В Галиции существовал уже в глубокой древности город ГАЛИЧ, бывший одно время столицей ГАЛИЦКОЙ РУСИ.

Топонимисты создали для объяснения имен Галич и Галиция много различных гипотез. Их выводили и из предполагаемой славянской основы «гала» — гора, и из балтийского «гале» — конец, и, всего охотнее, но, ненамного доказательнее, из названия птицы «галка», «галица»... А тут довольно естественно возникает соблазн связать эти славянские топонимы с так широко распространившейся по Западной Европе старой основой «гал» — соль.

Стоит подумать: в Галиции еще в XIX веке было известно множество минеральных источников, в том числе целая дюжина соляных, соляно-серных и соляно-йодовых!

Настораживает одно обстоятельство: название города Галич известно и на другом конце восточнославянского мира, далеко за Москвой, в Костромской области; костромской ГАЛИЧ никакими соляными источниками не славен. Но в то же время в той же Костромской области, километрах в 85 севернее Галича, стоит на реке Костроме город СОЛИГАЛИЧ. Вот так, и никак иначе: «Соли-гал-ич!

Как видите, вопрос чрезвычайно запутывается. И вероятно, прав топонимист В. Никонов, который в своем «Кратком топонимическом словаре» с осторожностью

пишет: «Возможна общность с распространенными в Европе обозначениями центров добычи соли: именно соль могла привлечь древних славян в Заволжье. М. б. происхождение этих названий различно, и сходство образовалось в результате их ассимиляции».

Может-то оно может, но все-таки напластование таких совпадений заставляет скорее искать в этом сходстве закономерность, а не случайность.

Я предоставляю вам право собирать «соляные» топонимы во всех языках мира и на всех его географических картах. Вот их-то не может там не быть именно потому, что уже несколько тысячелетий соль всюду является спутницей цивилизации.

Недаром в Древнем Риме одна из важнейших дорог, тянувшаяся от морского прибережья до Вечного города, называлась ВИА-САЛАРИА (соляная дорога).

Недаром в Бессарабии от времен турецкого владычества осталось имя городка ТУЗЛЫ. «Туз» по-турецки — соль, а городок был в прошлом центром солеварения.

И если известный путешественник по Азии М. Грум-Гржимайло в книге «Путешествие в Западный Китай» описывает гору, именующуюся на одном из тамошних тюркских языков ТУЗ-ТАУ, то мы тотчас же натыкаемся и на сообщение: «Несколько в стороне от дороги — ломка соли...» Туз-Тау — соль-гора.

Я ни в малой мере не знаток чисто китайской топонимики, но, встретившись на карте Китая с названием ЯНЬ-СИН (город в бассейне Янцзы) и узнав, что город известен как место добычи каменной соли, я заглянул в русско-китайский словарь и с удовольствием извлек из него, что соль по-китайски «янь».

Впрочем, китайский язык известен сложными гроздьями своих омонимов. Я никак не хочу утверждать, что этимологизировал это название правильно. Кто может, пусть сам попробует проверить.

ЗЛАТО И БУЛАТ

Мне казалось, — а я был не так уж плохо знаком с моей топонимической картотекой, — что мне не составит труда подобрать в ней достаточное количество

примеров на названия, внутри которых заложены «темы» железа, серебра, свинца, золота, той же соли и других ископаемых сокровищ, без которых с весьма давних пор невозможна жизнь человека.

Я представлял себе, что число топонимов, распределенных по этим «темам», не может оказаться совершенно одинаковым. Было заранее ясно: одни металлы и минералы — медь, железо, соль — известны человеку очень давно и очень интимно. Другие — каменный уголь, нефть, какие-нибудь фосфаты, редкие металлы — вошли в круг его пристального внимания и живого хозяйственного интереса на протяжении одного-двух последних веков. Наконец, третьи стали предметом бурного и алчного ажиотажа только на глазах моего поколения. Когда я был мальчишкой, широкая публика ничего не слышала ни об уране, ни о молибдене, ни о селене, вольфраме или ванадии. Химики, разумеется, знали о них уже многое. Но в газетах названия эти почти не встречались, не было слышно ни о какой международной борьбе за залежи тория или бокситов... Ведь едва-едва осталось за плечами время, когда изделия из алюминия на рынке ценились чуть ли не дороже сереб-

ряных, да и казались предметами то ли роскоши, то ли чудачества...

Мне думалось: никак не может быть, чтобы топонимика хоть как-нибудь отразила в себе нашу современную химию и нынешнее горное дело. Вряд ли я найду где-либо названия УРАНОВКА, АЛЮМИНИЕВАЯ ГОРА или какой-либо ВОЛЬФРАМШТАДТ. Но вот чем древнее та или другая горнорудная отрасль промышленности, чем длиннее срок, в течение которого человечество знает металл, минерал, добываемое в земле нужное ему вещество, тем больше должно быть в мире названий, в которых эти знания и эта потребность отразились.

Первым существенным для людей ископаемым был, конечно, камень — кремень, нефрит, из которого древний человек изготовлял себе орудия. Но нет шансов обнаружить следы древнейшей индустриальной эпохи в географических именах: за десятки и сотни тысячелетий, прошедших с разных периодов каменного века, вряд ли что из таких имен (если бы они уже и тогда давались местам людьми) могло дожить до нашего времени.

Но вот на смену камню пришел металл. Медь (а рядом с нею и бронза — сплав меди с оловом), потом железо, золото и серебро. В разное время они уступали друг другу первое место в интересах человека, но, раз открыв для себя их полезность, люди уже никогда не упускали их из поля зрения и из рук.

Но ведь границами бронзового века археологи полагают третье-первое тысячелетия до нашей эры, от тех времен до нас уже многое дошло — и в Египте и в Китае. Железный век вообще едва ли не совпадает с началом нашего летосчисления. На протяжении всего этого времени люди искали металлы, добывали их, ценили их, торговали ими... Казалось совершенно несомненным, что напряженный интерес к земным недрам должен был запечатлеться в топонимике. И что чем важнее тот или другой металл для человечества, тем многочисленнее и бесспорнее должны оказаться его «отражения» на карте стран, материков, островов всего мира...

Я совершенно случайно начал с соли, имея в виду от нее перейти к другим сокровищам земли, в частности к «булату и злату», к золоту и железу, ибо изображенный Пушкиным спор их — «Все мое! — сказало Злато. — Все мое! — сказал Булат...» — длится достаточно долго и столь памятен всему человечеству, что можно было не сомневаться: уж они-то врезаны в систему географических имен всего мира.

И вдруг я столкнулся с неожиданностью, полностью объяснить себе смысл и причины которой пока что еще не в состоянии. Попробуем поломать над ней головы вместе.

Вы уже видели, в какой мере пестрит карта «соляными» именами. Они разбросаны по всем странам, знакомы всем народам и всем языкам.

А вот, выбирая из достаточно обширной моей картотеки примеры к темам «золото» и «железо», я обнаружил, что их у меня очень мало.

Чтобы вовлечь вас в самую кухню моих разысканий, продемонстрирую вам, что же я нашел.

Вот «золото». Русское «золото». В моей коллекции топонимов, начинающихся на «золот-», — 6: ЗОЛОТАРНЫЕ ГОРЫ (под Томском), ЗОЛОТАЯ (гора в Забайкалье), ЗОЛОТАЯ ЛИПА (река на Украине), ЗОЛОТОЙ КАМЕНЬ (гора в Пермской области), ЗОЛОТОЙ

РОГ (название нескольких морских бухт и заливов), ЗОЛОТОНОША (река и город на Украине). И все.

К ним прилагаются такие объяснения: Золотарные горы названы по кургану, в котором было найдено много изделий из золота. Не то, что мне нужно.

Золотая гора названа по необычно золотистому цвету добываемых в ней минералов. Опять не то.

Золотые роги в Стамбуле ли, во Владивостоке или в других местах явно обозначены этим словом как синонимом слов «великолепный», «прекрасный» «драгоценный». Металлом-золотом они и «не пахнут».

Золотоноша остается под большим вопросом: мне неизвестны исследования, которые указывали бы на эту реку как на золотоносную, но, судя по тому, что топонимисты не ухватываются за такую гипотезу как самоочевидную, против нее, видимо, можно найти достаточные возражения.

То же самое можно сказать и про реку Золотая Липа. Почти рядом с ней течет другая река — ГНИЛАЯ ЛИПА. Парность, по-видимому, служит доказательством, что Золотая тут не значит «связанная с золотом». Остается только Золотой Камень. Справочники сообщают: «Вероятно, по золотым россыпям; с одной стороны горы стекают три речки ЗОЛОТИХИ». Но это микротопонимика, она у меня почти не представлена.

Приплюсовываю эти речки к своим основным карточкам и получаю четыре надежных «золотых» топонима на несколько десятков тысяч имен картотеки. Не густо.

По-старославянски золото — «злато». Топонимов с таким зачином у меня два: ЗЛАТОУСТ — город на Урале и ЗЛАТЫЙ БОР — гора в Югославии. Похоже, что последнее название скорее говорит о красивой внешности урочища (сравните Серебряный бор под Москвой), чем о его золотых россыпях. Город же Златоуст и вообще назван по соборному храму во имя Иоанна Златоуста, красноречивого византийского церковного деятеля.

Есть третья карточка: ЗЛАТОПОЛЬ, населенный пункт под Киевом. По-видимому, название означает «Золотое поле», не «Златополис». Порывшись в еще не

разложенном по алфавиту материале, я вижу два балканских «золотых» топонима: ЗЛАТНА — река в Чехословакии, ЗЛАТИЦА — город в Болгарии (на рубеже XIX и XX веков). Судя по всем признакам, в районах обоих объектов золото навряд ли когда-либо добывалось...

У меня нет оснований считать чистой случайностью эти данные: общее число карточек в моей картотеке достаточно велико, чтобы в нем отражались уже некоторые закономерности. Но все же я хочу перестраховаться.

Я беру старую энциклопедию Брокгауза и Ефрона. В ней есть одно добавление: ЗЛАТАРИЦА, деревня в Болгарии, в 20 верстах от Трнова. По словарю «златар» — либо златокузнец, ювелир, либо же золотоискатель. Таким образом, тут можно думать по-разному.

Названия на «золото» представлены здесь, кроме моих, еще следующими образцами: ЗОЛОТОВСКАЯ станица — явно от фамилии Золотов. ЗОЛОТОЕ — каменноугольный рудник (тут, очевидно, определение «золотое» является просто хвалебным эпитетом), ЗОЛОТУХИНО — село в Астраханской губернии, связанное со словом «золотуха», а не «золото», и два села в Воронежской губернии, именуемые ЗОЛОТЫЕ КЛЮЧИ. Совершенно ясно, что они к золоту имеют такое же отношение, как тургеневская Малиновая Вода к малине.

Заглядываю в «Атлас командира» (тридцатые годы): там есть обширный перечень топонимов. Они не могли войти в мою картотеку, ибо в нее вносятся только те из них, которым кем-либо дана правильная или неправильная этимология, объяснение значения. В атласе таких толкований не дано.

Я нахожу тут десять названий. Некоторые из них, вполне возможно, связаны с золотопромышленностью: ЗОЛОТАЯ в Якутии (в атласе сказано, что это «поварня»; возможно, золотоискательской артели), ЗОЛОТИНКА в бассейне Алдана, в местах хорошо известных как золотоносные. Относительно других — поселок ЗОЛОТИЦА на берегу Белого моря, второй ЗЛАТОПОЛЬ в Киевской области, ЗОЛОТОЙ МЫС в Татарском проли-

ве, селение ЗОЛОТОЕ на Волге, южнее Саратова, — трудно утверждать что-либо определенное. Золото издавна стало в человеческом сознании символом высшей красоты и достоинства. Называя дочку «золотко мое», ни одна мать не думает, что она сделана из желтого металла. Называя ближайшую гору или мыс, а тем более место своего обитания «золоченым» словом, человек далеко не всегда имеет в виду добычу на них золота. Возьмите известный болгарский курорт ЗОЛОТЫЕ ПЕСКИ, название, многократно повторенное теперь на самых разнообразных побережьях, — ни там, ни на ЗОЛОТОМ ПЛЯЖЕ под Ялтой золота не добывают. Название значит просто «великолепные пески», «отличный пляж», и только.

Одним словом, если вспомнить, что «на земле весь род людской чтит один кумир свяще-е-енный!», топонимика явно недостаточно воспевает хвалу этому прославленному кумиру, «желтому дьяволу».

Нетрудно подтвердить сказанное и иноязычными доказательствами. Просто удивительно, как ничтожно число географических названий в Германии, например, в которые входит слог «гольд» — золото. ГОЛЬДАУ в немецкой Швейцарии, ГОЛЬДБЕРГ, ГОЛЬДАП, ГОЛЬДИНГЕН в разных областях довоенной Германии — вот, пожалуй, и все, если не говорить о микротопонимике.

Несколько чаще «золотые имена» фигурируют у тюркских народов Азии.

Золото у тюрков означается словами, близкими к «алтын», «алтун», «алтан», в разном звуковом оформлении. Вероятнее всего, из этого тюрко-монгольского слова возникло название реки АЛДАН, золотоносного притока Лены. Многие ученые склонны подозревать ту же основу и в имени АЛТАЙ. Правда, по другой версии ороним выводится из тюркских слов «алатау» — «пестрые горы» или «ал-той» — «громадная гора». Были и другие предположения.

И все-таки «золото» соблазняет. Не следует забывать, что еще старец Геродот описывал Алтай как страну, на горах которой, выше всех других племен и народов, выше «исседонов» и «одноглазых аримаспов», обитают «стерегущие золото грифы».

Покончив со «златом», надо несколько слов сказать и о «булате». Сравнительная редкость топонимов, связанных с понятием «железо» (а также «медь» и «бронза»), представляется тоже достаточно неожиданной.

В моих материалах представлено не больше десятка географических имен, построенных на слове «железо» и его производных, если говорить о русской топонимике. Притом значительная их часть связана не с самими рудными залежами, не с указанием на какие-то горнозаводские работы, при них производившиеся, а на косвенные признаки залегания в глубине земли железистых пород, главным образом на минеральные, железистые воды, всегда живо интересовавшие человека. Таковы названия ЖЕЛЕЗНОВОДСК у нас на Кавказе, ФОРЖ-ЛЕЗ-О — «железные» источники во Франции...

Разумеется, определенная часть таких топонимов возникла, так сказать, «на производственном фундаменте». В бассейне Камы была некогда речка ЖЕЛЕЗЯНКА, позднее получившая имя Каменки. По историческим данным, на ней в конце XVII века монахами ближних монастырей был учрежден «железный завод» и при нем ЖЕЛЕЗНЕНСКИЙ поселок. Есть населенный пункт, именуемый ЖЕЛЕЗНЕНСКОЕ, в Западной Сибири на железной дороге Омск — Павлодар.

Попробуйте обратиться к справочникам. «Краткий топонимический словарь» В. Никонова прибавит вам одно-единственное имя: ЖЕЛЕЗНОГОРСК в Курской области. Оно дано новому городу в 1962 году.

Попытайтесь разыскать по справочникам аналогичные топонимы в других странах. Вы увидите, что их там тоже до чрезвычайности мало. ЭЙЗЕНАХ да ЭЙЗЕНБУРГ в Германии, РАУТУТУНТУРИ — (железные горы) в Финляндии, бывший РАУТУ, ныне Сосново под Ленинградом, несколько гор и горных хребтов в тюркоязычных частях Азии, носящих имена ДЕМИР-ТАУ, ТЕМИР-ТАУ, ДЕМУР-ДАГ — тоже железные горы... И — кончено.

Все это заставляет призадуматься. Во-первых, вряд ли можно настаивать на упрощенной и наивной схеме: все, что существенно для человека в его жизни, получает прямое отражение в топонимике, и чем существен-

ность значительнее, тем больше географических имен, ее отражающих, мы должны обнаружить.

На деле все обстоит несравненно сложнее. Особенно сложно нам теперь устанавливать такие соответствия для прошлых времен, для давней, нередко трудно для нас представимой общественной психологии.

Во-вторых, не исключена возможность, что важные отрасли хозяйства, производственной деятельности человека бывали зафиксированы в топонимах не прямо по названию добываемого сырья, а косвенно, через названия производственных зданий, строений, рудничных сооружений... Вот, например, — хотя это и не относится непосредственно к железу — весьма часто встречающийся элемент очень многих славянских топонимов БУДА, БУДЫ. Его можно наблюдать на огромном пространстве, от Средней Европы до Днепра.

«Буда» — строение, здание. Обычно под этим словом разумелось не всякое строение вообще, а шалаши и временные постройки всевозможных добытчиков — углежогов, дегтярников, собирателей сосновой смолы — живицы. Мы можем ни разу не встретить в большом лесном районе имени, в которое входило бы упоминание об угле, дегте, поташе. Тем не менее производство всех этих важных человеку веществ было отмечено многочисленными Будами, вокруг которых позднее возникли уже более крупные поселения: БУДА КОШЕЛЕВСКАЯ возле Гомеля, БУДА МАРЧИХИНА на границе Сумской и Брянской областей. Подите теперь определите, о каком именно производстве каждое из названий хранит память? Ведь вполне возможно, что даже столица Венгрии БУДАПЕШТ стоит на месте некогда курившейся здесь лесной буды, и не исключено, что буда была построена не по дегтярной, а по рудной, доменной необходимости.

В Белоруссии, на Украине и в граничащих с ними областях РСФСР течет немало речек, носящих имена РУДНЯ, РУДА, РУДКА. По-украински «рудый» — красный. Считается, что такие реки (а вслед за ними и названные по ним поселения) получили свои имена по цвету воды. Но цвет воды нередко зависит от наличия в бассейне речки болотной железной руды, именно *руды!* И кто еще скажет наверняка, что хотели закрепить в памяти древние называтели речонок: просто ли их

цвет или то, что где-то поблизости они подозревали присутствие железа?

ЭРЦГЕБИРГЕ (Рудные горы) — так именовали немцы пограничный между Чехией и ГДР хребет. В этих горах известны древнейшие серебряные рудники. Но ведь немецкое слово «эрц» — руда — не определяет, какого именно рода металл добывался в их теснинах. Рудные — и все тут. Древний род промысла как бы «прикрыт» топонимом.

А все-таки я не без некоторого удовольствия отмечаю, что в старом споре «между Златом и Булатом» в топонимике на первое место вышла мирная их соперница — соль.

ТАБЛИЦА МЕНДЕЛЕЕВА

Многие из топонимов, о которых говорилось на предыдущих страницах, уходят своими корнями в глубокую древность. С тех пор как они впервые стали именами тех или иных мест, прошли века и века.

Сейчас порою даже трудно установить, что от чего происходит: название места от имени ископаемого или имя ископаемого вещества от первозданно-древнего названия места.

Остров КИПР в Средиземном море — одно из древнейших мест обитания человека. В названии острова, кстати сказать, гласный звук в разное время произносился греками по-разному: то ближе к нашему «и», то примерно как «ю» в слове «люблю».

К нам топоним пришел в этаком «и-виде» — Кипр. Но с ним же связывают и латинское слово «купрум» — медь. Обычно утверждают, что металл получил такое свое название от острова, славившегося в древности медными рудниками. Но существовало мнение и обратное: название острова могло образоваться из какого-то доримского и догреческого слова, на неведомом нам языке уже означавшего «медь».

А иные исследователи считают, что оба слова — имя острова Кипр и название металла «купрум» — восходят к названию дерева кипарис, по-латыни «купрессус», которым он, остров, некогда изобиловал... Тогда последовательность была такая: остров назвали по характер-

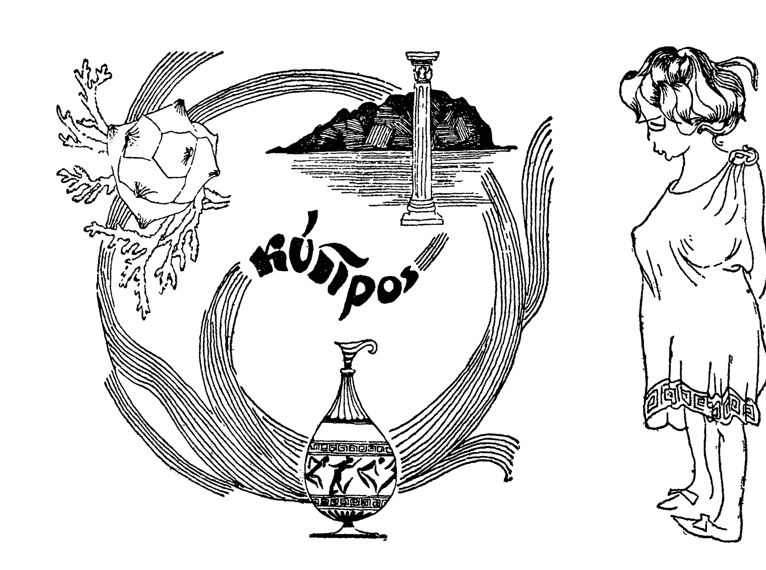
ному дереву, металл — по этому острову... Остается неясным, откуда же взялось и какое значение первоначально имело самое слово «купрéссус» — кипарис. И второе: был ли когда-либо кипарис в средиземноморской флоре столь редкостным явлением, чтобы его присутствие могло поразить око древних и отразиться в самом имени новой для них земли?..

Само собой, чем ближе к нам, тем несомненнее становятся корни топонимов. Ни у кого не возникает вопроса, по какой причине курский Железногорск получил свое имя: 1962 год!

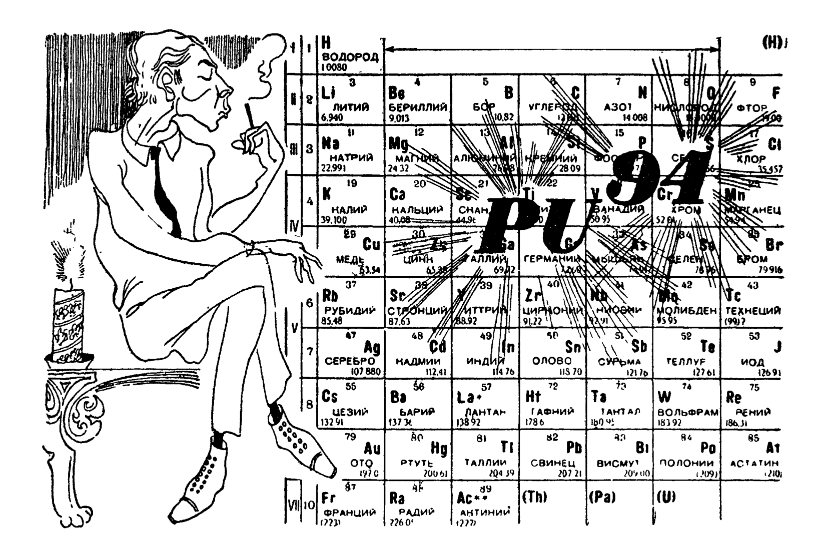
Во множестве документов записано и всем давно широко известно, что, скажем, многие «минералогические» топонимы Кольского полуострова обязаны своим существованием геологическим экспедициям академика Ферсмана: он сам рассказал об этом с большим юмором и очень глубоко захватывая топонимические явления. Но, конечно, и сейчас еще требуется довольно сложная исследовательская работа, чтобы выяснить реальных «крестных отцов» того или другого места.

Чтобы как можно короче представить вам удивительную картину той «таблицы Менделеева», в которую понемногу превращается карта нашей страны, я сделал вот что. Я пролистал «Список станций железнодорожной сети СССР» за довольно давний, 1941 год. И выписал из него в алфавитном порядке те названия, которые построены на словах, имеющих отношение к добывающей, главным образом к горнорудной, промышленности. Я полагаю, мне не придется почти ничего добавлять к списку, так он разнообразен и так вразумительно раскрывает перед нами широкое полотно бурного послереволюционного роста нашей Родины.

АЛЕБАСТРОВАЯ	— Украинская ССР
АНТРАЦИТ	— Ворошиловградская область
АПАТИТЫ	— Мурманская область
АСБЕСТ	— Свердловская область
БОКСИТОГОРСК	— Ленинградская область
БОКСИТЫ	— Ленинградская область

ГИПСЫ	— Пермская область
ГРАНИТ	— Новосибирская область
ГУДРОН	— Оренбургская область
ДЁМА-НЕФТЬ	— Башкирская АССР
ДИАТОМИТЫ	— Мурманская область
ДОЛОМИТ	— Ворошиловградская область
ИЗВЕСТНЯКИ	— Свердловская область
ИЗВЕСТЬ	— Мордовская АССР
ИРИДИЙ	— Свердловская область
КАМЕНОЛОМНИ	— Ростовская область
КВАРЦ	— Ворошиловградская область
КВАРЦЕВСКАЯ	— Ивановская область
КЕРОСИНОПРОВОД	— Грузинская ССР
КОЛЧЕДАН	— Челябинская область
МАГНЕТИТ	— Мурманская область
МАГНИТОГОРСК	— Челябинская область
МАРГАНЕЦ	— Днепропетровская область
МЕДНЫЕ ШАХТЫ	— Свердловская область

МЕТИЛ — Кировская область
МИНЕРАЛЬНЫЙ — Читинская область
МРАМОРСКАЯ — Свердловская область
НЕФЕЛИНОВЫЕ ПЕСКИ — Мурманская область
НЕФТЕАБАД — Ленинабадская область
НЕФТЯНОЕ — Саратовская область
НЕФТЕГОРСК — Краснодарский край
НИКЕЛЬ — Оренбургская область
ОБОГАТИТЕЛЬ — Пермская область
ОГНЕУПОР — Свердловская область
ОЛОВЯННАЯ — Читинская область
ПИРОЛЮЗИТ — Днепропетровская область
ПОТАШ — Киевская область
СИЛИКАТНАЯ — Московская область
СЛАНЦЫ — Ленинградская область
СЛЮДЯНКА — Иркутская область
СТАЛЬНАЯ — Кировская область
СТАРАТЕЛЬ — Свердловская область
СУЛЬФАТ — Бурят-Монгольская АССР

ТИТАН	— Мурманская область
ТОРФОПОДСТИЛОЧНАЯ	— Ленинградская область
ТОРФОПРОДУКТ	— Ивановская область
ТОРФЯНОЕ	— Ленинградская область
УГЛЕЖЖЕНИЕ	— Свердловская область
УДОБРИТЕЛЬНАЯ	— Курская область
УРАЛНЕФТЬ	— Пермская область
ФАРФОРОВСКИЙ	— Ленинградская область
ФАЯНСОВАЯ	— Смоленская область
ФЕНОЛЬНАЯ	— Украинская ССР
ФОСФОРИТНАЯ	— Кировская область
ХРИЗОЛИТОВЫЙ	— Свердловская область
ХРОМ-ТАУ	— Казахская ССР
ХРУСТАЛЬНАЯ	— Свердловская область
ЦЕМЕНТНАЯ	— Рязанская область
ЧУГУН	— Воронежская область
ШАТУРТОРФ	— Московская область
ЯШМА	— Азербайджанская ССР

Надо сделать тут несколько оговорок. Во-первых, стоило бы мне от железнодорожного справочника обратиться к общему списку населенных мест СССР, число таких примеров выросло бы в несколько раз. Во-вторых, я пользовался заведомо устаревшим источником. С сорок первого памятного года в стране возникло бесчисленное множество новых городов, городков, промышленных поселков и, соответственно, немало новых «индустриальных» названий. В-третьих, с сорок первого года изменились границы областей, многие пункты претерпели по нескольку переименований...

Я не придал этому значения: мне хотелось только на живом примере показать вам общую картину, а она если и изменилась, то только в сторону дальнейшего увеличения числа таких топонимов и вовлечения в процесс наименования все новых и новых отраслей техники, науки, индустрии. Вероятно, скоро мы уже увидим на наших картах названия, связанные с кибернетикой, с космонавтикой, с самыми последними достижениями в области химии, физики атомного ядра, обновленной биологии.

ПЛОДЫ ЗЕМНЫЕ

Плодов земных много, и они весьма разнообразны. Я не рискнул бы даже пытаться охватить все построенные на них топонимы.

Когда нам говорят, что название страны БРАЗИЛИЯ может быть связано с одной из пород красного дерева, бывшей несколько веков назад основной статьей экспорта из новооткрытой заокеанской страны, мы соглашаемся, что объяснение довольно вероятно. Если в гипотезу вносят уточнение и предполагают, что дело не в самом красном дереве, а в особой ярко-красной краске, добывавшейся там же из определенной древесной породы задолго до начала химии искусственных красок, мы тоже признаем версию правдоподобной.

В конце концов существенно то, что краска именовалась «браза» и, как утверждают, какое-то дерево называлось именно «бразиль» и росло в нынешней Бразилии.

Вот если высказывается предположение, что дело не в дереве, а в красной литеритовой почве тропической страны, возникает подозрение: Бразилия-то была отнюдь не первой страной с такой почвой, которую узнали португальские мореплаватели и колонисты. Почва там ничуть не краснее, чем в соответствующих районах Африки и южноазиатских стран. Почему же только здесь цвет ее так поразил пришельцев?

Объяснение, идущее от дерева, кажется основательнее, а приняв его, мы и признаем Бразилию одной из стран, названных «по добывающей промышленности», но в то же время не по сокровищам ее недр.

Столкнувшись с мнением, что огромная полупустынная область ЧАКО в той же Южной Америке, на стыке границ Аргентины, Боливии и Парагвая, названа так, ибо на языке индейцев гуарани есть слово «чуку», означающее «место для охоты» или «поле охоты», мы можем согласиться. Любой справочник скажет вам, что огромная территория ГРАН-ЧАКО и сегодня более или менее заселена только в южной, аргентинской части, где есть и промышленность и земледелие. Три четверти страны — дикие леса.

Вот видите, от добычи краски из древесных пород до древнего промысла — охоты все может найти отра-

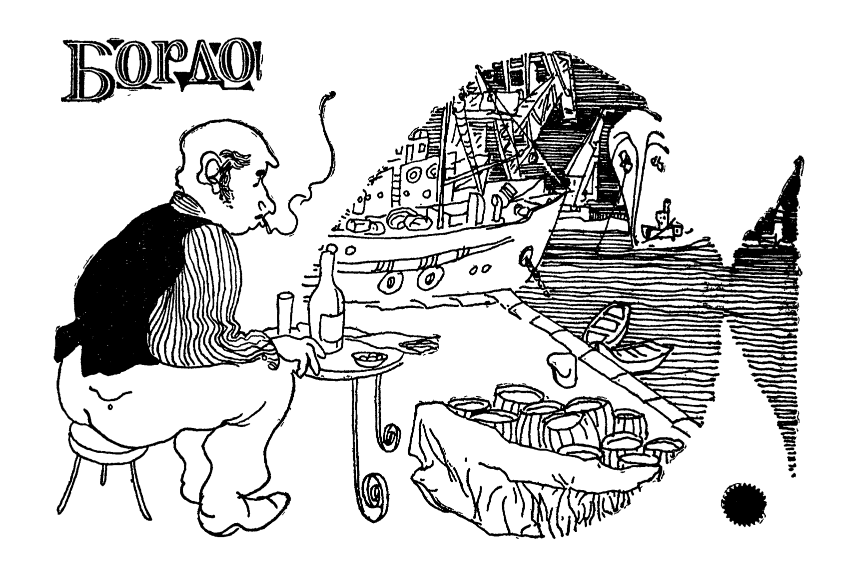

жение в названии места. Так можно ли рассчитывать охватить десятки и сотни таких топонимических источников и продемонстрировать вам примеры на них?

Я поступлю осторожнее. Рассмотрю, пусть поверхностно, одну отрасль человеческой деятельности — рыболовство. И попытаюсь показать вам на небольшом числе образцов, что и тут тоже проявляется самое для меня любопытное — интернационализм называющей мысли, единой во всем мире и на протяжении уже долгих веков.

Русские топонимы, построенные на словах, связанных с рыбой и рыболовством, прежде всего весьма разнообразны по своей формальной структуре, так сказать, по конструкции. Они организованы при помощи многих различных суффиксов: именно благодаря этому русский человек, слыша такое слово, легко понимает не только, что оно сообщает ему о рыбе, но и многое другое.

В бассейне реки Омолон в Восточной Сибири есть поселок с названием РЫБАЛКА. Основа имени «рыб-», но вы без труда ощущаете, что смысл его все же не таков, как у другого названия с той же основой: полуостров РЫБАЧИЙ, что на Мурмане, у самой норвеж-

ской границы, или пригородного селения РЫБАЦКОЕ в Ленинграде. Два последних имени принадлежат местам, где живут профессиональные рыболовы, первое обозначает, очевидно, место на реке, где удобно, а возможно, и приятно ловить рыбу.

Две реки РЫБНАЯ в разных местах Сибири (одна на Таймыре, другая в Красноярском крае) были названы так, чтобы сообщить другим об их богатстве, об изобилии рыбы в их водах. В справочниках так и говорится: «в реке водится рыба», «в реке довольно много рыбы». Названия не сообщают нам о существовании на этих реках ни постоянного рыболовства, ни наличия на них рыбацких поселков. Их имена просто констатируют природный факт: «Тут много рыбы»... Как если бы первооткрыватель этих угодий задался целью предупредить своих последователей: «Вот что вы тут найдете: рыбу!»

Совсем другой смысл у топонима РЫБНАЯ СЛОБОДА на Каме. Он означает поселение, главным занятием жителей которого является ловля рыбы и, возможно, торговля ею. РЫБНОЕ озеро, несколько южнее полуострова Таймыр, вероятно, опять-таки просто изобилует рыбой. А вот населенные пункты, носящие то же

название, — РЫБНОЕ в Московской области, РЫБНОЕ на Верхней Тунгуске, РЫБНОЕ в Красноярском крае, в других местах (их много можно найти), — видимо, именуются так, выражая сразу две информации: и о рыболовческих качествах тех вод, на которых населенные пункты расположены, и о существенном занятии их населения.

Все эти разновидности «рыбной» топонимики очень широко распространены по нашей стране. Селу РЫБАЦКОМУ под Ленинградом (оно возникло при Петре I) соответствует поселок РЫБАЦКИЙ на реке Лямин, в бассейне Иртыша. С полуостровом РЫБАЧЬИМ на Баренцевом море перекликается поселок РЫБАЧЬЕ в Казахской ССР у озера Уялы. Есть РЫБНОГОРСКОЕ в бассейне Северной Двины у Шенкурска.

Есть КАМЕНЬ-РЫБОЛОВ на озере Ханко в дальневосточном Приморье, в местах, прославленных в нашей истории и очень своеобразных, в местах напряженных боев с японскими захватчиками, в местах гольда Дерсу Узала и его друга В. Арсеньева.

Разумеется, не все имена, которые на первый взгляд кажутся явно «рыболовными», должны и могут быть зачислены в этот разряд. Железнодорожная станция в Вологодской области зовется РЫБКИНО. Основа хорошо нам знакома. Но очень сомнительно, чтобы имя имело какое-либо отношение к рыбному делу. Скорее всего до того еще, как прошла тут железная дорога, стоял в этом месте поселок или деревушка, а может быть, была заимка, принадлежавшая человеку прозванием Рыбка, может быть, мужчине, может быть, и женщине. Потому что суффикс «-ин» показывает ясно: имя означает «принадлежащее Рыбке». И уж всего вернее, не сказочной, реальной: человеку, родичи которого, может быть, и сегодня зовутся Рыбкиными.

Зато уж название РЫБНИЦА (на Днестре) как будто надо понимать именно как «место, обильное рыбой». У него, по-видимому, точно такой же смысл, как у имени города БАЛАКЛАВА в Крыму. По-турецки «балык» — рыба, «балык-лава» — рыбный садок, рыбница...

На юге и на востоке нашей страны русский народ с очень давних пор соседствовал, боролся и дружил, в разное время по-разному, с многочисленными тюрк-

скими народами. Татары Золотой орды когда-то владели всеми полупустынными землями к югу от тогдашних границ Московской Руси. Турки были нашими вековыми соперниками в Приазовье и Причерноморье. И дальше к востоку область распространения монгольских и тюркских языков простиралась далеко в Забайкалье, до якутских полярных берегов, а также в Среднюю Азию и в северо-китайские пределы.

На всем этом огромном пространстве живут теперь тюркоязычные топонимы. Всюду тут нашей основе «рыб» соответствует тюркская основа «балык, балак».

Знаете, что за город Балаклава? Много столетий до начала XX века он был прежде всего городом рыбаков. Вот как описывал Куприн этот приморский тихий городок в тот момент, когда кончался в Крыму обычный «бархатный сезон», разъезжалось летнее население и древняя Таврида становилось сама собой: «В кофейнях у Ивана Юрьевича и у Ивана Адамовича... рыбаки собираются в артели, избирается атаман. Разговор идет о паях, о половинках паев, о сетях, о крючках, о наживке, о макрели, о кефали, о лобане, о камсе, о камбале, белуге и морском петухе...» А ведь все это — «балык», рыба... Так удивительно ли, что люди тюркских языков, долго владевшие Крымом, назвали город — Балыклава?

Много севернее, в нынешней Харьковской области Украины, есть город БАЛАКЛЕЯ. Он лежит в степных, маловодных местах, на ничтожной, чуть ли не пересыхающей до дна летом речке БАЛАКЛЕЙКЕ. Рыбными богатствами тут и не пахнет...

Да, но имена-то были даны и речке и месту за что-то! А ведь они оба расшифровываются бесспорно, как связанные с тюркским «балыклы» — рыбный, обильный рыбой. И мы можем утверждать совершенно точно: во время оно, очевидно, реки, текущие по тем местам, были совершенно иными, более полноводными, богатыми рыбой. Имя реки (городок, вероятно, назван уже по той реке, на которой он встал) — достоверный свидетель далекого прошлого. Население на речке Балаклейке сменилось. Сама речка стала совсем другой, не такой, как во дни Тараса Бульбы и Дикого Поля (так русские именовали тогда степи). Все приобрело новый, не тот характер, имя осталось почти старым, только обрусело. И его показанию мы должны верить.

Вот почему мне и хотелось бы при помощи этой книги внушить каждому, кто ее будет читать, большое почтение, бережное отношение к географическому имени. Пока оно живет, сквозь него, как в фантастическом перископе времени, можно заглянуть далеко в прошлое. Если же оно умерло или, что еще печальней, его уничтожили руки невежды — окуляр волшебной подзорной трубки разбит... Представьте себе на миг, что во дни Екатерины светлейший князь Потемкин пожелал бы переименовать Балаклейку в Потемкинку, и все за два века забыли бы ее старое имя... Много потеряли бы тогда все те, кто хотел бы заглянуть в глубь времен столетия на три, на четыре за екатерининское время. Это всегда надо иметь в виду.

Географических имен с основой «балык» очень много. Горный БАЛЫКЛЕЙ на Волге ниже Саратова, две БАЛЫКСЫ — на реках Бии и Томи на Алтае, БАЛЫКГЁЛЬ — озеро в Турции у советской границы («гёль» и значит озеро). Широко разбросаны они и в Азии и Восточной Европе. Я не знаток тюркских языков, а особенно их восточных наречий. Я не знаю в точности, что могут означать по-якутски такие названия, как БАЛЫГЫЧАН (приток Колымы), как БАЛЫК-ТААХ (река и озеро на острове Котельном), но то, что в них присутствует звукосочетание «балык — балыг» заставляет подозревать и тут «рыбные» названия. Попробуйте сами выяснить у специалистов-якутологов — так ли это?

Разглядывая карту мира, читая всевозможные географические — и даже вовсе не географические — сочинения, вы встречаете множество топонимов, и среди них немало «рыбных», но проходите мимо них, даже не подозревая их смысла.

Очень многим известен город БОРДО в Южной Франции. Но мало кому ведомо, что среди разных объяснений его имени есть и такое: оно является изменением древнеримского (а может быть, и древнеиберского) БУРДИГАЛА. Этому же слову дано немало толкований, между прочим, объясняли его и как «рыбные промыслы». Имеются другие этимологии данного топонима, я не вмешиваюсь в споры филологов-германистов, кельтоведов и прочих. Но, может быть, все же Бордо (у нас имя вызывает представления о вине и о темно-красном цвете,

хотя бордоское вино может быть и белым) и на самом деле значило когда-то «Рыбацкое».

Специалисты по древнесемитическим языкам спорят и по поводу имени библейского СИДОНА, одного из финикийских городов в восточной части Средиземного моря. Есть такая гипотеза, по которой и это название означало некогда «рыбная ловля» и Сидон был, так сказать, Бордо или Рыбинском древности. Впрочем, у такого предположения немало серьезных противников.

Иной раз карта вводит нас в довольно наивные заблуждения по другой линии. Вот я вижу в Канаде, далеко на севере, в Гудзоновом заливе, между материком и островами пролив РЫБНЫЙ. Мне приходит в голову: что же это? Русские переселенцы, что ли, принесли с собою в Новый Свет такое типично русское имя?

Нет, не так. Пролив называется ФИШЕР ЗАУНД, ибо рыба по-английски, как и по-немецки, — «фиш».

Точно такую же надпись на карте «РЫБНАЯ БУХТА» против одного из заливчиков на берегу Западной Африки (в Анголе) нельзя всерьез принимать в расчет. Разумеется, название — простой перевод на русский язык португальского (если не местного, африканского) гидронима. И совсем непонятно, почему же, переводя его на русский, картограф оставил непереведенными такие имена, как ПЕСКАДОРЫ (острова неподалеку от острова Тайвань), что на испанском и португальском языках означает «рыбаки», как остров ПЕСКАТОРИ («рыбачий» по-итальянски) в архипелаге Борромейских островов, как имя реки ПЕСКАРА в Италии (рыбная) или городка ПЕСКЬЕРА на озере Гарда, точно соответствующее крымскому Балаклава, ибо «пескьера» по-итальянски — рыбный садок...

Да, а все-таки я говорил о русских и нерусских «рыбьих словах», а оставил в стороне название РЫБИНСК? Это потому, что город не всегда назывался так. Он был основан еще в XII столетии, сначала просто как рыбачий поселок на Волге, затем как приписанная к царскому двору РЫБНАЯ СЛОБОДА. Может быть, на местном говоре его звали когда-то РЫБИНЬСК. Потом сложилось слово РЫБИНСК. В 1946 году старый город был переименован в ЩЕРБАКОВ. В 1957 году ему возвратили древнее название. Рыбное название.

Еще два слова. Пытливые читатели, вполне возможно, полезут в справочники и найдут там на территории южной Польши городок РЫБНИК. Имя и тут явно связано с рыбой, но в окрестностях Рыбника не видно никаких рыбных угодий, ни больших рек, ни обширных озер... Как же могло оно возникнуть?

Дело тут в том, что в ряде славянских языков, начиная с чешского, слово «рыбник» означает просто «пруд» (в прудах свойственно водиться рыбе). По-польски «рыбник» — «садок» и просто «пруд с рыбой». Вот почему многие западно- и южнославянские местечки, где когда-либо были устроены бассейны для разведения рыб, получили такое многообещающее название. Носят его и некоторые тамошние озера.

...А в Индии есть город МАЗУЛИПАТАМ — «Рыбный город». В Финляндии имеется озеро ОНКИВЕСИ — «Воды для уженья» или «Озеро удочек»...

Если бы каким-либо катаклизмом вся рыба на земле была уничтожена, если бы рыболовство прекратилось навеки, по одним только разноязычным «рыбным» и «рыбацким» топонимам мы могли бы восстановить картину прошлого и уверенно утверждать, что во всех концах мира, у всех его народов рыболовство было некогда одной из ведущих отраслей хозяйства.

ВСЕМИРНАЯ ФАБРИКА

Все, что человек добывает на поверхности и в недрах земли, он прежде, чем использовать, перерабатывает. Никто не ест железа, не пьет нефти, и даже моторы не потребляют «черное золото» в его чистом и сыром виде.

С каждым десятилетием сильнее и шире земной шар превращается в «глобальную фабрику», в «завод планетарного масштаба» (высокие слова всегда легко подобрать). И что же? Отражено и это в топонимических «святцах»?

Конечно — да. Я мог бы исписать десятки страниц столбцами названий, отражающих состояние обрабатывающей промышленности всех стран мира. Не стану этого делать. Я приведу тут какой-нибудь десяток топонимов.

С чего начать? Начну с обоих концов сразу. Город БРОННИЦЫ стоит недалеко от Москвы, на Москве-реке. Его имя перекликается с большим числом других названий, произведенных от той же основы, а основа означает: «броня», «боевые доспехи наших предков».

Город основан еще как село БРОННИЧИ в XV веке. Нам ничего не известно ни из каких документов о том, чтобы в том месте жили когда-нибудь «кольчужники», мастера, изготовлявшие латы для тогдашних воинов. И все-таки само название уже свидетельствует в пользу того, что было так. В значительной мере польза и достоинство топонимики и заключаются в том, что ее показания восполняют наши далеко не полные и не безупречные документальные сведения о далеком прошлом.

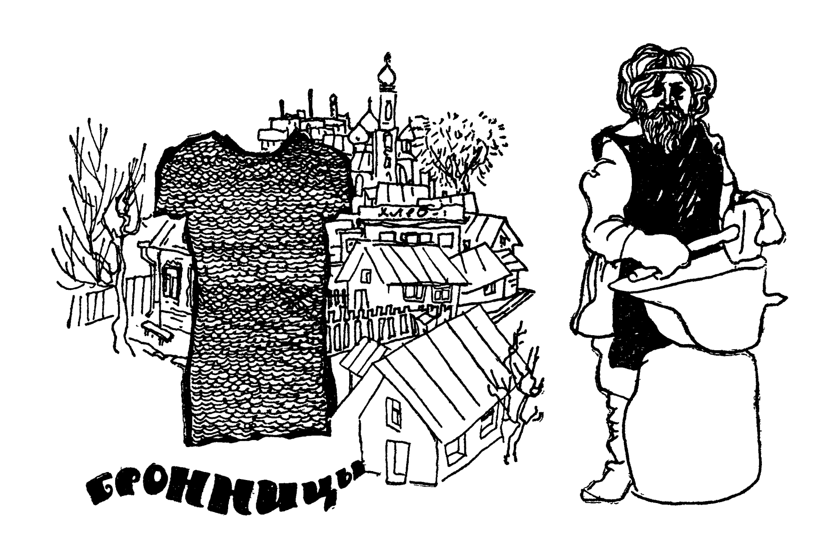
Итак, вот вам обрабатывающая промышленность времен Василия Васильевича Темного, слепца на великокняжеском троне московском.

А в какой-нибудь сотне километров от древней Бронницы, в Калининской области, на тогдашней Октябрьской железной дороге, существовала перед Великой Отечественной войной (вполне возможно, существует и сегодня) станция ИНДУСТРИЯ. И была вторая такая же станция — в Новосибирской области. В справочниках 1953 года числится поселок городского типа на Камчатке, носящий гордое имя ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ. Он расположен на берегу Авачинской бухты. В нем работают жестянобаночная фабрика, лесопильный завод... То уже обрабатывающая промышленность нашего времени, советская.

Вот вам как бы два полюса, два противоположных конца в группе географических имен: глубины истории и современность, древнерусская словарная основа и нынешняя интернациональная, Василий Темный и мы. А принцип — тот же.

Место, где трудится человек, получает название по тому виду труда, которым он тут занимается. Так было очень давно и так будет, вероятно, до тех пор, пока на земле будет жить, дышать, работать человеческое племя.

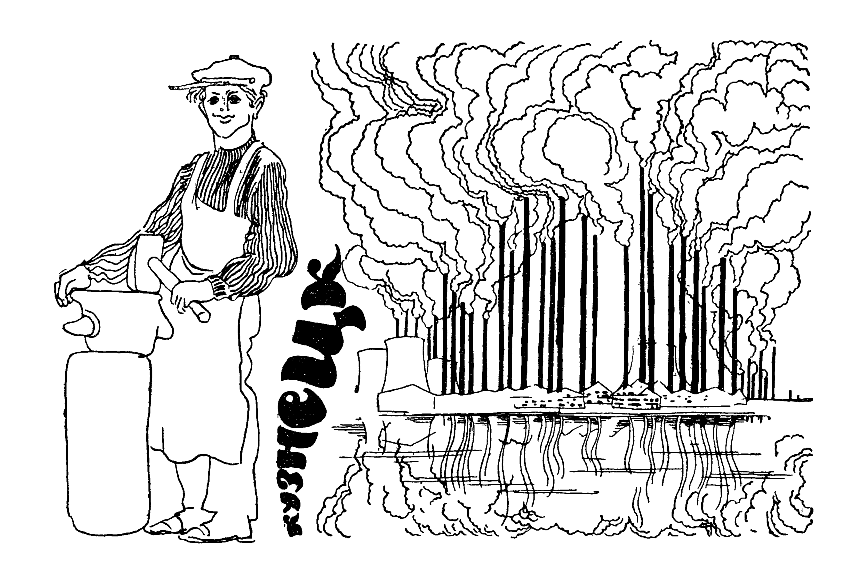
Видов обрабатывающей промышленности несчетное множество. Вероятно, если поискать, можно найти и на карте и в натуре топонимы, построенные на каждом из

них. Дело-то начинается с неисчислимых КУЗНЕЦОВОК, ТОКАРЕВЫХ, ШАПОВАЛОВЫХ, СТОЛЯРОВЫХ — деревень и поселков, которыми пестрят все пути и перепутья и нашей страны и стран — наших соседей.

Случается, что, когда-то малый, поселочек разрастается, его жители начинают заниматься не только тем ремеслом, которое практиковали его первонасельники, а имя остается старым. Так нередко: сам Ковалев — ученый-физик, отец его был летчиком, дед — мелким чиновником или столяром, но в их фамилии все еще живет память о прапрадеде-ковале, то есть кузнеце, так поразившем окружающих своим искусством, что его ремесло неразрывно слилось с его образом в прозвище.

В городе ПИСТОЕ в Италии сейчас насчитывается около 80 тысяч жителей. Там есть предприятия пищевой и текстильной промышленности, небольшие металлообрабатывающие и керамические заводы. Есть мнение, что от имени города произошло название оружия «пистолет»: средневековые пистойцы были славными оружейниками... И тем не менее имя по прямой линии происходит от латинского «пистория» — хлебопекарня. Своим хлебом, очевидно, место славилось уже в те дни, когда воз-

ле него, в 62 году до начала нашей эры, пал в бою Сергий Катилина...

Или живописное горное местечко в Грузии, известный климатический курорт АБАСТУМАНИ. Тысячи исцеленных благословляют во всех концах страны его воздух, его климат, его хвойные леса, его теплые источники... И называют его Абастумàни. А что значит это грузинское слово? То же, что итальянское Пистоя — «квартал пекарей». Когда-то место называлось именно так: ХАБАЗУБАНИ по-грузински. Позднее, когда Грузия оказалась под пятой персов, имя переосмыслилось по наименованиям персидских монет «абаз» и «туман». Но даже за иноязычным искажением стоит все-таки старая грузинская «пекарня», и этим словом мы, сами того не зная, в XX веке продолжаем называть горный курорт.

В РСФСР есть город КУЗНЕЦК в Пензенской области и есть КУЗНЕЦКИЙ угольный бассейн. Оба названия связаны с кузнечным делом. Относительно КУЗНЕЦКА пензенского ничего о кузнечных промыслах его обитателей в XVII—XVIII веках нам неведомо, но имя говорит за себя. Что же до «бассейна», то тут мы хорошо знаем, что «кузнецами» наши предки звали татар-

железоплавильщиков, живших некогда в бассейне реки Томь...

Если у вас есть под руками достаточно подробная карта Франции, на ней вы найдете тоже немало населенных пунктов, в составе названий которых есть элемент «форж», что значит «кузница», и все эти французские места эквивалентны нашим русским Кузнецкам и Кузнецовкам. Найдете вы Кузнецовки и во всех других странах мира: ремесло кузнеца старо как мир.

Все просто для русского человека, пока топоним построен на чисто русских словах. Никому не придет в голову затрудняться, встретив название ПОЛОТНЯНЫЙ ЗАВОД (поселок ранее в Смоленской, теперь в Калужской области). Каждый легко расшифрует такие имена, как АВТОЗАВОДСКАЯ (станция метро в Москве), как ПЕСКОВСКИЙ ЗАВОД в Кировской области или СЕРГИЕВСКИЙ ЗАВОД в Удмуртской АССР. Легко разгадываются и укладываются в свою рубрику ФАБРИЧНАЯ в Московской области, ФАБРИЧНЫЙ — в Днепропетровской или ФАБРИКА ДВИНА — железнодорожная станция на Витебщине.

Но даже в пределах СССР не все имена так легко раскрываются. Известно ли вам, что имя города ВАПНЯРКА означает «печь для обжигания извести» или даже маленький кустарный заводик. Да, да, та самая Вапнярка, что у Багрицкого:

Как мы шли в ружейном громе,
Так что небу жарко,
Помнят Гайсин и Житомир,
Балта и Вапнярка...

А БРОВАРЫ (на юге уйма Бровар и Броварок!) — пивоваренные заводы.

А ГУТА (их там, как и в Белоруссии, пожалуй, еще больше) означало когда-то по-польски просто «завод». Обычно металлургический, иногда стекловаренный. Из польского слово вошло и в белорусский и в украинский языки.

Случается, топонимы такого рода имеют причудливую историю и неожиданное происхождение. В Польше есть город ЖИРАРДУВ. Казалось бы, трудно как-либо протянуть от его имени ниточку к тому, что нас так интересует, — к промышленности, да еще именно к обрабатывающей.

Но, оказывается, имя города сравнительно молодое, как и он сам. Сто пятьдесят лет назад некий француз по фамилии Жирар эмигрировал в Польшу и поселился там. Он был изобретателем, измыслил первую практически пригодную льнопрядильную машину. Попытки пустить ее в ход на родине не удались. Переселясь в Россию (Польша тогда входила в состав Российской империи), он в 1830 году основал близ Варшавы льнопрядильную фабрику. Город Жирардув и назван в честь талантливого инженера. Как же оставить его за бортом в нашем перечне?

Я мог бы продолжать и продолжать примеры. Я мог бы сопоставить с нашими Кузнецками и ФЕРРАРУ (буквально — «кузница») в Италии и АНГРЕН в Узбекистане, которое тоже означало «кузнечное дело», «кузница», а теперь стало именем не только города, но и реки, на которой он стоит.

Я мог бы от городов и больших поселений обратиться к улицам. В любом современном городе, особенно если он живет уже не первое столетие, таких названий — старых и новых — очень много.

Возьмем Ленинград. Рядом со старым ЛИТЕЙНЫМ проспектом, названным еще по «литейному двору» XVIII века, здесь есть АВИАЦИОННАЯ улица (рядом — не в смысле «около»).

Рядом с МОХОВОЙ улицей, которая на самом деле есть переделанная в народе, за полным исчезновением из языка древнего слова, бывшая ХАМОВАЯ (то есть Ткацкая) улица, у нас есть теперь и улица ТКАЧЕЙ, и улица ТЕКСТИЛЕЙ, и улица КРАСНЫХ ТЕКСТИЛЬЩИКОВ.

ДРОВЯНАЯ и ГАЗОВАЯ улицы, АДМИРАЛТЕЙСКИЙ проспект, проезд, канал, набережная — и ВОЗДУХОПЛАВАТЕЛЬНАЯ улица. АПТЕКАРСКИЙ проспект и проспект КОСМОНАВТОВ, ТРАКТОРНАЯ улица, улица ИНЖЕНЕРА ГРАФТИО, ПРОФЕССОРА ПОПОВА...

У нас, характеризуя разные времена, разные периоды в жизни города, страны и всего мира, живут на плане Ленинграда ДЕГТЯРНАЯ, ГОНЧАРНАЯ улицы и ПЕНЬКОВЫЙ БУЯН, и тут же, на том же листе бумаги, вы можете увидеть переулки ЗООЛОГИЧЕСКИЙ и ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ, и ТЕХНОЛОГИЧЕСКУЮ пло-

щадь, и ПОЛИТЕХНИЧЕСКУЮ улицу, и улицу ИНЖЕНЕРНУЮ... У нас есть — все подряд, в одном, как теперь стали говорить, «микрорайоне» — улицы СТЕКЛЯННАЯ, ХРУСТАЛЬНАЯ, ГЛИНЯНАЯ, ГЛАЗУРНАЯ, ФАРФОРОВАЯ, ФАЯНСОВАЯ... Если бы в силу каких-либо причин из архивов утратились все документы, говорящие о существовании в свое время в Санкт-Петербурге «императорского Стеклянного и Фарфорового завода», по одному столкновению топонимов на маленькой территории двух-трех кварталов по берегу Невы можно было бы угадать, что он существовал здесь когда-то.

ЛАБОРАТОРНОЕ шоссе, ИНСТРУМЕНТАЛЬНАЯ улица, АЛЬБУМИННАЯ улица, ХИМИЧЕСКАЯ улица... Вот вам ТЕЛЕЖНАЯ, а вот ПАРОВОЗНАЯ. Вот СМОЛЬНЫЙ БУЯН, то есть береговые склады корабельной смолы, — от парусного века, а вот АВТОГЕННАЯ улица наших дней.

Кто мог дать проездам, переулкам, набережным, площадям именно эти, ничуть не похожие ни на МАРСОВО ПОЛЕ, ни на ЦАРИЦЫН ЛУГ, рабочие, технологические имена?

Да, разумеется, закрепляли и утверждали их «отцы города», администраторы и управленцы.

Но необходимым их существование сделал человек-мастеровой, гомо фабер.

РАЗНОЕ

В городе Чите в начале девятисотых годов, среди немощеных и плохо освещенных его улиц существовала (возможно, существует и теперь) одна с несколько неожиданным названием: ДАМСКАЯ.

Вероятно, каждому, кто впервые попадал в Читу тех дней, имя казалось странным. На улицах буряты и якуты, много китайцев с косами и вдруг — Дамская улица. Откуда могло это взяться?

А это было имя — мемориальная доска, притом созданная не мановением руки царских властей, а, несомненно, самим народом и вопреки властям.

На провинциальной и, собственно, полукаторжной улочке тогдашнего окраинного казачьего острога в двадцатых-тридцатых годах прошлого столетия образовалась как бы маленькая колония петербуржанок, светских дам. Здесь жили приехавшие в каторжную глушь Сибири вслед за своими мужьями жены декабристов — Трубецкая, Волконская, Муравьева.

Память о необыкновенных дамах и хранит читинский топоним — Дамская улица.

Разве в этом имени не отразилось огромное историческое событие прошлого? Разве за ним не ощущаются жестокая, тупая сила николаевского самодержавия и благородная сила духа русских женщин? Скуластые, узкоглазые лица местных женщин, часовые у доброй половины «присутственных» зданий, лютый холод, тот самый, на который горько сетовала еще Марковна, дол-

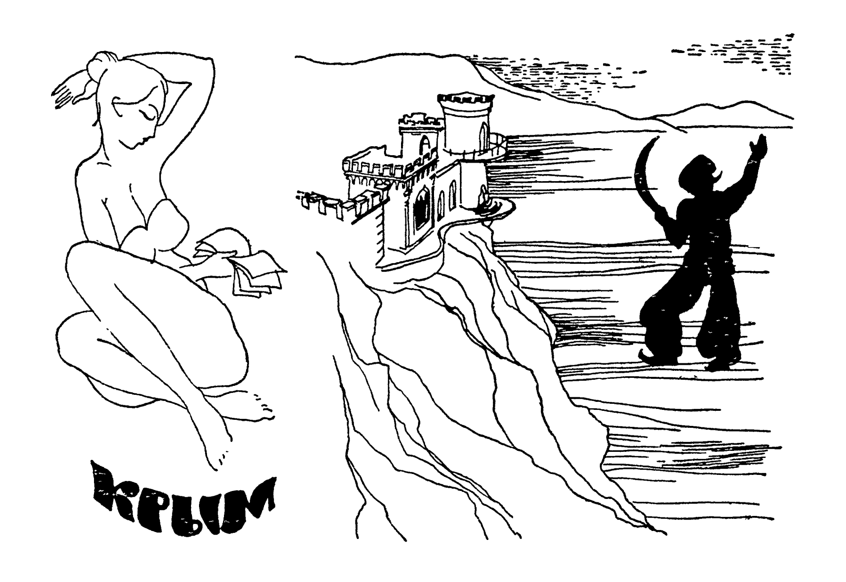

готерпеливая жена протопопа Аввакума... Какой силой воли и характера надо было обладать, чтобы и здесь сохранить внутреннее горение и гордый внешний облик! Остаться «дамами» и дать жалкому переулку, где они жили, особенное название. Единственное во всей стране! Да, несомненно, и во всем мире...

Я скажу вот что. Легко представить себе, что в какой-нибудь из читинских школ ребята, пионеры, организуют отряд следопытов. И устремят свои усилия на поиски того, что, пережив столетие, сохранилось от жен декабристов. И вот где-нибудь, на каком-либо бывшем огороде или пустыре у Дамской улицы кому-то из них повезет, и в земле он найдет безразлично что — хрустальный флакончик, черепаховый гребешок с монограммой «Е. Т.». И станет известно, что вещь, возможно, принадлежала некогда Екатерине Трубецкой...

Вы представляете себе, в какую драгоценность она тут же превратится, как ее будут бережно хранить!

Так вот я и хочу сказать: с таким же благоговейным трепетом, с таким же рачительным вниманием и бережливостью следует обращаться и с каждым топонимом-памятником.

А собственно говоря, все топонимы до единого — памятники.

В книге Георгия Гуревича «Карта страны фантазий» мой взгляд наткнулся на такую фразу:

«В Москве есть РОЩИНСКИЕ улицы, ПОЛЯНКА, КУЗНЕЦКИЙ МОСТ: рощ, полян и мостов там нет и в помине. Правда, были когда-то».

Очень точно сказано. И ведь надо признать, что самое наличие — в Москве ли, в других ли местах — таких имен мест, за которыми сегодня ничего не стоит, а позавчера стояло то, что они называют, напоминает происходящее с удаленными от нас звездами.

Помните, у Фета:

Может быть, нет вас за теми огнями,
Давняя вас погасила эпоха?..

Пока свет от звезды доходит до нас, она для нас еще существует. Мы еще можем ее изучать, познавать ее... Только надо торопиться: а вдруг Сириус в этом году погаснет?

Есть в Москве улица КАРЛА МАРКСА. Далеко не все проходящие вдоль нее, а люди помоложе — особенно, знают, что раньше она называлась СТАРАЯ БАС-

МАННАЯ. Рядом с ней есть вторая БАСМАННАЯ, НОВАЯ, она доныне живет при своем имени. А что имя значит?

Со времен, когда эти улицы стали «Басманными», прошли не тысячелетия — века. И все-таки то время ушло от нас в такую глубь, что мы уже не можем с прецизионной точностью однозначно ответить на вопрос.

Этимологист М. Фасмер указывает на существовавшую в Московской Руси профессию «басменщиков», мастеров по отделке икон металлическими «ризами». По его мнению, «улица, на которой жили такого рода иконных дел мастера, называется Басманная».

П. Сытин в своей книге «Из истории московских улиц» пишет не менее уверенно: «В XVII веке здесь находилась БАСМАННАЯ СЛОБОДА. В ней жили «басманники», выпекавшие казенный хлеб — «басман».

Получаются два довольно различных толкования. Впрочем, спор тут не такой уж принципиальный этимологически. Вполне возможно, что и «басма» — покров икон и «басман» — хлеб с царским клеймом связаны с тюркским «басма̀» — печать, изображение хана. И то и другое печаталось.

Но тем не менее, на чью бы сторону ни встать, разве не бросается в глаза чрезвычайная значительность самого существования топонима Басманная? Уже три века по меньшей мере, как исчез «дворцовый хлеб» — басман. Много лет ушло с той поры, когда, может быть, еще предреволюционные иконоторговцы, всякие «Оловянишникова сыновья», да иконописцы пользовались термином «басменное дело». Но в топонимах лучи угасших звезд еще доходят до нас, и трудно даже преувеличить важность этого обстоятельства для возможности вглядываться в далекое прошлое человечества. Для истории.

Самый спор о происхождении названия уже плодотворен. Он заставляет иной раз пересмотреть давно сложившиеся представления, а в других случаях может дать толчок к открытию истины, о которой другим способом нельзя было получить никакого понятия.

По странам Западной Европы разбросано множество мест, носящих имена, совершенно одно на другое не похожие. Перечислю здесь некоторые из них.

Вот Англия. ВИНЧЕСТЕР, МАНЧЕСТЕР, ЧИЧЕСТЕР, ДОРЧЕСТЕР, КОЛЬЧЕСТЕР, НЬЮКАСЛ, КАСТЕЛЬТАУН.

Франция. НЕВШАТЕЛЬ, ШАТОНЁВ, ШАТОРУ, ШАТЕЛЬРО, КАСТЕЛЬНОДАРИ, КАССЕ́ЛЬ, КАСТ.

Испания. КАСТЕЛЛОН ДЕЛЬ ПЛАНО, КАСТИЛЬЯ.

Италия. КАСТЕЛЛАМА́РЕ, КАСТЕЛЬВЕРА́НО, КАСТЕЛЬКА́РДО, КАСТЕЛЬФРАНКО.

Германия. КА́ССЕЛЬ.

Швеция. КА́СТЕЛЬХОЛЬМ.

СССР. КАСТЕ́ЛЬ.

Если я теперь задам вам вопрос, что общего между всеми этими совершенно по-разному звучащими именами, он, вероятно, останется чисто риторическим: вы не ответите на него.

Потому что для ответа надо быть или языковедом, или топонимистом. У имен — один источник. Так или иначе, прямо или косвенно они восходят к древнеримскому (латинскому) слову «каструм» — лагерь.

В первых пяти английских названиях старое «каструм» лежит ближе всего к поверхности.

Имя Винчестер сложного, составного и гибридного происхождения. На месте города когда-то стоял кельто-британский городок КАЭР-ГВЕНТ, что значило «Белгород», «Белый город». Римляне переделали название, неудобопроизносимое для них, в ВЕНТА БЕЛЬГАРУМ — «Бельгская Вента». С V века нашей эры имя было изменено на ВИТАН-ЧЕСТЕР, то есть «Витский Лагерь», «Витана-каструм», потому что теперешние обитатели помнили о римском лагере, находившемся поблизости, но слово «каструм» произносили уже на свой манер, не понимая его и, возможно, уже не связывая с каким-либо точным смыслом.

В названии Кольчестер по-разному объясняют начальное «коль». Одни возводят его к имени одного из кельтских богов, как его произносили римляне, другие видят в нем остаток латинского слова «колониа». А «честер»? «Честер», как всегда, передает на варварском языке латинское «каструм» и превращает название места в «мемориальную доску», в памятку давно прошедшего времени.

В имени Манчестер значение кельтского «ман» раскрыть пока что не удалось. «Честер» — римское «каструм».

Остальные имена, оканчивающиеся на «честер», построены так же: первым элементом каждого из них является то или иное кельтское слово, вторым — видоизмененное «каструм». Есть в Англии и просто ЧЕСТЕР, когда-то называвшийся КАСТРА ДЕВАНА — по имени реки, на которой лагерь был расположен; «кастра» — множественное число от «каструм».

Вы вправе спросить: «А почему слово «каструм» должно было преобразоваться именно так?»

Вспомним латинское слово «капелла» — часовня, и сравним его с названием одного из районов Лондона: УАЙТ ЧЕПЕЛ. «Уайт» — белый, «чепел» — капелла, часовня. Как видите, в изменениях есть точная закономерность.

«Каструм» по-римски — лагерь. А маленький лагерек они звали «кастеллум». И из второго римского слова того же корня выросло бесчисленное множество самых разнообразных топонимов во всех концах Европы. Французский Невшатель — это римское НОВУМ КАСТЕЛЛУМ — Новый лагерек. Шатору — КАСТЕЛЛЮМ РУБРУМ — Красный лагеришко. Английское Ньюкасл — точное повторение топонима Невшатель на английском языке. Кастелло дель Плано — по-испански — Лагерь на равнине. Кастилья — много маленьких лагерей, или, возможно, уже крепостей, острожков на далекой западной окраине римского мира.

Кастелламаре (Италия) — маленький лагерь, укрепление на море, итальянский язык ближе других к латыни. В названиях Кастельверано, Кастельфранко, Кастелькардо то же слово выступает в сопровождении других итальянских слов.

И немецкое Кассель было когда-то римским Кастеллюмом в стране Менапиев, КАСТЕЛЛЮМ МЕНАПИОРУМ. Вероятно, и шведское Кастель-хольм («хольм» по-шведски — остров) имеет то же происхождение. А название крымской горы Кастель, увенчанной развалинами генуэзской крепости, легко приводится к древней латинской основе.

Стоит приглядеться к пестроцвету однокоренных «мемориальных досок». Не требуется много слов, чтобы уяснить себе по ним силу Древнего Рима и значительность его влияния на варварские народы тогдашней Европы и многое, многое другое. И как было бы печально, если бы топонимические памятки, эти непроизвольные записи истории земли, на самой земле были бы в какое-то время случайно или злонамеренно уничтожены. Мы очень много потеряли бы.

Известно множество примеров, когда топонимическое исследование таких имен оказывало великую помощь истории.

Генрих Шлиман в поисках места, где должна была когда-то существовать Гомерова Троя (указания, которые ему удалось найти в литературе, были достаточно неопределенными), обратил внимание на урочище, носившее название ГИССАРЛЫК — по-турецки нечто вроде «место развалин», что-то близкое к русскому «городище». Место представляло собою пустынные холмы среди пустынной равнины. Внешний вид его мало что обещал.

Но имя места не обмануло: вероятно, оно было дано турками в те времена, когда на поверхности земли еще сохранились следы седой древности. Заступ Шлимана погрузился в сухую почву Гиссарлыка, и старая Троя открылась после более чем двухтысячелетнего сна.

Возле города Руана в низовьях Сены, рассказывает французский языковед и топонимист Альбер Доза, среди песчаных дюн много веков существовало урочище СЮССАК. Судя по всему, места эти искони веков должны были быть песковатыми пустырями. Историки полагали, что здесь никогда не было никаких поселений. Археологам и в голову не приходило искать каких-либо древностей среди сыпучих холмов песка.

Но имя Сюссак попалось на глаза опытным топонимистам. Оно заинтересовало их. Имена такого характера и строения типичны для галло-римской эпохи, так в то время назывались земельные владения, бывшие обычно населенными поместьями, а не пустошами. Почему бы не попробовать начать в Сюссаке раскопки?

Археологи отнеслись к предложениям крайне скептически. Однако попробовали копать сюссакский песок.

И почти тотчас же наткнулись на руины. Обнаружилась самая настоящая помещичья вилла... галло-римской эпохи, как и должно было быть, судя по имени.

Это ли не торжество топонимики? Ведь тут получилось нечто вроде знаменитых предсказаний Менделеева, сумевшего предугадать существование новых неведомых еще людям химических элементов.

Ясно, что топонимисты наших дней имеют в своем распоряжении точные законосообразности и на их основании могут судить не только о том, что видимо невооруженным глазом, но и о незримом или давно исчезнувшем. А ведь наука становится наукой именно тогда, когда получает возможность не только объяснять известные факты, но и предвидеть еще неизвестные.

Впрочем, и правильное истолкование реально существующего тоже чрезвычайно важно: только на основании пристального изучения его может быть создан метод предсказания.

Вот хорошо всем нам известный топоним КРЫМ. Было предложено немало версий его происхождения. Пытались — очень неправдоподобно — выводить название из разных славянских слов — «крома» (граница), «кремень». Думали объяснить его ссылкой на название бывшей столицы крымских ханов, городка СТАРЫЙ КРЫМ. Это значило, одно неизвестное подменить другим неизвестным: ведь тут понятен только первый его элемент.

Наиболее правдоподобным кажется сближение топонима Крым с тюркским «кырым» — ров, вал. Судя по историческим данным, тут разумеются укрепления на месте современного нам ПЕРЕКОПА, за которые всегда цепляется каждая армия. (Врангель в 1920 году, гитлеровцы в Отечественной войне.) Вполне возможно, что русско-украинское «перекоп» является лишь точным переводом тюркского «рва» — «кырым'а».

Впрочем, монголисты думают, что исходным словом могло быть и монгольское «хэрэм». Значение его почти то же: стена крепости, вал.

Так или иначе — перед нами снова характерная «мемориальная доска». Не будь в нашем распоряжении других данных, само название Крым должно было бы натолкнуть на подозрение: а не отделялся ли полу-

остров когда-либо от континента оборонительным сооружением, засекой, *перекопом?..*

Конечно, очень часто исследователь встречается здесь с особым и неизбежным затруднением. Существуя века и века, переходя от народа к народу, из языка в язык, топонимы меняются порою до полной неузнаваемости.

В Алжире имеется местность, именуемая БЕШИЛЬГА. Арабисты, опираясь на один только арабский язык, так же как и грецисты, исходя из греческого, бессильны сказать что-либо вразумительное по поводу ее названия. И только в союзе друг с другом, а также с историками, исследующими прошлое Северной Африки, они могут нащупать решение. Бешильга, измененное в арабском произношении «базилика», в эпоху раннего христианства — «храм», «церковное сооружение». В местности Бешильга и на самом деле много руин таких древних церквей, скитов...

Любопытно, пожалуй, сказать тут вот о чем. В Швейцарии есть город. Швейцарцы, говорящие по-немецки, называют его БАЗЕЛЬ, говорящие по-французски — БАЛЬ. Хорошо известно, что в раннем средневековье город назывался БАЗИЛЕА, из греческого «базилейа» — царская власть, царство. В германских языках слово, близкородственное слову «базилика», дало Базель, во французском Баль. Такие пертурбации закономерны. А вот в арабском из той же основы получилась Бешильга. Тоже закономерно.

Прослеживая в веках пути изменения названий, топонимист обязан руководствоваться чисто языковыми законами. Только там, где они соблюдены, можно допустить: такое-то имя могло родиться из такого. Там, где они нарушены, даже самое близкое сходство между словами-именами ничего не означает и ни о чем не говорит. Вот почему топонимика должна опираться на языкознание.

А помимо всего, и Бешильга и Базель — Баль — типичные топонимы — мемориальные записи.

Такие записи нередко хранят едва ли не единственную память о событиях, которые не представляют собой всечеловеческой сугубой важности. Но ведь часто бывает так, что сведение о пустяке внезапно может бро-

сить свет на проблемы чрезвычайной широты и значения. Может. Хотя иной раз проходят века, пока оно будет «востребовано» для каких-либо научных целей.

Справочники конца XIX — начала XX века отмечали в нынешней Литве, в тогдашнем Вилькомирском уезде Ковенской губернии, на речке ВИКТОРКЕ местечко ПОБОЙСК. Местные жители толковали имя так: в 1435 году здесь произошла-де битва, в которой Ягеллон Сигизмунд разбил брата Витовтова Свидригайла. Победители наименовали речку горделиво Викторкой (от латинского «виктория» — победа, они были католиками), побежденные назвали поселок горестным именем Побойск.

Я не знаю ни того, насколько правильно историческое сообщение о битве, ни того, как сегодня зовутся река и поселок. Но все же с 1435 года до 1900-го названия продержались, и я очень сомневаюсь, чтобы было на свете много людей, которым о схватке между Витовтами и Ягеллонами было известно больше, чем говорят эти имена.

Как во всякой другой группе сходных топонимов, и в этой сквозит удивительное единство приема, которым пользовались люди во всех концах мира, чтобы называть места вокруг себя.

Вот мы видели разноязычные «лагеря» и «крепости». Не удивительно: война и ее бедствия всегда затрагивали воображение человека.

Но с очень давних пор не меньше того владела умами людскими и возможность мирного общения между отдельными людьми, между племенами, между народами, она чаще всего выражалась в торговых связях.

Нет, по сути дела, ничего странного, что множество населенных мест на всем пространстве шара земного носят названия «рынок», «торг», «место торговых сделок». Только читая карту, вы, мои русские читатели, не всегда имеете возможность оценить их всесветное множество.

Вы хорошо понимаете, что старинный город ТОРЖОК на берегах реки Тверцы носит имя, означавшее «небольшой торг» (а может быть, и просто «торг», по-

скольку «-ок» может тут быть не уменьшительным, а топонимическим суффиксом). Вы при изрядной доле сообразительности, может быть, и сможете заподозрить, что имя финского города ТУРКУ тоже является видоизмененным славянско-скандинавским словом «торг». Но никогда вам не придет в голову, что то же самое значение имеет название ОТТАВА — индейское слово, значащее «место торговых сделок». Что, скажем, имя уже упомянутого мною французского города РУАН есть переделанное кельтское РОДОМАГОС, а «магос» по-кельтски означало тоже «торг», «рынок».

Да что говорить о названиях иноязычных: они непонятны потому, что они нерусские. Возьмите такое имя места, как ГОСТИНОПОЛЬЕ, так называется небольшое селение на реке Волхов, километрах в сорока выше ее устья. Сомневаюсь, чтобы вам самостоятельно пришло в голову связать его имя с «Садком, богатым гостем», т. е. — «купцом», и вообще с терминами «гость», «гостиный двор», в свою очередь, связанными в языке наших предков с понятием торговли, и признать в Гостинополье один из бесчисленных всесветных торгов, базаров древности.

Что такое сейчас Гостинополье? Ничем не примечательная деревушка на берегу суровой древней реки, у которой останавливается далеко не каждое суденышко, бегущее вниз, к Новой Ладоге, или вверх, к Новгороду. А место известно со времен Ганзейского союза городов, со времен Великого Водного Пути из варяг в греки. Тут было пристанище всех, кто со страхом и с надеждой великой прибыли вез шкуры, меха, смолу, мед из Скандинавии в Цареград и Киев, всех, кто возвращался оттуда с восточными курениями, золотым узорочьем, бесценными шелковыми тканями... Гостинополье — место, где встречались и вступали друг с другом в первые сделки гости варяжские с гостями индийскими, гости венецианские с гостями новгородскими и псковскими... Здесь звучала разноязычная речь, звенело золото всех стран, делались дела большие и темные...

И теперь от всего варварского великолепия нам осталась одна прибрежная «табличка»: имя «Гостинополье» — 12 букв, которые стоило бы, пожалуй, выложить на берегу чистым золотом...

Сами скажите, что можно будет подумать, если че-

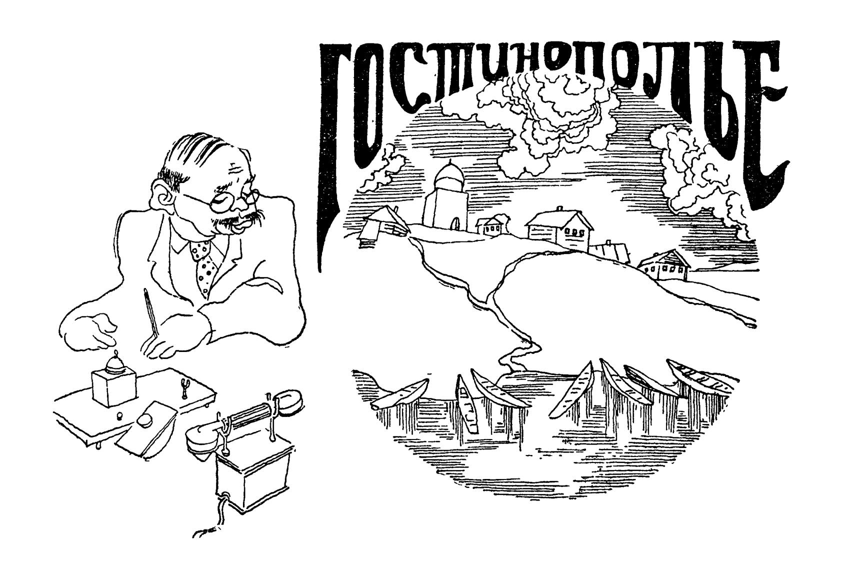
рез год или два какому-нибудь прекраснодушному, но ничего не смыслящему в истории Родины человеку придет на мысль заменить напитанное временем, беременное прошлым имя каким-нибудь практически удобным новообразованием. «Отрадное». Или «Перевалочная». Или «Рыбосовхоз»... Мало ли какие названия могут подойти к сегодняшнему Гостинополью?

В разных случаях имена-памятки имеют не одинаковый характер вот в каком отношении.

Нередко случается, то древнее сооружение, которому они обязаны своим существованием, вопреки всем превратностям истории сохранилось.

Скажем, населенный пункт АВА в Бирме, означающий, как говорят, «Рыбный пруд». Так здесь из семи прославленных историей страны рыбных озер-садков и посейчас пять сохранились.

Вот на острове Рюген в Балтийском море и в Эльзасе имеются два селения, носящие сходные имена: АЛЬТЕНКИРХЕН и АЛЬТКИРХ. Оба значат одно: «Старая церковь». Я не знаю, как там обстоит дело сейчас, но еще на рубеже веков в справочниках можно было прочитать по поводу обоих: «древняя церковь сохранилась».

Конечно, умилительно наблюдать такое чудесное стечение обстоятельств. Но, пожалуй, еще драгоценнее те случаи, когда имя — мы это уже видели — переживает вещь. Когда таинственная сила языка, слова, как янтарь насекомое, облекает то, что казалось некогда таким вечным и нетленным по сравнению с человеческой речью, и сохраняет гранит, кирпич, гордые колонны и непреодолимые стены внутри себя, столетиями после того, как в реальном мире от них уже не осталось и порошинки... И не удивительно, что иногда, рассматривая поразительный отпечаток жизни в слове, мы не можем все же точно установить: что, собственно, он изображает?

Вот в очень древнем по топонимике Лужском районе Ленинградской области на берегу большого озера Врево стоит деревенька ЗАТУЛЕНЬЕ. Имя ее не вызывает нашего недоуменья, как сказано в словаре Даля: «Затулять, затулить что — заслонять, заставлять, закрывать... Затуленье — действие по глаголу...»

Но вот почему открытая всем ветрам деревенька получила такое имя, кто и от кого, чем, как и когда в ней «затулился» — как мы узнаем теперь?

Есть город БЕРДИЧЕВ. Топонимисты спорят: то ли

от славянского «бердá» — гора, крутизна, а иногда наоборот — пропасть, обрыв, то ли от племенного тюркского имени «берендичи» (находились в старых грамотах написания его имени БЕРЕНДИЧЕВ), а может быть, от личного имени Бердич?

Трудно склониться к одному из мнений, и имя-памятка дразнит нас своей неполной ясностью... Но сколько в мире могильных плит, сколько загадочных папирусов, таинственных дощечек «ронга-ронга» тоже ожидают еще своего объяснения и прочтения...

Мне лично хотелось бы, чтобы Бердичев был из «берендичи». Тогда бы он связался со сказочными «берендеями», правда, очень мало похожими на своих далеких южных и азиатских тезок.

Помните в «Слове о полку Игореве» мрачноватые и полные таинственного очарования строки о том, как «див» с вершины древа кликал о походе Игоря, звал прислушаться к его голосу и Волгу, и Поморье, и Посулье, и Сурож, и Корсунь, «и тебе Тмутороканьский болван!».

Не знаю, как у вас, у меня всегда кровь холодеет в жилах, когда я читаю это, и выступает сквозь марево южной горячей мглы над древней Тмутараканью варварски-грубое и величественное чудо, какой-то неведомый нам колосс, какой-то истукан, «болван», изваянный из камня или дерева и глядящий в будущее и прошлое незрячими, но пылающими глазами.

О затянутом туманом времени идоле у нас осталось только одно напоминание в гениальном «Слове». Но ведь были и другие «болваны», стоявшие и много позднее, в разных местах мира наших пращуров. Память о некоторых донесли до нас только топонимы.

Я слышал, как однажды три молодых геолога, изучая по карте свой будущий маршрут, вдруг отчаянно захохотали: они наткнулись на название БОЛВАНСКИЙ НОС. «Вы говорите, что наш Рыжий здесь еще не побывал! — радовался один. — А как же тогда его нос туда попал?» («Рыжий» — был их не слишком любимый начальник.) «Нет, но надо же придумать такое имечко, экая бессмыслица!» — возмущался другой.

А не было ни «Рыжего», ни «бессмыслицы», была только их слабая осведомленность в прошлом своих предков.

Мыс Болванский Нос находится на острове Вайгач. «Нос» у поморов и значит «мыс», такое обозначение свойственно многим языкам. По-турецки, например, «бурун» тоже значит и «мыс» и «нос». А Болванским северный мыс стал вероятнее всего потому, что некогда на нем высилась грубо вытесанная из плавника или из камня статуя, идол. Мыс был у ненцев обителью бога Весану, и на нем праотцы наши нашли, по-видимому, много изображений разных языческих богов, по-старорусскому — «болванов». О чем, кстати, сохранились отрывочные сведения в древних документах и преданиях.

Есть еще на Урале одно место с названием того же корня: гора, именуемая на местном языке БОЛВАНО-ИЗ — «Болванский камень». Геологи склонны объяснять его присутствием на подобных вершинах так называемых «столбов выветриванья», каменных образований, сохраняющих внешний вид башен, колонн, грубо намеченных фигур, которые наши далекие предки просто «принимали» за каменных идолов.

Это не меняет, конечно, языковой сущности названия, но вряд ли можно считать, что объяснение всегда и во всех случаях точно. Могло быть и так, но где-то русские зверобои и землепроходцы наталкивались и на самые настоящие капища идолопоклонников. Стояли же деревянные и металлические изображения древнерусских богов Перуна, Мокоши и других на холмах над Днепром до так называемого «крещения Руси».

Можно найти и другие косвенные подтверждения такой точки зрения.

В Буковых горах в Венгрии есть вершина — не очень высокая, всего около километра над уровнем моря — по имени БАЛЬВАНЬКЁ. Слово «бальвань» по-мадьярски означает «кумир», «идол». Слово «кё» — камень. Имя места является как бы точной калькой далекого уральского Болвано-Из.

В других частях мира, у других племен названия такого типа — вещь вполне обычная. В Ковенской области Литвы на правом берегу Немана имеется курган, называемый ПОГАН-КАПАС (Языческая могила).

Может быть, когда-то и его увенчивали какие-нибудь ритуальные изображения?

Есть грустная и вместе с тем властная сила в этих следах прошлого. Мы часто, может быть слишком часто, говорим о «романтике» и постоянно проходим мимо воистину романтических предметов, совершенно не замечая их.

Возможно, надо иметь прирожденную чуткость к таинственной прелести географических названий: с раннего детства у меня мурашки шли по телу, как только до слуха моего или до глаза доходили странные, причудливые, самой непонятностью своей привлекающие созвучия — КРАКОТАО, СКАГЕРРАК, КЮРАСАО, ЯМАЙКА... Иногда притягивало полупонятное, полускрытое их значение. БАТОН-РУЖ? (По-французски значит «красная палка»)... Почему такое имя дано небольшому городку в Соединенных Штатах, на берегу полноводной Миссисипи, реки Гека Финна, реки Сэмюэля Клеменса — Марка Твена?

Есть версия, согласно которой во времена первого проникновения белых (а ими были французы) в бассейн великого североамериканского потока, здесь был установлен красный столб, подражание тотемным столбам краснокожих. Он указывал линию размежевания между хозяевами Американского материка и их невесть откуда явившимися гонителями. Его-то французы и назвали Батон-Руж, красный столб, а через него и самое место получило это имя. Немецкий топонимист XIX века И. Эгли, рассказывая о нем, замечает: «Имя это — клочок истории...»

Трудно сейчас поручиться, что рассказ Эгли — точная истина. По другим сведениям, в названии сохраняется память о некоем индейском вожде тех мест по прозвищу «Красный посох» или «Красная палица». Мне первая версия представляется более естественной, она и более романтична, если угодно. Течет могучая река. Над ее водами, в 200 километрах от безбрежной дельты, среди буйной растительности или на открытом лугу высится огромный выкрашенный суриком столб. На него с разными чувствами взирают и хмурые гонимые индейцы и бородатые пришельцы с жадными душами... И вот проходят века, и нет уже установленного «на веки вечные» столба, нет ни краснокожих с ястре-

биными лицами, ни их свирепых гонителей. Сам французский язык перестал звучать на Миссисипи. А имя места живет. Будет жить и тогда, когда все переменится вокруг еще сто раз, если, конечно, его не разрушать сознательно или по невежеству.

У КРЕСТИЛЬНОЙ КУПЕЛИ

Граф Сергей Юльевич Витте, премьер-министр царя Николая Второго, в своих «Записках» рассказывает, между прочим, о следующем.

После взятия нами Квантунского полуострова на Тихом океане мы обязались открыть рядом с новой военной гаванью Порт-Артуром коммерческий порт в бухте ДАЛЯНЬВАНЬ. Возник вопрос о том, как новый приморский город наименовать? По этому поводу был запрошен тогдашний президент Академии наук, великий князь Константин. Президент письменно выдвинул несколько проектов названия. «Так, было указано на возможность назвать новый порт именем императора Николая, например Светониколаевск; можно было бы назвать порт от слова «слава» — Порт-Славься, можно было бы назвать порт от слова «свет», например Светозар, можно было бы назвать Алексеевск, в честь генерал-адмирала великого князя Алексея Александровича, так как порт был в конце концов взят нашей маленькой эскадрой, а начальником морского ведомства был великий князь Алексей...»

Царь при докладе спросил Витте: а каково же его личное мнение?

«Тогда я его величеству сказал, что я бы не назвал его таким громким именем, потому что бог знает, какая будет участь этого порта... Лучше назвать каким-нибудь скромным именем.

— Каким же, например? — спросил Николай.

Мне сразу пришло в голову, и я сказал:

— Да вот, например, ваше величество, бухта называется Далянь-Вань; вероятно, наши солдаты окрестят ее и скажут ДАЛЬНИЙ, и это будет соответствовать действительному положению дел, потому что порт ужасно как далек от России.

Государю это понравилось, он сказал:

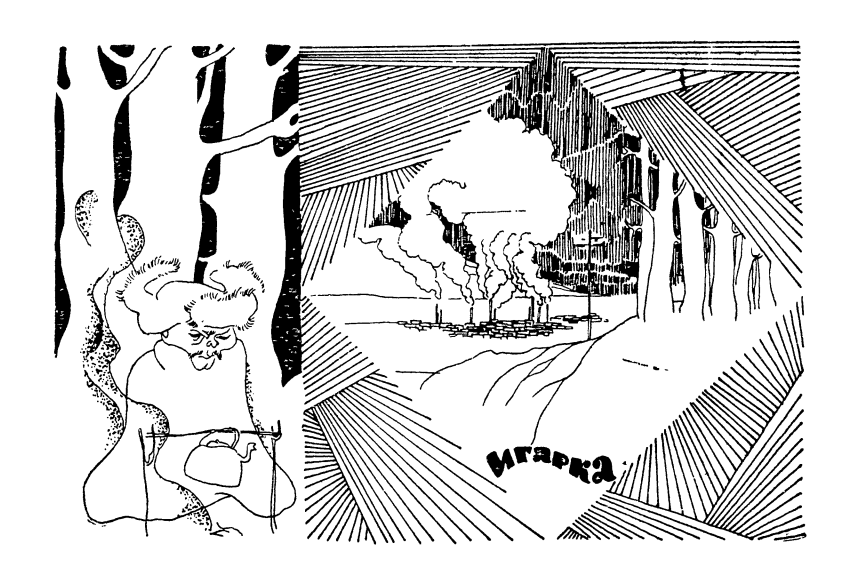
— Да, я тоже нахожу, что было бы лучше назвать Дальний.

Я принес... приготовленный указ... Государь, подписав указ, сам прописал на свободном месте, которое было оставлено для названия порта: порт Дальний...»

Так в присутствии весьма высокопоставленных «кумовьев» состоялось крещение порта. Имени хватило ненадолго: умный политик Витте не напрасно предвидел новому городу нелегкую судьбу. После многих событий в наши дни город (по-китайски) именуется ЛЮЙДА.

Я здесь привел характерную историю, чтобы показать один из тех способов, какими рождаются на свет имена мест.

Стоит отметить, что, не будучи топонимистом, Витте, человек широко образованный, выдвинул едва ли не наилучшее из возможных предложение. Во всяком случае, оно резко отличалось в лучшую сторону от того, что рекомендовал к принятию «августейший президент Академии». Сладкопретенциозное сращение Светониколаевск — чистейший плод подхалимской фантазии придворных блюдолизов. Нелепое Порт-Славься нацело противоречит всей системе русской топономики.

Витте проявил и еще одну топономическую «тонкость»: изобретая имя, он, человек, бесконечно далеко стоявший от народа, счел все же необходимым отправляться от народных привычек и навыков. Он довольно наблюдательно заметил, что, осваивая чужие местности и их имена, народ охотно строит новые наименования на этимологизации чужеязычных топонимов. Если река с гиляцким именем ОКАТ была превращена в русскую ОХОТУ и от нее пошло и море ОХОТСКОЕ, то логично было допустить, что бухту Далянь проще всего перекрестить в Дальнюю, а город, на ней заложенный, в Дальний.

Если бы не исторические перевороты, близость которых ощущал, но размаха которых не мог предугадать действительный тайный советник, член государственного совета граф Витте, данное им имя могло бы существовать долгие десятилетия и века.

Само собой, возникновение топонима в таких сложных условиях и с такими торжественными церемониями — явление далеко не повседневное и в целом для имен, заполняющих карту, не типическое.

Гораздо чаще, даже и в наши дни, название места возникает несравненно проще и менее торжественно,

с менее пышным церемониалом, но, несмотря на это, живет куда дольше.

Вон охотничья стоянка тунгуса Егорки намного пережила того, кто стал ее невольным эпонимом. Город ИГАРКА, унаследовавший его имя, существует и будет существовать невесть сколько времени.

В местах малонаселенных, необжитых вся «местоназывательская» власть сосредоточивается в руках первооткрывателей. Очень интересно рассказывает об этом тонкий знаток природы, человек с живой краеведческой и географической жилкой, писатель Иван Сергеевич Соколов-Микитов.

«Казалось бы, так просто дать названия вновь открываемым рекам, горам, ручьям и озерам. А на деле это совсем не легко. И мы долго ломаем головы... и почти ничего не можем придумать. На карте появляются обычные, иногда удачные, иногда бесцветные названия и имена.

Встретил путешественник на вновь открытой реке зайца, стала река ЗАЯЧЬЕЙ.

Увидел стаю волков — ВОЛЧЬЕЙ...»

Так ощущает трудность задачи писатель, большой мастер слова. А рядовой геодезист, топограф, геолог или охотник не видит тут обычно никакой трудности. Он делает то же самое с легким сердцем, не мудрствуя лукаво и не огорчаясь серостью результатов. Тем более что сталкивается он с местными жителями, либо отлично знающими свои, дедовские, имена всех угодий, либо же настолько осведомленными в каждой пяди пути, что самая надобность поименования любой кочки кажется им нелепой причудою.

Полезно припомнить много раз цитированный по разным поводам рассказ академика Ферсмана.

«...Экспедицию вел проводник, старик саами Архипов...

— Как зовут этот скалистый наволок, что вдается в губу? — спросили мы Архипова.

— Да как зовут? Просто зовут: наволок.
— А вот следующий?
— Это еще наволок.
— А там дальше, вон со скалой у входа в губу?
— Еще, еще наволок... Ну, чего спрашиваешь? Нету

имени у этих губ да наволоков, — говорил старый седой саами.

А наш географ что-то аккуратно записывал в книжечку.

Прошло два года. Из печати вышла большая прекрасная карта озера Имандра, со всеми островами, губами и речушками. На месте западных изрезанных берегов красовались тонко выгравированные названия: ПРОСТО-НАВОЛОК, от него ЕЩЕ-НАВОЛОК, а дальше ЕЩЕ-ЕЩЕ-НАВОЛОК».

Сценка, так живо изображенная, рисует равнодушного к топонимам местного жителя. Но бывают и другие. Тот же Ферсман описывает, как в нелегком деле называния безымянных мест с интересом и жаром принимало участие местное население:

«Вот эту речушку, — говорит молодой саами Николай, — надо назвать СЕНТИСУАЙ — по-русски ТАЛОВКА, — она ведь никогда не замерзает, бежит даже зимой...»

Самый старый из всех методов называния: имя должно без всякой хитрости описывать существенные признаки места:

«Вот здесь раньше паслись стада диких оленей... Значит, гору надо назвать ГОРА ОЛЕНЬЕЙ ДОЛИНЫ, по-саамски — ПОАЧВУМЧОРР: олень, долина, гора...»

Названия такого рода и на самом деле встречаются во многих частях мира, но преимущественно там, где на протяжении долгих и долгих веков население или вовсе не менялось, или менялось очень медленно. Такого типа имена изобилуют, например, в Исландии. БОРГ называется там один очень древний хутор, что значит «холм с обрывистыми склонами и плоской вершиной». Есть там водопад ГОДАФОС, что переводят просто как «водопад богов». Есть озеро МЮВАТН, название значит «комариное озеро». РЕЙКИАВИК — «Дымящаяся бухта».

Примерно таковы же топонимы Монголии: ГОБИ — «Пустыня», ДАГШИ-ГУИН-ХУДУК — «Труднодоступный колодец», ДЗАК-ХУДУК — «Саксаульный колодец», ДУНД-ХУРЕН-ЦАВ-УЛ — «Средняя гора коричневого ущелья», ОЛГОЙ-УЛАН-ЦАБ — «Ущелье толстого красного червяка».

И в Исландии и в Монголии на протяжении длинных исторических периодов население не сменялось. Очень мало менялся до самого последнего времени и бытовой порядок — обычаи, образ жизни, психология. Именно поэтому топонимы здесь оказываются, во-первых, чисто одноязычными и, во-вторых, имеющими древний, архаический характер. Как они созданы века назад, такими дожили и до нашего времени. Седой стариной веет от них...

Вероятно, в глухих районах еще не освоенной европейцами Африки, во внутренней части Аравии, в глубинах Южной Америки существуют такие же слои имен, раз навсегда данных далекими предками, не перемененных ни разу и не видоизменившихся.

Там же, где (как в Европе, в Передней Азии, в Северной Африке) на протяжении тысячелетий волны народов перекатывались через утесы других народов, где сменялись языки, племена, цивилизации, — там такую первозданную простоту приходится с трудом разыскивать под толщами наслоений. Во всех случаях топонимика оказывается волшебным зеркалом, в котором отражаются и постоянство и перемены.

Вот почему тот, кто соприкоснулся с этой наукой, начинает панически бояться всякого произвола в обращении с именами мест: мы же далеко не у всех из них сумели и успели снять показания!

Как возникли простейшие наименования, мы уже видели, да можем увидеть и еще. Способ называния если и варьирует от народа к народу и от эпохи к эпохе, то лишь в частностях. В принципе он остается неизменным: описание по приметам.

Путешественник Грум-Гржимайло рассказывает: «Мы достигли ключика, не имевшего никакого имени, а потому и названного Рахметом (проводником) УРУС-КИИК-УРДУ-БУЛАК, то есть «Ключ, на котором русские били джейранов».

Чем не название для затерянного в пустыне источника и чем оно хуже десятков тысяч других, утвержденных народами и долгое время благополучно существующих в мире названий? Разве оно хуже, чем ОЗЕРО ТАНЦУЮЩИХ ЛОСОСЕЙ (есть такой топоним на дальнем нашем северо-востоке), или чем ДЖЕБЕЛЬ-КАРАНТАЛЬ — «Гора, на которой Иисус Христос про-

водил свой сорокадневный пост» (такое имя имеется в Передней Азии)? Или китайского ДЗАМАЦЗИГОУ, которое гольд Дерсу Узала у Арсеньева переводит как «Речка, где отпечатаны лошадиные копыта на грязи».

Ничем не хуже. Разница только в том, что одно утверждено и существует, известно множеству людей, а другое наименование могло так и умереть через неделю после рождения...

Но могло и не умереть.

Проблема длительности сроков жизни топонима — совершенно неисследованная проблема.

В городе Братске была остановка автобуса возле красивой и могучей сосны, которая росла там в момент начала строительства Братской ГЭС. Остановка стала именоваться СОСНА. Во всяком случае, так ее звали пассажиры, народ.

Строительство закончилось. Сосну срубили. Но люди, особенно зимой, когда окна автобуса замерзают, еще много лет продолжали спрашивать, беспокоясь: «Сосну проехали?»

Вероятнее всего, сейчас той остановке дано уже какое-нибудь другое, официальное название. Но, может быть, так, а может быть, и нет. А во-вторых, если здесь дело закончилось скорой смертью топонима, то можно назвать множество случаев очень долгой жизни топонима уже после исчезновения реалии, послужившей поводом к его образованию.

От случая с братской Сосной в принципе ничем не отличается случай с московской улицей КУЗНЕЦКИЙ МОСТ.

История не новая и уже набившая оскомину, но напомнить ее тут не помешает.

Мост через речку Неглинную, перестроенный из деревянного на каменный в середине XVIII века «архитектуры гезелем» Семеном Яковлевым, простоял здесь до 1819 года и был снесен, а река засыпана и заключена в трубу. Он существовал (в каменном виде) неполных 60 лет. А имя, перешедшее от моста на улицу, живет вот уже больше полутора веков, даже если считать только «безмостный» период его существования, и поживет еще. Мы с вами ходим по Кузнецкому мосту, и после первого момента недоумения, который переживает каждый малоосведомленный немосквич, настоль-

ко привыкаем к нему, что его имя не кажется нам топонимическим парадоксом.

А таких парадоксов — пруд пруди. Потому что любое слово или сочетание слов, раз став именем, разрывает связь со своим былым вещественным значением и превращается в «чистое название».

Попробуйте каким угодно законом упразднить слово «река» и заменить его хотя бы близким словом «поток». Очень сомнительно, чтобы язык подчинился такому насилию. Потребуется не одна сотня лет, чтобы подобная замена могла произойти, да и то, если обстоятельства приведут к тому.

А имена мест — к сожалению или к нашему удобству — меняются сплошь и рядом, и по основательным причинам, и по чистому недомыслию, и в значительном большинстве случаев народы довольно легко мирятся с этим, если, конечно, не совершается грех против «системы топонимики» данной страны.

Такое случается даже с большими городами, даже со столицами стран, а когда речь идет о микротопонимике, о малых объектах, такие метаморфозы зачастую остаются даже никем не замеченными.

К. Лагунов в очерке «Нефть и люди» (журнал «Новый мир»), описывая перемены, которые разведанная нефть принесла на Обский север, удивляется странности местных имен населенных пунктов.

«Здесь... странные, непривычные слуху названия деревень ТРАМАГАН, АГАН, ВАРЬ-ЕГАН... А есть и с тройным наименованием: ПИЛЮГИНО-АЛЛОЧКА-ПОИЩИ УЗДЕЧКУ...»

К сожалению, автор ничего не поясняет, и я не знаю, какой именно пункт местности так назван: что-нибудь вроде Юрина Точка, какое-нибудь временное изыскательское становище или большое приобское поселение. Думается, однако, мы не ошибемся, если сочтем, что скорее не село, не старая деревня, а микроновостройка, какая-нибудь заимка, какой-либо геологический опорный пункт... Но как и почему у одного места могло образоваться три имени?

Мне думается, это как раз и свидетельствует о том, что речь идет о незначительном обитаемом пункте со сменным населением. Вряд ли возможны три разных имени у одного уже сложившегося поселка. Два —

куда ни шло: «НЕЕЛОВО, НЕУРОЖАЙКА — тож». Это бывает. А — три...

А вот когда имя меняется естественно. Сельцо КУЧИНО стало называться МОСКВА, потому что оно превратилось в город. Город ТВЕРЬ стал городом КАЛИНИНОМ, когда Россия стала РСФСР.

Похоже, что обский населенный пункт первоначально звался именно Пилюгино. Есть в Заволжье поселок нефтяников с таким названием. Существует довольно обычная русская фамилия Пилюгины; во «Всем Петрограде» за 1915 год отмечен Николай Васильевич Пилюгин, сапожник. В современной ленинградской телефонной книжке числятся Пилюгин Ф. О. и Пилюгина Т. И. Фамилия, думать надо, идет от диалектного «пилю́га» — «приставала, надоедный, наянливый человек». У Даля отмечено наречие «пи́льно», а может быть, прозвище пошло и от глагола «пилить».

Легкомысленное Поищи Уздечку более походит на насмешливую времянку, возникшую в языке каких-то пришлых весельчаков. Всерьез такие топонимы обычно не создаются, и данный намекает, по-видимому, на некий трагикомический случай, памятный небольшой группе людей... Что-то вроде скалы ПРОНЕСИ ГОСПОДИ, полуимя, полупредупреждение...

Ну, а уж Аллочка, по самой нетипичности имени, кричит: я — новое. Меня принесли сюда молодые советские специалисты, люди не слишком церемонные, иронические, жизнерадостные...

Я, разумеется, не выдаю вам никаких гарантий, ибо у меня нет данных для научно-точного анализа. Только очень сомневаюсь, чтобы все три имени когда-либо существовали одновременно, могли возникнуть одновременно и все три могли в равной степени закрепиться за местом.

Попутно я «поднимаю проблему»: следует приглядеться повнимательнее не только к «долгоиграющим» топонимам, но и ко «времянкам» ограниченного срока действия.

...То, что никому не запрещено назвать по своему усмотрению любое место земного шара, приводит к существенным трудностям для ученого, стремящегося

этимологизировать уже существующее и особенно древнее название.

Довольно ясно, что благодаря изначально царствующему в этой области свободному произволу чрезвычайно большой оказывается роль чистой случайности в возникновении топонимов.

В глубине Кызылкума есть урочище, именуемое АДАМ-КРЫЛГАН, что значит: «погибшие люди». Кто погиб, когда погиб, почему погиб — навряд ли можно установить с точностью. Неизвестно, идет ли речь о заблудившихся и погубленных жаждой путниках, о какой-либо болезни, о нападении врагов.

Адам-Крылган... Совершенно ясно, что с постоянными признаками данного места содержание топонима не связано. Гибель людей была скорее всего единственным казусом в жизни места. Возможно, кто-то нашел там под кустами саксаула или в песке бархана чьи-то кости, и, так как смерть всегда производит на человека сильное впечатление, имя, так сказать, «вспыхнуло» совершенно непреодолимо.

Топоним другой, сходный, в Каракалпакской республике. Развалины древней крепости носят название КОЙ-КРЫЛГАН-КАЛА (Крепость погибших баранов).

Крепость сооружена в IV—III веках до нашей эры и, разумеется, не была при своем живом существовании названа так. Много позже, когда ее руины уже обняла пустыня, произошел возле них потрясший воображение скотоводов случай: во время бурана или от бескормицы погибла какая-то отара баранов.

Случай закрепился на века.

У каждого народа и у группы народов или племен, живущих в примерно схожих условиях, свои заботы, свои характерные беды, радости и интересы, неизменно отражающиеся в типических названиях мест.

Ряд речек в Якутии носит название АРАНГАС, что обозначает «лабаз на дереве». Правда, этим же словом называют и другое лесное сооружение — укрепленную в древесной кроне древнюю гробницу. Так что тут о точном значении топонима или гидронима приходится каждый раз гадать. Но, во всяком случае, в Магаданской области мы встречаем еще одно место, селение, которое тоже зовется Лабаз на дереве, на этот раз

уже по-эвенски — НЕКСИКАН. Само собой, что существование такого «лабаза» относится к случайным, недолговременным признакам места. Когда-то лабаз был, теперь его, может, и нет. Но роль лабазов в жизни местного населения столь значительна, что имя может говорить о присутствии такого лабаза десятки и сотни лет спустя после его исчезновения.

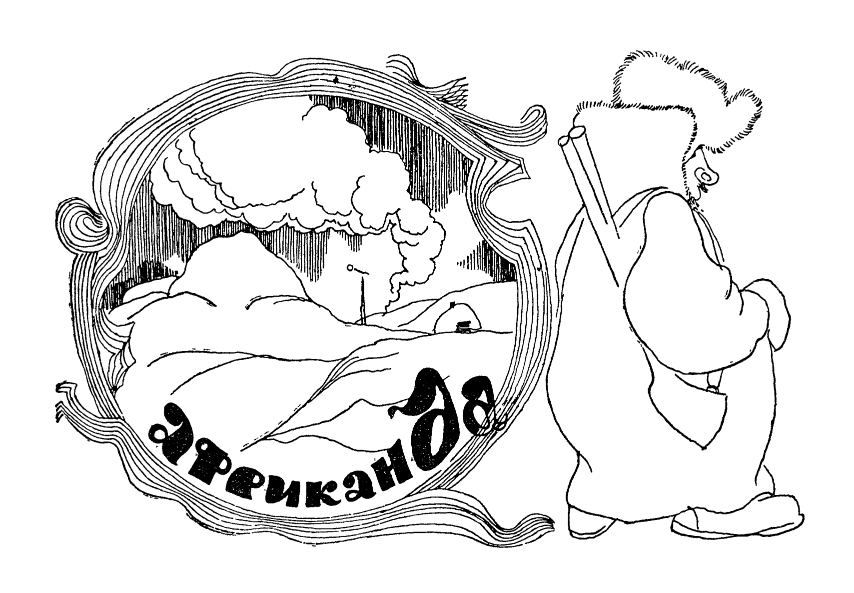
Моряки прошлых времен питали особый интерес и почтение к сигнальным колоколам, извещавшим о грозящей в тумане опасности, о береговых и подводных рифах и скалах.

В устье английской реки Тэй есть опасный утес БЕЛЛ-РОК. Белл-Рок означает «колокольный утес», на его вершине некогда был установлен именно такой сигнальный колокол. Берега Англии славятся своими туманами, маячные огни уступали тут всегда место акустической сигнализации. Колокола на Белл-Рок уже давно нет, но имя грозной скалы не изменилось даже в век радиолокации.

А на Шпицбергене имеется бухта КЛОКБОЙ — Колокольная бухта, уже по-голландски. Кто-то из голландских плавателей, посетивших древний русский Грумант, нашел возле избы, принадлежавшей некогда русскому промышленнику XVIII—XIX веков Старостину, старинный колокол. Возможно, найди он какой-либо другой предмет, ему бы и в голову не пришло делать его именем места. Но ведь то был колокол! И на картах появилась бухта Клокбой...

Впрочем, нам, с известного удаления, нелегко бывает судить о том, что именно в глазах обитателя места или его первонасельника-открывателя может показаться существенным, достойным увековечения в имени места. Случается порою, что выбор эпонима представляется нам в высшей степени странным и даже неправдоподобным... Как такое могло прийти в голову? А могло!

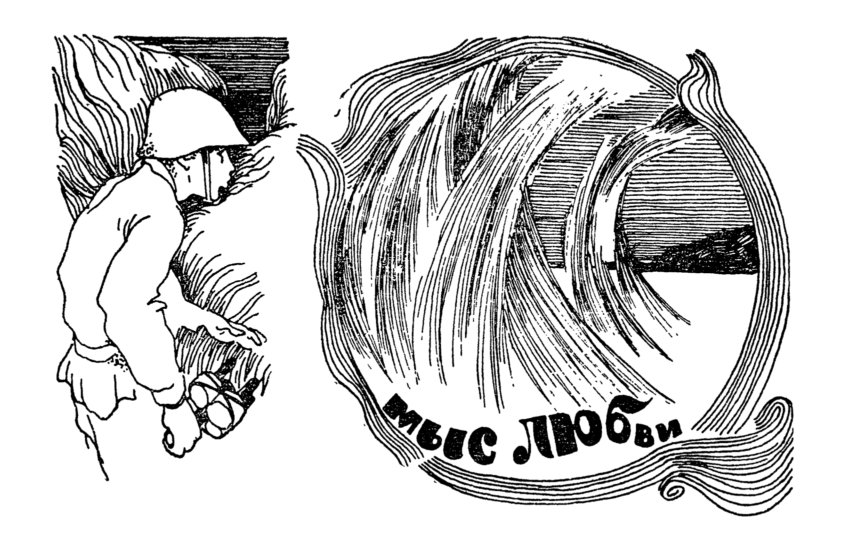
В группе Ляховских островов имеется остров КОТЕЛЬНЫЙ, самый крупный из всех. По преданию, восходящему к концу XVIII столетия, он обязан своим именем довольно незначительному обстоятельству. Кто-то из спутников промышленника Ляхова, открывшего остров, при отбытии с него забыл там медный котел...

На первый взгляд — какое ребячество! Назвать громадный остров... по котлу! Но вы представьте себе условия тогдашних плаваний в северных широтах. Представьте себе суровых и хозяйственных мужиков — русских отважных промышленников. Сообразите, какое значение в свирепом быту такой арктической экспедиции мог иметь самый обычный котел, и вам станет ясно, что за чисто случайным, конечно, названием могла стоять немаловажная полярная драма.

За много тысяч миль от острова Котельного, в Тихом океане, имеется другой островок — ТИН-КЭН-АЙЛЕНД. «Тин-кэн» по-английски — жестянка, железная банка. Что за фантазия, назвать тихоокеанский островок «в честь жестянки»? Но нетрудно выяснить, что и тому были существенные причины. К незначительному островку с ничтожным населением доступ судов затруднен. Причалов нет. Но держать-то почтовую связь с обитаемым миром они имеют право?

Проходящие почтовые суда не останавливаются возле островка НИУА-ФУ (так Тин-Кэн-Айленд именуется по-полинезийски). Они сбрасывают почту на ходу, запечатав и запаяв в консервные банки, в жестяные коробки.

И право, нет ничего удивительного, если остров получил такое случайное и неслучайное имя. Для его жителей и для капитанов кораблей в нем заключено существенное его определение. Очень много связано для них с простой жестянкой.

А вот что имя сохранится, когда никаких банок уже никто не будет сбрасывать, — это уже особенность топонимики. Ее-то я и раскрываю сейчас перед вами.

Нередки такие топонимы, размышляя над которыми, как ни ломай голову, не находишь им никакого серьезного оправдания. Но отчасти надо учитывать, что, во-первых, нам бывает очень нелегко, так сказать, «войти в образ», употребляя театральный термин, того человека, который давал название, а во-вторых, следует всегда помнить вот о чем.

Судить о происхождении таких имен мест, исходя из логических соображений, явно невозможно по условиям задачи. Приходится искать их решения в сообщениях свидетелей их возникновения, в рассказах и преданиях о нем. Рассказы же могут, разумеется, сильно прегрешать против истины.

Рассказчикам трудно избежать стремления так или

иначе осмыслить имя, кажущееся им неожиданным или непонятным.

Даже недавно созданные случайные топонимы нередко не поддаются логическому анализу.

На Кольском полуострове, на 67-м градусе северной широты, есть станция АФРИКАНДА. Сколько бы ни судить и ни рядить о возможном происхождении ее имени, решительно ничего никакими догадками выяснить нельзя. И не опиши академик Ферсман в своих интересных очерках тот случай, который вызвал к жизни название, все топонимисты мира были бы бессильны сделать здесь хоть что-нибудь.

Вот нам не известен ни́кто из свидетелей «крестин» небольшого мыса на южно́м берегу Финского залива, который на всех картах и во всех лоциях обозначен, как мыс СЕРАЯ ЛОШАДЬ.

Вернее всего, что тайна его имени никогда не будет раскрыта до конца.

Мы должны либо верить старожилам чилийского города Лимы, когда они утверждают, что удивительное имя одного из их городских кварталов, УЭЙВО — яйцо, родилось потому, что еще во времена Пизарро в этом месте будто бы какая-то курица снесла необыкновенных размеров яйцо, либо не верить им. Можно придавать значение арабской легенде, согласно которой название столицы Йемена ХОДЕЙДА, означающее «кусок железа», дано ей потому, что некогда женщины местного племени нашли здесь, на берегу моря, какой-то железный обломок, и можно ей не верить.

Можно сомневаться в том, что имя озерка БУТАЛ в Магаданской области напоминает (по-эвенски «бутан» — больной) о смерти какого-то удалившегося сюда, дабы никого не смущать, эвена-охотника. Или что ороним ВОВОКВАБИТИ в Центральной Африке (имя недавно возникшего вулкана) означает «вода пигмея Бити», который был будто бы найден на озерном берегу у подножия горы мертвым...

Но сложность заключается в том, что и отбрасывать все эти неверные и неточные данные у нас нет права. Ибо никогда нельзя заранее сказать: нелепость! Этого не могло быть!

Во Франции близ города Бьевр, недалеко от Парижа,

есть лесное урочище ЛУ ПАНДЮ (Повешенный волк). Теперь место отнюдь не дикое и не дремучее: не так давно из-за этого самого «Повешенного волка» разыгрался какой-то землеустроительный спор между местными властями и всемирно известным автомобильным королем Ситроэном. Теперь, вероятно, даже дюжина повешенных волков не произвела бы там ни на кого никакого впечатления.

Но урочище существует века и века. Возможно, оно было названо так еще в те дни, когда получило свое имя и другое урочище, под самым Парижем — ЛУВР, что означает буквально «логово волчицы».

Вспомните путешествия Робинзона Крузо по тогдашней Европе, непрестанные его битвы с сотнями и тысячами волков. Вы поверите, что место, где кто-то повесил волка, или еще того удивительнее, волк сам удавился случайно в какой-то настороженной петле, могло в те дни получить такое имя.

Учесть роль случайности при наименовании трудно, но и забывать о ней никак нельзя. Ведь благодаря чистой случайности был создан гидроним, покрывающий собою третью часть поверхности земного шара — 177 миллионов квадратных километров — ТИХИЙ ОКЕАН. Если бы Магеллан прибыл в его воды не в период длительного штиля, если бы плавание его прошло не в такой степени благополучно, океан, вполне возможно, был бы назван Ужасным, или Бурливым, или Беспощадным.

Благодаря сложному сцеплению случайностей на карте земли есть островок с португальским именем, означающим «выздоровление» — КЮРАСАО.

На борту Колумбовых кораблей захворали матросы. Вероятно, цинга, бич тогдашних плавателей. Они умирали. Было приказано высадить их на ближайшем острове. Затем, на обратном пути за ними — чем черт не шутит — заехали. Они были совершенно здоровы. Имя Кюрасао родилось само собой (если, конечно, считать предание правдоподобным) — «Остров исцеляющий».

Трудно провести четкую грань между именами случайными и неслучайными.

Холм (даже несколько холмов) в Месопотамии

назван ТЕЛЛО, что значит «холм исписанных дощечек». Казалось бы, случайность? Но дело в том, что под «дощечками» здесь разумеются глиняные клинописные таблички, добытые при раскопках или просто вымытые на поверхность дождями. Поостережешься заносить такой факт в разряд «случайностей».

Имя острова УМНАК (один из Алеутских островов) значит «удочка». Странно? Нет: на острове растет какое-то дерево, прямые гибкие побеги которого служат искони веков материалом для удилищ жителям всех ближайших клочков суши.

МЫС ЛЮБВИ... На военных планшетах боевых действий возле Новороссийска в дни Великой Отечественной вы могли бы обнаружить такое идиллическое название. Упоминался мыс постоянно и в горячих, пахнущих порохом донесениях бойцов морской пехоты, очень мало думавших о любви в смертных боях на побережье.

В довоенное время под этим неофициальным названием в новороссийском гарнизоне был известен один из приветливых пригородных мысков, где охотно искали себе прибежище обуреваемые романтическими чувствами пары на яликах и других прогулочных «плавсредствах». В военную бурю бойцы местного гарнизона не увидели надобности отказываться от хорошо им известного имени, и оно осталось жить навечно.

Случайность? Как сказать? Около Петропавловска на Камчатке есть сопка, носящая такое же имя: СОПКА ЛЮБВИ... Опять случайность?

Вероятно, это нельзя все же считать личным произволом каких-то легкомысленных людей. Вероятно, такие имена по-своему закономерны. Все дело в том, что, давая месту имя, человек никогда не исходит и не может исходить исключительно из тех признаков, которые заложены в самом месте. Вольно или невольно, он учитывает (и вносит в имя) свое отношение к месту, свои чувства, которые оно в нем вызывает. А какими именно будут эти эмоции, окрашивающие топоним, — уже дело десятое... Потому что каждому человеку и каждому коллективу людей их эмоции много понятнее и гораздо ближе, нежели самые возвышенные и глубокие ощущения других людей, живущих в иных условиях, движимых иными культурными навыками и привыч-

ками, понимающих окружающее их под другим углом зрения.

Иначе люди и впрямь давно отказались бы от всех иных видов топонимики, кроме топонимики счетной. Разъезд № 68 было бы в их глазах правильнее, чем станция Африканда, и мыс Любви превратился бы в какой-нибудь «третий» или «восьмой» мыс. Но такого не случается. И — прекрасно.

СРЕДИСЛОВИЕ

Когда повестка заседания исчерпана, принято приступать к обсуждению последнего пункта: «Разное». Нередко случается, что именно тут-то и всплывают самые интересные, если не самые важные, вопросы.

Пишущий популярную книгу по топонимике — не строгий курс науки и не сжатое введение в нее, а только лишь писательские, литераторские заметки о ней — просто не может «исчерпать свою повестку» за полной ее необозримостью. Вот только право поставить точку на главном и перейти к «разному» в любой момент за ним сохраняется. Я и перейду, хоть и не «исчерпал повести».

Почему ее нельзя исчерпать?

Топонимика — наука не просто живущая, но еще наполовину пребывающая «ин стàту насце́нди» — в становлении.

Еще не уточнены окончательно ее границы. Еще можно по-разному судить и о ее возможностях и о ее целевых установках: от чисто теоретического аспекта до вполне практических «польз».

Еще наподобие семи городов, оспаривавших право считаться родиной Гомера, по меньшей мере три науки (пожалуй, осторожнее будет сказать — три группы наук) нет-нет да и рвут ее на части, претендуя на роль ее родительниц и воспитательниц, на право определять ее направление и самый метод ее исследований.

Языковеды иронизируют над историками, пытающимися публиковать топонимические работы. Историки

подвергают сердитой критике деятельность лингвистов, воспаряющих над морем исторических фактов на крыльях своих умозрительных построений. Географы, исходя из того, что речь идет не о каких-либо иных, а о географических именах, весьма сомневаются, чтобы суждения о них были подведомственны кому-либо, кроме них, географов...

Кто же из них прав и на кого следует ориентироваться начинающему топонимисту?

Очень большой французский языковед-топонимист Альбер Доза, говоря о топонимистах историках и географах, с ядовитым сарказмом и не без некоторой справедливости утверждает:

«Любое собственное имя, географическое в том числе, есть слово. Как таковое, оно существует, рождается, умирает, претерпевает изменения в системе того языка, который его создал, и под воздействием других языков, могущих вмешаться в его жизнь. Оно подчиняется языковым законам, управляется только ими. А судить о них, и, значит, и о нем самом, разумеется, могут только языковеды».

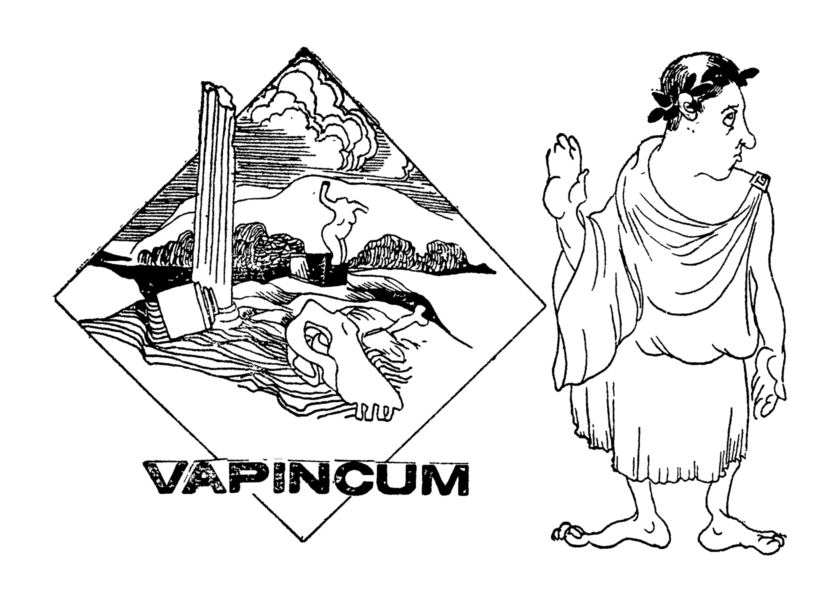
В самом деле. Есть у Ги де Мопассана рассказ ничуть не топонимического содержания — «Избранник госпожи Гюссон». Может быть, вы помните его.

Молодой недотепа, по флегматичности натуры и лени не поддавшийся никаким свойственным юности порокам, получает установленную почтенной дамой премию за добродетель. Впервые в жизни он окружен почетом и роскошью, пирует на своем торжестве. Он напивается до положения риз, отправляется в «веселый дом» и навсегда становится пьяницей и распутником. Таков рассказ. Какая уж тут топонимика!

Но повесть о балбесе начинается с беседы между автором и жителем городка ЖИЗОР, его страстным патриотом-знатоком.

«Он взял меня под руку и потащил по улицам.

— Жизор, город с четырьмя тысячами жителей на границе Эрского департамента, упоминается еще в «Записках» Цезаря: ЦЕЗАРИС ОСТИУМ, потом ЦЕЗАРЦИУМ, ЦЕЗОРЦИУМ, ГИЗОРЦИУМ, ЖИЗОР... Успокойся, я не поведу тебя осматривать следы римского лагеря, сохранившиеся до сих пор...»

Человеку со стороны такие россказни могут показаться нелепой болтовней: что общего между древнеримским словосочетанием и современным французским топонимом?

Но языковед иначе относится к этим «овидиевым метаморфозам». Он требует только, чтобы каждый переход от одной формы слова к другой соответствовал законам исторической фонетики данного языка или нескольких языков, если имя передавалось от народа к народу.

Тот же Альбер Доза обращается к своим читателям с провокационным вопросом: поверят ли они, что городок ГАП на юге Франции некогда носил римское имя ВАПИНКУМ (нечто вроде Воняловки) и что его теперешнее название есть продукт закономерной эволюции древнего топонима?

Понимая, что на слово ему мало кто поверит, он приводит лесенку изменений, подчеркивая, что каждая ступень, каждый «скачок» обусловлен, и мало того что обусловлен, в данном случае удостоверен точными записями, найденными в исторических архивах. Эта лесенка такова: Вапинкум — Ваппум — Ваппу — Гап.

Имя должно было изменяться именно так, так из-

менялось и иначе измениться в данных языковых условиях не могло.

Следовательно, если бы в архивах Франции не обнаружилось никаких записей, языковед мог бы, отправляясь от современного Гап, теоретически восстановить древнее Вапинкум, и, наоборот, установив, что в римские времена какой-то поселок в трансальпийской Галлии звался Вапинкум, указать именно на Гап, как на его далекую трансформацию.

Языковед, и только языковед! — так полагает Доза.

Но вот выступают историки... с обвинениями против чистых языковедов.

Бывает, говорят они, что лингвисты даже весьма высокой квалификации, создав ту или другую теорию взаимодействия языков далекого прошлого, начинают, пользуясь своими законами, подгонять под нее наблюдения. Ход их размышлений остается логичным, беда только в том, что логика базируется на априорных выдумках, а не на исторически точных фактах.

Академик А. Соболевский был крупнейшим знатоком истории русского языка. Но он увлекся теорией, согласно которой славянам на огромном пространстве территории современной России предшествовали ски-

фы. Он с жадностью искал в топонимике следов милых ему скифов и пришел в восторг, обнаружив в северной Смоленщине, в глухих лесах, местность, именуемую СИБИРЬ, населенную людьми, которых соседи почему-то зовут «сячка́ми». Он увидел в слове отголосок древнейших времен. Несомненно, в тех местах побывало одно из скифских племен — са́ки! И та Сибирь, азиатская, и эта Сибирь, смоленская, обязаны своим бесконечно древним названиям далекому прошлому и скифам. Иначе откуда такое совпадение?

Беда тут в том, что увлеченный умозрительными построениями ученый не справился у историков. Он узнал бы, что глухие урочища Смоленщины получили имя свое не в скифской древности, а каких-нибудь 150—200 лет назад. Графы Шереметевы, владельцы огромных имений, избрали смоленскую глушь местом ссылки провинившихся крепостных. Ссылать в настоящую Сибирь было и долго и хлопотно, ссылали сюда. И место каторжных наказаний получило у соседей, да и у самих ссыльных вполне естественное метафорическое имя Сибирь. «Место ссылки на поселение».

Это явление совершенно обычное. В начале 900-х годов в Петербурге был огромный населенный беднотой дом, именовавшийся среди населения ПОРТ-АРТУРОМ (злосчастная русско-японская война была еще свежа в памяти). В Великолуцком уезде бывшей Псковской губернии значительная часть плодородной Медведовской и кусок Михайловской волостей звались УКРАИНОЙ еще в двадцатых годах. Когда в газетах стали описывать бедственную жизнь Ша́нхая под пятой японских оккупантов, во многих местах нашей страны различные неблагоустроенные еще по тем временам поселения начали называться ШАНХАЯМИ... Точно то же случилось и с Сибирью в Бельском уезде тогдашней Смоленской губернии. И скифы-саки были тут решительно ни при чем. А кто мог наилучшим образом выяснить это? Историк, и только историк!

Географы не отстают от других и предъявляют права на владение топонимикой, на свои законные прерогативы в ее построении и использовании. Надо сказать, прирожденными топонимистами, с правом решения топонимических проблем, выступают порою и археологи,

и этнографы, и специалисты по истории техники и культуры, и множество других. Как отнестись ко всему этому? Кто тут прав, кто виноват?

Мне лично представляется, что споры пустые. Топонимия любого народа, бесспорно, представляет собою явление его языка, точно так же как и система его личных имен, его зоологических и ботанических терминов, вообще как все выраженное и закрепленное в слове. «Отставить» языковедов и языкознание от топонимики нельзя да и незачем.

Но каждый современный лингвист знает: язык можно изучать, только опираясь на историю того общества, в котором он существует и которое обслуживает. Плох будет тот исследователь истории русских правовых терминов, который пожелает изучать их, не составив себе точнейшего представления об истории самого русского права.

Ничего не получится из работ лексикографа, пожелавшего ознакомиться с системой и эволюцией языка охотников, закрыв глаза на историю самого охотничьего дела, на историю тех вещей и отношений, с которыми и сейчас и во все времена были связаны охотники.

Совершенно так же ясно, что топонимикой языковед может заниматься, только став предварительно и знающим историком и толковым географом, этнологом и археологом. Серьезный современный ученый-марксист иначе никогда и не поступает.

Точно так же никем не запрещено историку, заинтересовавшемуся топонимикой, начать работу в этой области. И географу — тоже. Но и тот и другой обязаны не забывать, что, приступив к такой работе, они вторглись в область языка и, следовательно, должны полностью овладеть наукой о языке, чтобы контролировать себя ее законами точно так же, как лингвист обязан проверять себя законами историческими и географическими.

Есть в РСФСР город БРЯНСК. Само по себе имя его не представляется человеку осмысленным. От «брянчать»? От славянского «брение» — грязь?

В летописях город в древнюю пору своего существования неоднократно называется ДЕБРЯНСКОМ, точнее, ДЬБРЯНСКОМ: первый гласный в слове — звук неполного образования, нам он слышится как не-

что среднее между «е» и «и». Такие звуки там, где на них не падает ударение, нередко исчезают, оставляя в качестве следа по себе мягкость предшествующего согласного. А звукосочетание «дьбрьанск», опять-таки поскольку ударение лежало на его последнем слоге, очень просто и закономерно могло распроститься с первым мягким согласным «дь» и превратиться в «брьанск». Вот вам и объяснение, основанное к тому же на данных летописей, на данных истории.

Однако внимательное чтение исторических документов показывает: в ряде случаев в древности современный Брянск именовался БРЫНЬ. Известно поэтическое выражение «брынские леса». В других славянских странах немало топонимов с основой «брын»: польские БРЫНИЦА, БРЫНКА. Трудно представить себе, чтобы везде и всюду фонетические события шли одинаково: чтобы везде одинаково отпало начальное мягкое «д» и осталось бы одинаково «бр».

Что же скажет теперь по этому поводу лингвист? Что вопрос пока что остается нерешенным. Что равно вероятны и более ясная по смыслу версия с «дебрь» и менее успокаивающая с начальным «брын», точный смысл которого оказывается не вполне разгаданным.

Но то же самое должен сказать и историк. То же придется повторить и географу. И вообще, никакой распри между ними, если они работают, не толкаясь локтями, произойти не может.

И может быть, прав В. Никонов, когда он утверждает: «Топонимист не должен быть лингвистом, или географом, или историком. Он обязан быть топонимистом». Но, думается, эту категорическую формулировку следовало бы чуть дополнить: «Однако, если он хочет стать топонимистом, он обязан быть и лингвистом, и географом, и историком одновременно». Иначе топонимиста из него не получится...

Чтобы отвлечься от споров между науками, я позволю себе на минуту оставить в стороне имя географическое и заняться именем другого рода — антропонимом, фамилией.

Ономатология остается в бесспорном ведении языковедов. Никто, никакая другая наука не претендует

на эту область учения об именах. Но даже при таком «бесспорном» положении, когда никто не покушается на предмет исследования, всевозможные методологические проблемы всплывают с не меньшей настоятельностью, и споры неизбежно возникают.

Как можно изучать имя фамильное? По-разному и в разных аспектах.

Можно, собрав большую коллекцию фамилий того или другого народа и языка, заняться их этимологизацией: поисками тех «тем», на которые человек, изобретая родовые прозвища, откликается.

Мы увидим тогда различные группы фамильных имен: построенные на чисто патронимическом принципе, если брать русские примеры типа Иванов, Васильев, Дуняшин, Прокопович, Черных, Гавриленков... Основанные на отметке профессиональных признаков, на происхождении рода от прародителя-специалиста: Шаповалов, Ковалев, Прачкины, Прялошниковы, Пряничниковы, Поповы.

Мы обнаружим фамилии, учрежденные на наблюдении за «особыми приметами» предка: Горбуновы, Слепцовы, Немцовы, Кривоносовы, Толстопятовы, Курносовы, Солдатенковы.

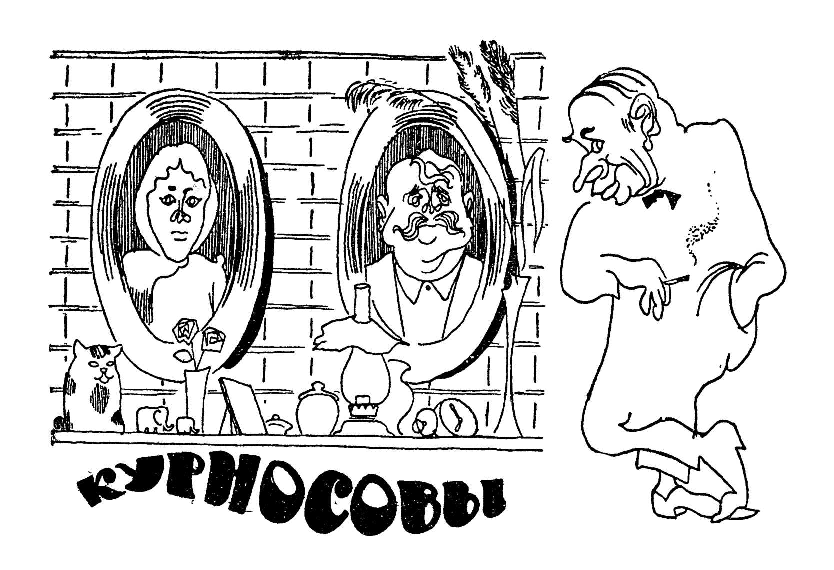
Найдется не меньше таких, изобретатели которых отправлялись от привязки человека к месту: Самарцевы, Смольяниновы, Скобаревы, Питерские, Москвитиновы, Белоцерковские, Шелонские, Уральские.

Обнаружится и группа имен, восходящих к не всегда ясным, но обычно хлестким прозвищам, фиксировавшим какие-то понятные наблюдателям, но иногда очень туманные для нас качества личности: Кнуров, Кнорозов, Жеребцов, Пыплин, Анохин, Заварзины, Булынины, Важдаевы, Вакашкины и тому подобное.

Нет конца возможным рубрикам такой семантической, смысловой классификации, но тем не менее приходится признать, что проанализировать русские фамилии под таким углом зрения, вероятно, будет и интересно и полезно.

Однако можно установить и совсем иной «угол».

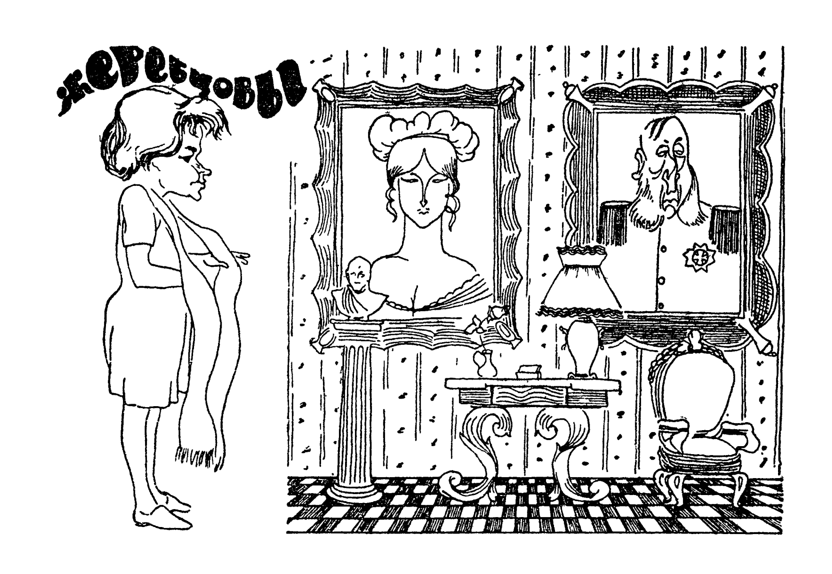
Вот передо мною фамилии, оканчивающиеся на «-ский»: Вяземский, Шуйский, Оболенский, с одной стороны, Покровский, Крестовоздвиженский, Успенский, Благовещенский — с другой, Антокольский, Жир-

мунский, Слуцкий — с третьей. На первый взгляд между ними мало общего. Три первые принадлежали родовитым дворянам, владетельным князьям. Четыре следующие — типичные «поповские» фамилии: их носили представители духовенства. Три последние принадлежат русскому еврейству. Почему же все-таки все они оканчиваются на «-ский»? Означает оно что-либо или не значит ничего ровно?

Означает, но притом разные вещи. Есть такое «-ский», смысл которого именно в связи фамилии с местом, откуда ее носитель произошел; формы связи могут быть совершенно различными. В первой группе — связь владения: князья Шуйские владели городом ШУЕЙ, Вяземские — ВЯЗЬМОЙ и так далее. Во второй — профессиональная связь служителя церкви с тем местом, где был храм, посвященный тому или иному религиозному празднику: покрову, успению, благовещенью. В третьей — чистая связь с местом рождения: предки Антокольских жили в АНТОКОЛЕ, Жирмунских — в ЖИРМУНАХ, Слуцких — в СЛУЦКЕ на реке СЛУЧИ.

Можно проследить и более тонкие взаимоотношения. Рядом с фамилией Оболенских — князей, владевших

летописным ОБОЛЕНСКОМ, существует у нас и фамилия Оболонских — в истоке принадлежавшая обитателям ОБОЛОНИ, такое название носят многие приречные луговые урочища русской земли, есть и населенные пункты этого имени. Если Оболенские были князьями, то уж Оболонские ими никогда не являлись.

Изучая фамилии на «-ский» подробнее, мы бы узнали и другие детали. Некоторые из них близки польским фамилиям на «-ски»: Ганськи, Красинськи, Яновськи. Но у польских — своя, несколько отличная от русской смысловая система, не всегда и не вполне русское «-ский» равно польскому «-ськи».

Мы узнали бы, что и среди русских «-ских» имеются такие, где этот «формант» фамильного имени несет в себе значение не «происходящий из», а «принадлежащий такому-то», — обычно о потомках крепостных того или другого помещика. Словом, выяснилось бы, что формальная на первый взгляд часть имени является носительницей и существенного смысла и важных признаков, по которым можно судить о многом, что в нем заложено.

Точно так же можно произвести классификацию и так называемых «патронимических» родовых имен,

производимых от личных имен предков. Если выбрать из любого нашего справочника, имеющего дело с фамилиями, из какого угодно их случайного перечня те, которые употребительны у нас, вы обнаружите разные по формальному строению образования рядом с разными по смысловому своему происхождению и наполнению.

Скажем, от имени Петр можно встретить фамилии Петров, Петровых, Петренков, Петренко, Петрович, Петровский, не говоря о множестве произведенных уменьшительно-ласкательных «дериватов» от них: Петюнин, Петрушин.

На первый взгляд что тут существенного? Однако если бы вы нанесли месторождение владельцев этих фамилий на карту, вы обнаружили бы достаточно строгие закономерности. Те, кто носит фамилии на «-ов», «-ев», оказались бы, как правило, великороссами, уроженцами исконных русских областей страны. Обладатели фамилий на «ых», «-их» прикрепились бы (по происхождению, во всяком случае) к Зауралью и Сибири, «-енко» оказалось бы характерным украинским формантом, «-енков», «-ёнков» — своеобразным гибридом чисто русского и южного или западного типов, «-ич», «-вич» увели бы нас в Белоруссию, может быть, в область польского, а отчасти и южнославянского языкового влияния.

Основа фамильного имени могла бы оставаться повсюду одной, морфология его заключала бы в себе существенные данные о его происхождении, о географическом и этнологическом «ареале» его существования.

Все это я говорю только для того, чтобы от имен личных снова перейти к именам географическим, от фамилий — к топонимам.

Мы уже занимались классификацией подобных образований по смысловому содержанию тех основ, на которых они построены, и обнаружили длинный ряд их весьма любопытных разновидностей.

Но ведь, действуя так, мы успели заметить, что самая форма географического имени чаще всего оказывается распределимой по некоторым морфологическим типам.

В начале книги говорилось уже о том, как полезно бывает порою обратить внимание на эту сторону дела.

Помните, распределение по карте имен населенных пунктов с суффиксами «-ов», «-ин» и «-ка» нарисовало картину южных границ Московской Руси на определенный момент ее существования.

Тот, кто займется изучением названий поселений и городов, оканчивающихся на «-ск», легко заметит, что в глубокой древности они придавались таким объектам, которые стояли на той или иной водной артерии. Поселки именовались по рекам: ВИТЕБСК — городок на реке ВИТЬБЕ, ПИНСК — на ПИНЕ, СМОЛЕНСК — на СМОЛЬНЕ... Затем область их применения начала расширяться, и к нашим дням «-ск» может связываться уже с основами, означающими другие виды урочищ — горы, озера, леса. ЗЕЛЕНОГОРСК, БОРОВСК и даже БОРСК. Приобрело оно и значение суффикса принадлежности и посвященности: КИРОВСК, СВЕРДЛОВСК, ДНЕПРОПЕТРОВСК. Правда, от такого естественного расширения его значения следует отличать противоестественное, в новых топонимах, изобретаемых нечуткими к языку людьми. Так, например, навряд ли можно признать удачным и допустимым наименование типа ЗЕЛЕНОГРАДСК. Топоним построен чисто механически, путем совмещения двух несводимых образцов: КРАСНОГРАД и ЗЕЛЕНОГОРСК. Внутренняя форма его призрачна: имя не может обозначать ни «принадлежащий Зеленограду», ни «находящийся при Зеленограде». Вообще никакого осмысленного значения у него нет.

Ученые давно обратили внимание на значительность и важность таких морфем (так как это далеко не всегда суффиксы, их принято именовать более общим термином «форманты»), которые присутствуют в большинстве наших имен мест.

Заметили они и иное: среди элементов названий встречаются такие, которые повторяются сравнительно редко (скажем, в имени псковского озера ЛОКНОВАТО, связанного по своей основе с такими гидронимами, как река ЛОКНЯ, с топонимом ЛОКНЫ, можно выделить элемент «-ова», но повторяется он на карте весьма редко), и другие, встречающиеся буквально на каждом шагу.

В начале XIX века жил и работал чрезвычайно талантливый русский языковед А. Востоков. В своих трудах он говорил о таких вещах, до понимания и учета

которых языкознание доросло лишь много лет спустя. Тогда к следованию за ним наука еще не была подготовлена, и только значительно позднее многое открытое им получило признание и оценку.

Самому Востокову приходилось даже время от времени опубликовывать свои наблюдения не в солидных ученых сборниках, а как бы обращаясь к «почтенной публике», в тогдашних общих журналах.

Между прочим, он обратил ее внимание и на то, что имена многих рек в нашей стране заключают в себе такие элементы, как «-га» (ОНЕГА, ПИНЕГА), «-ма» (КАМА, ТУЛОМА), «-ва» (ПРОТВА, МОСКВА) и некоторые другие. Он придавал этой постоянной повторяемости определенных звукосочетаний большое значение и рекомендовал заняться ее изучением и истолкованием. Увы, призыв его долго не был подхвачен.

Между тем подмечен весьма многозначительный факт.

Бросьте взгляд на карту нынешней нашей Пермской области. Вот какие реки и речки ее орошают: ИНЬВА, КОЙВА, ЛЫСЬВА, УСЬВА, ПИЛЬВА, две МОЙВЫ (Большая и Малая), КОЛВА, ВИЛЬВА, НЫТВА, ШАКВА...

На карточке, лежащей передо мною, выписано еще больше дюжины точно таких же речных имен.

В соседней Свердловской области текут СЫЛВА, ЛОЗЬВА, СОСЬВА, КАКВА, ЛОБВА, НЕЙВА и другие...

Даже совсем ничего не понимающий ни в лингвистике, ни в топонимике человек заподозрит: «Это что-то должно обозначать!» И обозначает.

Финно-угорское имя Иньва значит в переводе «женская вода» (есть неподалеку и «мужская вода» — АЙВА). Койва означает «птичья вода». Становится ясно: в финно-угорских гидронимах элемент «-ва» имеет значение «вода» или «река». Точно так же в Дании большинство рек носят имена, оканчивающиеся на «о» (ГУДЕНО, КОНЕО, НЕРЕО, ОДЕНО, СУКО) только потому, что слово «о» по-датски значит «река». Точно так же на тысячу-другую километров восточнее множество речных имен оканчиваются на «-ка» (СИЛЬКА, ТАЛЬКА, ВАТЫЛЬКА, ПОКОЛЬКА, ПЮЛЬКА, КАРАЛЬКА и даже ПЕЧАЛЬКА) только потому, что

обработанное русскими на свой лад чулымо-тюркское «кы» означало на местном языке «река».

Смотрите, как прекрасно: учел все возможные форманты во всех доступных наблюдению топонимах мира, разнес их по языкам и народам, установил их значение и — дело в шляпе.

К сожалению (а может быть, и к счастью!) это не совсем так. Даже совсем не так.

Город НАРВА стоит на реке НАРОВЕ (иногда ее неправильно также называют на эстонский лад рекой НАРВОЙ). В обоих случаях имя реки удовлетворяет требованию: оканчивается на «-ва», которое, по-видимому, можно понимать как «река», остается только дознаться о значении основы «нар».

И вот — ничего подобного. На реке, которая по-эстонски называется НАРВА-ЙОКИ (Нарова — русский вариант), имеется порог, иногда описываемый даже как водопад. На языке вепсов, финского народа ближних мест, порог — «нарвайнэ». Никакой «воды», никакой «реки», никакого форманта «-ва». Это «-ва» в данном случае превосходно объясняется самой основой гидронима.

Да, собственно, того и следовало ожидать. Имена рек, в которых «-ва» фигурировало в нужном нам смысле, разбросаны настолько далеко от берегов Финского залива и Чудского озера, что было бы крайне странно, если бы каким-то путем они проникли сюда. Там они образовали целое поле сходных гидронимов. Их «поле» было некогда полем деятельности народностей, в языке которых и на самом деле «ва» означало воду, реку.

У родственных эстам западных финнов вода именуется несколько иначе — «веси». И только чудо могло бы перенести сюда гидроним, где конечное «-ва» означает «вода».

Впрочем, тот, кому очень захотелось бы, несмотря ни на что, настаивать на такой возможности, имеет один запасный выход. Можно предположить, что пермское и свердловское «-ва» вышло не из языка восточных финнов, которые никогда не жили у Финского залива. Можно допустить, что оно досталось им готовым из языка какого-то более древнего народа, который был некогда расселен на огромном пространстве от Урала до Бал-

тики и повсюду оставил в качестве доказательства своего существования гидронимы с конечным «-ва».

Но вы сами понимаете, что это только умозрительные гипотезы. И приходят историки и так же, как в случае со смоленской Сибирью, доказывают, что такого пранарода скорее всего не было, а значит, на свете существует множество различных «-ва», и каждое из них следует изучать и понимать в особицу.

Тем не менее, подобно тому как в физических науках современная мысль все глубже и глубже уходит в самое строение материи, начинает оперировать уже не самими реально предстоящими нам телами, а тончайшими деталями их сокровенной структуры, и тем движет все вперед и вперед наше представление о мире и его жизни, так и современная топонимика от самих имен мест переходит к изучению их внутреннего строения, обнаруживает в нем их элементы и, изучая их, получает возможность глубже и тоньше понимать стоящие за географическими именами жизненные процессы.

Приведу два примера, на которые указывает в одной из своих работ топонимист В. Никонов.

Он считает, например, что, нанеся на карту топонимы с суффиксом «-иха» (БАРАНИХА, АНЦИНОРИХА), мы можем наблюсти картину постепенного расселения наших предков из Суздальской Руси, — ме́ста, в котором можно видеть как бы прародину этих названий, — в одну сторону далеко на восток, через Волгу и Каму, в зауральские части страны, и, в несколько более позднее время, на запад за Днепр, к Днестру и Серету... Иначе говоря, то, о чем могли отрывочно судить по летописным данным и неполным, суммарным сообщениям исторических актов, как бы проявляется само собою на самом теле нашей планеты, в географических именах, закрепленных на нем самой жизнью далекого прошлого, наподобие того как свет на поверхности чувствительной пластинки закрепляет картину того, что отбросил на нее объектив. Картина незрима, пока эмульсии не коснулся проявитель. Проявителем в нашем случае оказывается топонимика. Она превращает имя места в историческое свидетельство, в вещественное доказательство реальности былого в его статике и динамике.

Если отдельное слово рассматривать как молекулу, образующую «вещество языка», а морфему, его состав-

ную часть, как своеобразный «атом», то на долю звука выпадет роль одной из внутриатомных «элементарных частиц».

Современная топонимика склонна производить свои исследования и на, так сказать, «внутриатомном», звуковом уровне. Что могут они дать?

Языки мира, помимо всего прочего, характеризуются и своим отношением к звукам. В чем оно выражается?

Приведу несколько достаточно грубых и, вероятно, научно неудовлетворительных, но, на мой взгляд, поясняющих суть дела примеров.

Известна всем славная фамилия Пржевальский. В старом справочнике я обнаруживаю фамилию Перевальский. По сути дела — одна и та же фамилия, но одна и та же славянская основа по-разному оформлена в двух близко родственных славянских языках.

Для польского языка сочетание звуков «пш», «вж» характерно. Оно в нем встречается весьма часто (король Пшемыслав, писатель Пшибышевский, городок Пшедмост). А в языке русском на этих же местах возникает другое сочетание звуков, свойственное именно ему: «пере-», «пре-».

Это закон, и он проявляется во всех случаях словообразования. Довольно понятно, что, встретив в справочнике «Весь Петроград» за 1915 год коллежского советника русской службы Владимира Ивановича Пржевалинского или вдову статского советника Зиновию Георгиевну Пржибыльскую, несмотря на то, что оба они обитали в столице России и были русскими дворянами, можно было заранее сказать, что перед нами поляки либо по роду своему, либо же по браку. Русское «берег» недаром переводится на польский как «бжег».

Во многих тюркских языках действует так называемый закон «сингармонизма гласных». Грубо говоря, сущность его заключается в том, что если в слове, в его первом слоге вы встречаете тот или иной гласный звук, например «а», то и во всех последующих слогах можете ожидать либо этот же самый звук, либо строго определенного порядка другие.

В славянских языках, в русском в частности, ничего подобного не наблюдается. Вот почему, столкнувшись на карте или в жизни с топонимом вроде АСТРАХАНЬ или КАРАГАНДА и зная, что никаких других народов

с языками, в которых действует закон сингармонизма (ну, скажем, некоторых финских), ни в дельте Волги, ни в Зауралье на этой широте не наблюдалось, вы с достаточной степенью вероятности заподозрите в этих топонимах тюркские.

Русский язык широко и свободно использует звук «ы», который для народов Западной Европы представляет при изучении русского камень преткновения. Но никогда в нашем языке «ы» не выступает в качестве первого звука слова. Очень редко в одном слове сталкиваются два или три «ы».

В то же время в турецком языке множество слов начинается с него: ышкаф — шкаф, ышмендефер — железная дорога, ытыр — благовоние, ыхламур — липа.

Встречается этот звук и в других языках. А когда мою детскую книгу «Четыре боевых случая» перевели на один из языков Чукотки, я с удивлением прочел на титульном листе такой заголовок: «Нырак мыраквыргытайкыгыргыт».

Тут я впервые ощутил, что разные языки по-разному относятся к различным звукам. Те из звуков, что едва терпимы в одном языке, пользуются всеми правами в другом, абсолютно неприемлемы для третьего...

Если сделать должные выводы, можно представить себе, что, не зная, на каком языке написан данный текст, но имея для всех возможных в данном случае языков их «звуковые спектры», статистические данные по частоте, с какой в них применяются те или иные звуки, и подсчитав, с какой их частотой мы имеем дело в данном случае, можно достаточно точно определить язык нашего текста.

Все это именуется «фоностатистикой», и применением ее к топонимике сейчас с успехом занимаются многие ученые. Разумеется, очень соблазнительно основывать топонимические выводы на точном, поддающемся количественному учету материале, а повторяющиеся в топонимах сочетания и комбинации звуков при достаточно широком охвате очень большого числа названий и могут послужить таким материалом.

Тогда на каком же из многочисленных приемов и методов анализа следует остановиться? Который составит будущее топонимики?

Разумеется, у каждого из них есть свои апостолы и

адепты. И как почти всегда случается в истории наук, представители каждого нередко склонны рассматривать его как единственно верный или, уж во всяком случае, как основной и главный.

Мне представляется, что споры напрасны. Надо думать, что все показанные мною направления в науке об именах географических плодотворны и полезны именно в своей совокупности. Но каждое из них может работать и «в розницу», ни на минуту не упуская, однако, из виду того, что делается в смежных областях.

У топонимики не одна цель и не одно назначение, таких назначений и целей много. Некоторые из них лежат, так сказать, «внутри» самой науки, некоторые как бы выплескиваются за ее пределы.

В топонимике ищет помощи история (так же как и топонимика — в истории). К топонимическим данным охотно прибегает география (а топонимисты и не мыслят своей работы вне прямой связи с нею). Многие другие науки нуждаются в тех данных, которые можно получить только при помощи анализа географических имен.

В то же время топонимика живет и сама для себя. Поэтому она должна и может не только обслуживать другие области познания, но отыскивать собственные закономерности.

Я задумал и написал эту книгу не как ученый-топонимист и не для ученых-топонимистов. Писал я ее как писатель, то есть как «человековед», и писал для людей, для которых самый предмет ее занятий — грамота за семью печатями.

И мне при моей работе всего интереснее было не столько установление точных и объективных закономерностей в возникновении и изменении формы географических имен, сколько отражение в них того, что можно широко определить как всечеловеческая психология.

В главе «Заячья Роща» я показал, как под влиянием чисто психологических причин люди из народа заменяют непонятное им название «Зодчего Росси» на понятное и милое «Заячья Роща».

Совершенно иные причины привели к тому, что в городе Черновцы одно из его предместий, когда-то носившее всем украинцам понятное, семантически прозрачное название РОЗСОШ (по-украински «развилка дорог»), позднее в румынском языке превратилось в РОША

(по-румынски — «красная»), а затем русскими, поселившимися в этом городе, было изменено в РОЩА...

То есть причины-то, может, и сходные (непонимание иноязычного имени и подмена его по созвучию сходным, хотя и ничуть по смыслу не связанным своим), но все обстоятельства изменения совершенно другие.

Оба комплекса превращений меня живо интересуют, потому что в них отразилась народная психология, ходы мысли тех, кто дает местам имена.

Мне представляется, что и для любого человека, впервые столкнувшегося с топонимикой, эта сторона дела представляется и наиболее заманчивой, и наиболее доступной. Я бы определил ее как поэтическую сторону топонимики... И теперь, закончив то, что пообещал в начале книжки как «средисловие» к ней, я хочу дать подборку небольших рассказов именно на эти «поэтико-топонимические» или «занимательно-топонимические» темы.

РАЗНОЕ

Есть у нас в народных говорах такое слово: «спорышка». Оно означает «двойчатку», «двойной орешек», а также всякий двойной плод: два яблока, две морковки, сросшиеся вместе...

Человеку свойственно в окружающем его пестром множестве саморазличных предметов выделять их тесные сочетания, устанавливать между ними связи, может быть далеко не всегда заложенные в них природой, а там, где они ею намечены, подчеркивать их и придавать им такое значение, какое ему самому представляется по той или иной причине вероятным, естественным или желательным.

Склонность человеческого восприятия находить вокруг себя какие-то внутренние интимные связи между вещами отражается и, очень любопытно, в топонимике.

Я подумал о поэтическом отражении этой склонности. Мне вспомнился «Спор» Лермонтова.

В Кавказском хребте много великолепных горных вершин. Две из них — ЭЛЬБРУС, или ШАТ-ГОРА, и КАЗБЕК — издавна выделены из «толпы соплеменных гор» народным сознанием. Причина тому не в их абсолютной высоте (Эльбрус — 5633, Казбек — 5047 метров). Есть на Кавказе вершины, превышающие Казбек (Шхара — 5201, Дых-Тау — 5148 метров). Причина скорее в том, что оба гиганта поднимаются у начала и у конца всей величавой горной цепи. Так или иначе, имен-

но эти вершины народы, жившие у подножия, всегда рассматривали как своеобразных «братьев», как двух старейшин могучего племени вершин, и Лермонтов, столкнув именно их в своем «Споре», шел тут только по следам народного восприятия.

Как-то раз перед толпою
Соплеменных гор
У Казбека с Шат-горою
Был великий спор...

Поэт не повторил уже существовавшую легенду, он сотворил ее сам, но сотворил в том же духе, в каком творит народ.

Лермонтов не был первым и не был последним в обыгрывании географических объектов. Поэт другого масштаба и другой значимости, К. Бальмонт, уже в начале нашего столетия пленился простым географическим фактом: три большие реки нашей страны — ЗАПАДНАЯ ДВИНА, ВОЛГА и ДНЕПР, изливая свои воды в три далеких моря, начало берут примерно в одном и том же месте:

Говорит нам старина:
Раньше, в радостях игры,
Днепр, Волга и Двина
Были брат и две сестры...

Опять на наших глазах сотворена сказка, легенда, не существовавшая в народе, но навеянная народным творчеством. Правда, бальмонтовское стихотворение никак не может ни по своему содержанию, ни по значению равняться с лермонтовским, но сейчас не это важно. Существенно то, что снова три случайно сближенных природой географических объекта послужили поводом для поэтического объединения.

В обоих случаях речь идет о самих предметах, не об их именах.

Истинно же народные «спорышки» представляют собою явление не географическое, а топонимическое и, на мой взгляд, должны расцениваться как явление своеобразное и интересное. Интересное именно с точки зрения психологии географического называния.

В архипелаге Бонин (Огасавара), принадлежащем Японии (после второй мировой войны оккупированы США), имеются три группы островов, называемых каждая по крупнейшему своему острову ТИТИ (отец), ХАХА (мать) и МУКО (сын).

Я не знаю, существует ли какое-либо объяснение их названий в японском фольклоре, но можно поручиться, что оно есть. Почти наверняка и на самом архипелаге и у мореплавателей-азиатов, с незапамятных пор бороздящих тамошние воды, имеются какие-либо легенды, связанные с названиями островов. Нельзя представить себе, чтобы три имени, столь тесно связанные по смыслу, возникли просто так, благодаря какой-либо случайности.

Вот на том же Дальнем Востоке, но в совершенно иной высокогорной стране, в Тибете, неподалеку друг от друга высится грозный пик ТОРГОТ-ЯП, что значит на местном языке «отец Торгот», и лежит горное озеро ДАНГРА-ЮМ. Озеро, одно из самых значительных в Тибете, издавна числится священным. И не удивительно: по тибетским легендам, оно и поднимающийся к югу от него Отец Торгот — супружеская пара, прародители всей земли, и в частности семьи гор, возвышающихся поблизости их милых дочерей.

Поклонение озеру столь велико, что еще совсем недавно вокруг него (а его окружность почти 300 километров) устраивались периодически своеобразные крестные ходы, называемые «кора». Совершивший кору, получал отпущение самых черных грехов, до убийства и даже отцеубийства включительно.

Многим известно прелестное имя одной из первого десятка высочайших вершин в Альпах — ЮНГФРАУ (молодая женщина). Значительно менее известно, что по соседству с ней, облеченной в вечно сверкающую снежную одежду, поднимается вторая — МЁНХ (монах), сложенная из темноцветных каменных пород.

Опять-таки я лично никогда не слыхал никакой легенды, связанной с этой парой вершин, но можно утверждать без опаски, что жители ближних долин знают их немало. Почти наверняка речь в них идет о светлокудрой красавице, соблазнившей одетого в черную рясу

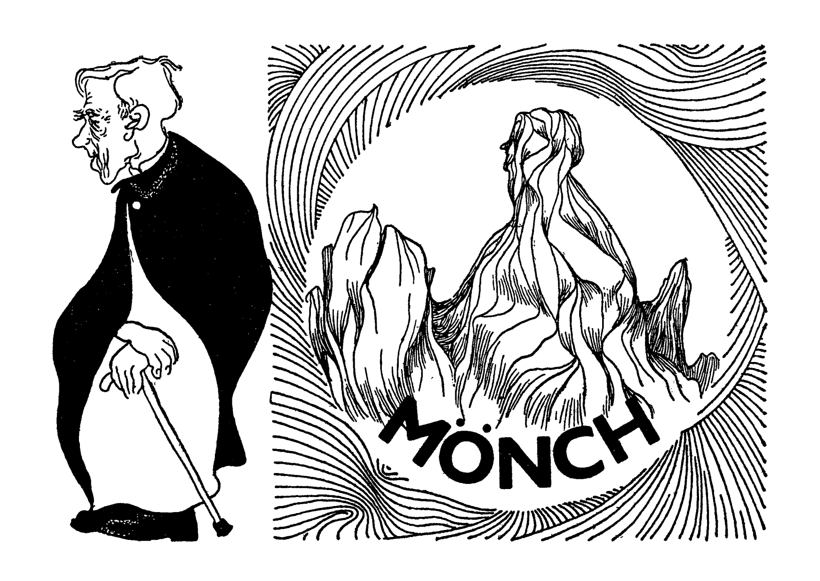

отшельника, а может быть, об отвергнутом любовнике, покинувшем мир из-за неразделенной любви к прекрасной даме. Даже полагаю, что, когда эти строки увидят свет, я получу от знатоков немецкого фольклора письма с указаниями на такие легенды, а возможно, и на стихотворения известных поэтов, посвященные «топонимической паре».

А если нет, я вправе утверждать, что такие предания существовали некогда и лишь потом были забыты. Подобное сочетание двух имен не могло возникнуть самопроизвольно, ибо в подобной паре названий уже заложен известный поэтический заряд.

Стоит рядом с альпийской парой помянуть пару крымскую. До начала 1931 года жители курортного Симеиза любовались двумя близко расположенными прибрежными скалами: башнеобразным, слегка напоминавшим согбенную фигуру в капюшоне МОНАХОМ и колоссальной ДИВОЙ, представляющей собою огромный каменный треугольник, упертый в каменистый берег своей острой вершиной, как бы лежащий на гипотенузе, коротким катетом в море.

Имя Монах не вызывает сомнений, оно возникло по прямому зрительному впечатлению от узкой и высокой,

остроконечной наверху скалы. (19 января 1931 года, после разрушительного шторма, от нее остались только жалкие обломки, и проверить меня невозможно.) Что же до имени Дива, то его происхождение неясно. Топонимисты выдвигали различные объяснения. Назывался то славянский корень «див» (скала-диво), то генуэзско-итальянский «дива» (божественная), то тюркские корни. Но любопытно, что в широких кругах непосвященных не было никогда никакого сомнения: пара имен повествует о мрачном Монахе и прельщающей его «дивной» красавице. В любом крымском путеводителе вы почти наверняка найдете именно такое толкование имени-спорышки.

Я вовсе не хочу, чтобы вы полностью доверялись рыночным путеводителям, источникам, для топонимических разысканий весьма малопригодным. Хочу только еще раз обратить ваше внимание на естественную непреодолимость обычного хода образного мышления: одни и те же образы возникают в связи с одинаковыми предметами называния в самых разных частях мира. У разных народов.

Кстати сказать: в том же Крыму и не так уж далеко от Симеиза, близ мыса Фиолент, возле бывшего Георги-

евского монастыря, стоит на берегу моря скала, ничуть не менее похожая на фигуру склонившегося в полупоклоне монаха, чем та, симеизская. Я никогда не слыхал, чтобы ей было придано такое название. Почему? А может быть, и потому, что она одна. Она не образует пары.

Но тогда может быть, что топонимы Симеиза и впрямь родились одновременно. Как «спорышка», в результате смутного впечатления об их парности...

Есть в Крыму и такие места, над которыми действительно витает такая топонимическая легенда.

У самого Бахчисарая, Садового дворца ханов Гиреев, на реке Каче как бы сторожат вход в одно из ущелий две столпообразные скалы. Теперь уже далеко не все местные жители помнят их имена. У крымских татар они были известны как ВАЙ-ВАЙ-АНАМ-КАЯ и ХОРХМА-БАЛАМ-КАЯ.

Имена, способные вызвать удивление. Первое означает: «скала ай-ай, мама!», второе: «скала не бойся, дочка!» Десятиметровая «Ай-ай, мама!» стоит у входа в ущелье, смутно напоминая издали человеческую фигуру. В грузной второй живое воображение может угадать огромную женщину, тяжело сидящую в кресле. Этого было достаточно, чтобы сложилась легенда.

...Свирепый и сладострастный Топал-бей похитил у соседа Кемаль-мурзы красавицу жену и юную девушку-дочку, еще более прекрасную. Добром и муками он принуждал их стать украшениями его гарема. Добродетельные женщины готовы были лучше на смерть. Разгневанный бей приказал замуровать непокорных в скалы или просто превратил их в утесы при помощи обыкновенного волшебства.

Но спустя короткое время ему донесли: в светлые ночи из одной из скал выходит удивительной красоты дева, играет и резвится в лунном свете.

Придя в ярость, Топал-бей приказал повалить и разбить вдребезги непокорную скалу. В ущелье явилось множество людей с конями и волами, на скалу накинули петли, впрягли волов... И тут-то все услышали, как из глубины каменной глыбы донесся робкий девический голос: «Вай-вай, анам!»

«Не страшись, дитя!» — прогремел ответ второй

скалы. В тот же миг все, кто был вокруг, — лошади, упряжные волы, люди, — все замерло и окаменело навеки...

Маловер может всегда проверить, что дело было именно так. Достаточно пройти из Бахчисарая в урочище Кош-Дермен, и увидишь там великое множество каменных глыб самой различной величины и формы. В некоторых узнаешь волов, в других — коней, в третьих — людей или повозки...

Удивительно, как широко распространены по миру такие или почти такие же мифы. Между Крымом и хребтом Сихотэ-Алинь на Дальнем Востоке тысячи и тысячи километров. Но и тут, на приморской стороне хребта, в речку Копи впадает еще меньшая речушка Йоли. По этим рекам почти шестьдесят лет назад ходил путешественник и писатель В. Арсеньев, тонкий исследователь нашего тихоокеанского Приморья. Орочи, обитатели тех мест, уговаривали его не подниматься по Йоли. В ее долине высилась роковая сопка ОМОКО-МАМАГА, что на местном языке значит «прабабка Омоко». Мимо нее проходить весьма опасно.

Естественно, что Арсеньева соблазнило желание взглянуть на «Прабабку». На вершине сопки он нашел несколько причудливо выветренных скал. Самая большая из них немного напоминает человека. Это и есть «Прабабка»...

Великан Кангей, повествуют орочские предания, повздорил с двумя великаншами — Атынигой и Омоко. В чем была причина спора, нельзя уже сказать, но каждый знает — где женщины, там и распри.

Великанские нелады перешли в драку. И тут случилось неожиданное: все трое вдруг окаменели. Хмурый Кангей застыл в верховьях Копи, Атынига — ниже по течению реки, в устье ее притока Чжакуме, а Омоко беда захватила там, где в Копи впадает Йоли...

Если вы сомневаетесь, никто не мешает вам отправиться на место и собственными глазами убедиться: все трое доныне стоят там, где на них обрушилась кара свыше...

Всюду одно и то же. В каждом человеке живет склонность в любом смутном очертании, созданном природой, видеть те или другие оживленные или даже не-

живые, но понятные черты. Помните писателя Тригорина в чеховской «Чайке»?

«Вижу вот облако, похожее на рояль. Думаю: надо будет упомянуть где-нибудь в рассказе, что плыло облако, похожее на рояль...»

Вспомните средневекового героя «Дракона» — легенды А. К. Толстого? Сторонник гвельфов после одной из неудачных битв с гибеллинами углубился в горы близ Лугано. В одном из ущелий, спасаясь от плена, он увидел зубчатую стену скал, похожую на стену замка. Но когда туман рассеялся, он заметил, что перед ним и его спутником высится «не зданье... но чудное в утесе изваянье».

Что я стеной считал, то был хребет
Чудовища, какому и примера,
Я полагал, среди живущих нет...

«Дракон», изваянный природой из камня, ожил, погнался за беглецами...

Легенда легендой, вымысел вымыслом, но существенно то, что именно скалы, горы, большие камни чаще всего подсказывают человеческому воображению такие метаморфозы, вероятно потому, что скала, гора, утес, холм всегда бывают как бы легкообозримыми. Их можно обнять одним взором. Их можно сопоставить с другими, рядом находящимися. Воображению легче увидеть что-то человеческое, нечто индивидуальное в горной вершине, в скалистом островке, в колоссальной глыбе гранита, нежели, например, в простирающемся на десятки километров море или озере, очертаний которых не охватишь взглядом.

Ладога и Онега лежат рядом друг с другом. Нашим предкам, однако, не пришло в голову счесть их «братьями» или «сестрами». Тот, кто жил на берегах Ладожского озера, мог никогда не видеть Онежского и, уж во всяком случае, не подозревал, как именно лежат они на поверхности земли, разделенные лишь узким перешейком, оба вытянутые с северо-запада на юго-восток, как два близнеца, как двойняшки. Чтобы увидеть это, надо пролететь над ними на огромной высоте или взглянуть на карту. К. Бальмонт потому мог измыслить свою сказку про Днепр, Волгу и Двину, что в его дни в любом школьном атласе легко было увидеть, как, родившись на одном нагорье, три реки разбегаются за тысячи верст

друг от друга к трем разным морям. Доступное глазу, обозримое одним взглядом, вот что постоянно возбуждало фантазию.

Три близко расположенные на одном горном массиве острые вершины поднимаются в Пиренеях. У них есть свои имена — СИЛЭН, МАРБОРЭ и МОН-ПЕРДЮ. Но, кроме того, все втроем они называются и общим именем — ТРЭС СОРЕЛЬЯС (три сестры-монашки). Бесспорно, у пиренейских горцев найдется, что рассказать про скалистое содружество.

Три скалы поднимаются из тихоокеанских волн возле Ле-Пунтильи на побережье Чили. Их три, они лежат близко друг к другу... Достаточно, чтобы человек объединил их в семейную «группу»: они называются ТРЭС ХЕРМАНОС (трое братьев)... Легенды? Если их нет, они могли бы возникнуть, да, вероятно, они существовали и существуют у чилийских лоцманов, моряков, прибрежных жителей...

Не приходится удивляться тому, что чем дальше в прошлое, тем более бурной оказывается людская фантазия, сопровождающая топонимическое называние. Чем ближе к нашим дням, тем она становится суше, рациональней. Названия, даже в тех случаях, где человек подмечает единство нескольких предметов, начинают отмечать только то в них общее, что на деле существует, что не нуждается в приукрашивании мифом.

В Крыму у Гурзуфа уткнулась мордой в море всем известная гора МЕДВЕДЬ, АЮ-ДАГ. Можно спорить, напоминает ли она на самом деле пьющего из моря зверя (на мой взгляд — даже очень), и родилось ли название в связи с ее очертаниями, или потому, что некогда она служила пристанищем для местных медведей. Неважно.

Восточнее Аю-Дага, между ним и Карасаном, на территории одного из бесчисленных крымских санаториев. есть скала — розоватого цвета весьма солидный камень, совершенно голый и до странности повторяющий в миниатюре очертания и положения огромного медведя.

Место это до недавнего времени было сравнительно пустынным и малоизвестным. Розовая медведеобразная скала, судя по всему, не привлекала особого внимания, в путеводителях не значилась и, вполне возможно, «личного имени» не имела.

За годы Советской власти все изменилось. Вокруг нее вырос целый оздоровительный комплекс, на ней ежедневно загорают сотни курортников, к ней проложены дороги и тропинки... И я лет пять назад с большим удовлетворением убедился: безымянная скала носит имя. Имя-спорышку. Ее теперь зовут МЕДВЕЖОНОК.

Мы — рационалисты. В этом имени мы отметили только внешнее подобие, существующее между Медвежонком и огромным Медведем. Очень сомнительно, чтобы кому-либо пришло в голову сочинить какую-нибудь легенду, связывающую обе каменные глыбы — гигантский лакколит Аю-Даг и крошечный по сравнению с ним розоватый прибрежный камешек. Но парность их отметил, ею заинтересовался даже современный человек. А кто знает, может быть, в скифской или генуэзской древности они уже назывались так? Может быть, их и связывали какие-нибудь фантастические рассказы?

...Заговорив об именах-двойняшках, я не могу не коснуться хоть несколькими словами совершенно другого типа их.

В тех милых мне местах Великолучины, о которых я уже столько раз вспоминал, встречались мне странные пары топонимов, объединенные по совершенно другому признаку.

Я знал там, например, две небольшие деревушки: ГОРКИ и ДОРКИ. Они были расположены «супольно», рядом друг с другом.

Что означает имя Горки, в общем понятно, оно говорит о ландшафте, о свойстве местности, на которой поселился человек. Было бы только ошибочным считать, что множественное число имени свидетельствует тут о наличии нескольких возвышений, нескольких холмов или гор. Нет, это чисто топонимическое множественное число. Такие названия обычно придаются местам, характеризуемым одним-единственным, указанным в основе слова признаком.

Поселок, стоящий на одном ручье, очень часто называется РУЧЬИ. Деревня, известная наличием в ее пределах хорошего родника, может получить имя КЛЮЧИ. Хутор, приметный по возвышающейся среди него ветряной мельнице, сплошь и рядом бывал назван МЛЫНЫ. Об этом нельзя забывать, исследуя такие топони-

мы. Но в целом-то понятно. Деревня Горки означало: расположенная на возвышенном месте, не на болоте.

А Дорки? Вы затруднились бы самостоятельно установить, на какой основе построен топоним.

Существовало в старорусском языке слово «дор», «доры». Оно означало: недавно очищенная от леса пашня, росчисть. Корень тут тот же, что в словах «драть», «деревня». Дорки, всего вернее, значило когда-то — деревня, построенная на отбитой у леса целине, на клочках врезанной в лесное море пашни...

Все вполне естественно и не вызывает удивления. У нас великое множество топонимов и даже фамилий этого корня: Доры, Дорони, Доронины, Доркины и так далее. Но странно, как и почему возникла рифма, как бы объединяющая две соседние деревни в одно, как бы намекающая на то, что их имена взаимосвязаны?

Я не берусь дать вам ответ, но думаю, что такое созвучие не могло появиться на свет совершенно случайно.

Вполне возможно, что имена родились не каждое само по себе, а одно по другому. Во всяком случае, в их оформлении могло сыграть роль какое-то полушутливое противопоставление их друг другу: «у вас Горки, а у нас Дорки». Или наоборот.

В тех же местах мне были хорошо известны и другие пары топонимов — скажем, ЛЕДЯХА и рядом с ней, тут же по соседству, НЕВЕЛЁХА. Или НАЗАРКИНО и около него АЩЕРКИНО...

Если такие созвучные пары возникают на базе широко распространенных формальных типов (УЛЬЯНЦЕВО и СТЕПАНЦЕВО, ГРИБАЧЁВО и СЕМИЧЁВО), да если еще так названные селения отстоят далеко друг от друга, в этом нельзя усмотреть ровно ничего особенного. Если в Балтийском море есть остров БОРНГОЛЬМ, а на Ладожском озере стоял городок КЕКСГОЛЬМ, то тут ничего не выведешь, кроме того, что в обоих названиях участвует шведское слово «хольм» — остров. Таких имен очень много: СТОКГОЛЬМ, ФИКСГОЛЬМ, БОРНХОЛЬМ, ТИДАХОЛЬМ — Швеция полна ими. Но когда на всем доступном мне пространстве Псковщины в двадцатых годах я нигде не встречал топонимов с такими суффиксами («-иха» попадалась),

а тут вдруг рядом лежали сразу два населенных пункта со сходно звучащими именами, это уже вызывало некоторую настороженность.

Были там еще два поселка, КАМЕНКА и РАМЕНКА. Каменок много. Так охотно называются и речки с каменистым дном и деревни, поля которых усеяны характерным для многих мест России ледниковым булыжником. Раменка тоже распространенный топоним со значением весьма разнообразным. Русское слово «рамень» в разных местах страны означает очень многое — и опушку леса, и край пашни возле лесного массива, и селенье около леса, и «клин однородного леса». Каждое из них могло послужить основой для топонима.

Но вот столкновение сразу двух таких названий, отнесенных к двум смежным деревням, конечно, наводило на размышления.

Наводит оно меня на них и сейчас. И я думаю, что если кто-либо из моих читателей займется специально коллекционированием парных названий такого типа, то, подобрав их побольше, он сможет заметить какие-нибудь закономерности, доныне ускользавшие от невнимательного взора. Может быть, строгий ученый-топонимист и пожмет плечами: его сами названия интересуют больше, чем то, что происходило в голове у их изобретателя. Но я — болельщик топонимики. Меня внутренние процессы называния весьма привлекают и интригуют: в них выражается какая-то существенная сторона психологии человека, познающего мир.

...Я сделаю упущение, если не обращу внимания читателей на еще один разряд парных наименований. Я назвал бы его искусственным. У меня он представлен одним, но довольно показательным примером.

На границе Ленинградской и Псковской областей, чуть западнее красивого озера СЯБЕРСКОГО, — название озера очень старо и любопытно, оно, видно, связано с древним, но еще встречающимся на севере словом «себра», означающим «артельную рыбную ловлю», а также «два невода, сводимых при ловле навстречу друг другу», — имеются две малые речки с неожиданными названиями, явно составляющими своеобразную «спорышку»: ЛОШКА и СКОВРОТКА. Так они обозначены на старой десятиверстной карте района.

Об этих двух именах (речки, их носящие, состав-

ляют как бы продолжение одна другой, впадая и вытекая из одного маленького озерка) можно рассуждать по-разному.

Можно измыслить такую гипотезу. Раз озеро было когда-то местом «сяберной» или «сябреной» артельной ловли, могли случиться различные приключения, при которых кто-то потерял, оставил или, наоборот, нашел на одной из речек ложку, на другой — сковородку, откуда и названия. Удивляться не пришлось бы: вспомните остров Котельный, будто бы обязанный своим именем утерянному на нем медному котлу.

Но вот что вызывает некоторую настороженность. И «ложка» и «сковородка» — слова достаточно древние, однако все-таки как топонимы, они выглядят много моложе своих соседей. Смотрите, какой глухой древностью веет от рядом лежащих на карте названий: озеро МУЖ, речка ЛЮБИЧА, рядом озеро ЛЮБИВО, озеро и деревня ВЕРДУГА, озеро ПЕЛЮГА, населенный пункт МУЖИЧЬ, деревня ИЗВОЗЬ... Рядом с ними Лошка и Сковротка производят сомнительное впечатление новообразований, совсем недавно появившихся в глухих древнерусских местах.

Может быть, путь, по которому они прибыли сюда, и на самом деле несравненно более поздний, чем я предположил.

Каждую карту составляли землемеры-топографы. На каждом планшете они встречали наряду с подлинными и всем окрестным жителям хорошо известными названиями множество урочищ безымянных. Бывало так, что «барин-топограф» сердито требовал, чтобы ему назвали ручей или болото, и сопровождавшие его мужики (а порой и мальчишки) выдумывали первое попавшееся имя, справедливо полагая, что «барин» в таких делах — темная бутылка и правды от кривды не отличит. Вспомните историю с «Наволоком, Еще-Наволоком, Еще-еще-Наволоком», появившимся на карте Имандры благодаря такому же недоразумению между старым саамом-проводником и ученым-географом, учитывавшим его сообщения. А возможен и иной поворот. Я уже цитировал искреннее огорчение И. Соколова-Микитова, горевавшего по поводу примитивизма тех лиц, которым падает на долю окрещивать «географию» в безымянных местах. Помните? «Встретил путешественник на вновь

открытой реке зайца, стала река Заячьей. Увидел стаю волков — Волчьей».

Мастер слова Соколов-Микитов относился критически к такому методу называния, а великое множество рядовых топографов ничуть не смущалось им. Уронил в воду ложку — назвал безымянную речку Ложкой, нашел старую сковородку — окрестил Сковородкой... Может быть, отсюда эти имена?

Может, но и не может... Достаньте, если удастся, в какой-нибудь библиотеке десятиверстную карту 1868 года, перепечатанную в августе года 1920-го, и всмотритесь в окрестности Сяберского озера.

Четко напечатано: «р. Лошка», «р. Сковротка». Если бы топограф сам выдумывал названия, он, конечно, написал бы «Ложка» и «Сковородка». А он, по-видимому, вслушивался в произношение местных жителей, может быть, наводил справки по кадастровым планам.

Значит, как же решить, на чем остановиться?

А я как раз и мобилизовал этот пример для того, чтобы лишний раз показать вам, что в самых простых названиях мест таятся презапутанные загадки. И еще для того, чтобы стало ясно: нет названий простых, все сложны, каждое требует для своего окончательного истолкования больших, часто непропорционально больших усилий.

Что же я скажу все-таки про эту пару топонимов? Конечно, перед нами еще один образчик спорышки. Но как образовалась спорышка и каков ее сокровенный смысл, я вам разъяснить не могу.

Да и каждому, кто решил полностью или отчасти посвятить себя вопросам топонимики, следует раз навсегда принять в расчет: только очень малый процент имен мест может быть бесспорно разъяснен и истолкован. Огромное количество их и сейчас остается нераскрытым, да, вероятно, никогда раскрыто не будет.

Так тем более следует торопиться, работать над теми, которые мы пока еще имеем возможность разгадать. Чем старше, тем они становятся таинственнее, речь их делается глуше, и, наконец, они могут онеметь навсегда.

УТОПИЯ

1516 год. Над миром горит заря Возрождения. Лучи ее еще не везде с одинаковой яркостью освещают землю.

Только четверть века назад Колумб отплыл из Палоса в Неведомое. Только через три года продолжит его дело Фернандо Магеллан. Галилей родится через сорок восемь лет, Даниель Дефо — через сто сорок три и Джонатан Свифт — через сто пятьдесят один год.

Еще в далекой Московии сидит на великокняжеском престоле князь Василий, отец Иоанна Грозного, сын византийской царевны. Еще Мартин Лютер ревностно перепечатывает творения католиков-мистиков и мечет чернильницами в самого настоящего дьявола.

Но в швейцарском Базеле уже живет прославленный автор «Похвалы глупости», Герхард Герхардс, голландец, более известный под именем Эразма Роттердамского.

И он пишет письма в туманный Лондон, члену, а потом и председателю Палаты общин Томасу Мору...

В один спокойный вечер досточтимый Томас Мор сам садится к столу, обуреваемый стремлением написать книгу и изложить в ней свое, уже сложившееся кредо гуманиста.

Он берет в руку гусиное перо и выводит на чистом листе заголовок:

«Золотая книга, столь же полезная, как забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопии...»

Рождается новое слово, и не просто слово, а топоним. Только не обычный, не из тех, о которых мы до сих пор говорили, а утопический.

Образованнейший человек своего времени, Мор захотел изобразить государственное и общественное устройство, которое представлялось ему идеальным.

Он отлично понимал, что в реальном мире в его время оно не может возникнуть нигде. Свою фантастическую страну он вынес на вымышленный остров, которого тоже нигде не существовало, и назвал его УТО-

ПИЕЙ, умело и хутроумно связал в единое целое два греческих слова — отрицание «у» и существительное «топос». Первое значит «не», второе (оно же входит и в название науки, которой посвящена эта книга) — «место». Утопия, страна, не имеющая места, безместная. «Остров Небывалец» — вот что значило имя.

Ни сам Мор, ни его биографы не поведали миру того, как пришло в голову великому человеку, остряку и мудрецу, другу королей и жертве палача, свободомыслящему философу и верующему католику, как ему пришло в голову само название для его чудесного острова. Мы знаем только, что он усердно занимался греческим языком, а в то время в Англии язык этот признавался опасным предметом для изучения.

Но можно поручиться за одно: самый остроумный человек своего века (таким его признавал великий Эразм), несомненно, никак не мог предугадать судьбы изобретенного им слова. Подумайте сами: «утопический», «утописты», «утопизм» — что только не называют им спустя полтысячелетия после его появления на свет!

Мы говорим об «утопическом социализме». Мы на-

зываем «утопической» определенный вид литературы, делая это слово синонимом слова «фантастический».

Само название «утопия» потеряло прописную букву в своем начале, стало значить в общежитии «безудержная фантазия, ни на чем не основанная выдумка». Имя места вымышленного приобрело большую жизненность, чем многие его вполне реальные собратья.

Был в древнем мире топоним УТИКА — город неподалеку от Карфагена. Что осталось нам от него? Прозвище одного из римских полководцев, Катона Утического, и только. Одним лишь историкам название знакомо и вызывает у них какие-то ассоциации. А имя никогда не существовавшего острова Утопия звучало, звучит и будет звучать.

Тезка Томаса Мора, итальянец Томмазо Кампанелла родился для долгой и нелегкой жизни через тридцать два года после того, как голова великого англичанина скатилась с окровавленной плахи, — в 1568 году. Его не казнили, его только продержали почти тридцать лет в неаполитанской тюрьме.

Выйдя из нее, он выпустил в свет удивительное сочинение — полуроман, полуфилософский трактат. Дей-

ствие, как и у его старшего собрата, разворачивается в идеальной стране, в городе не то что будущего, в городе мечты. Город носит гордое имя ЦИВИТАС СОЛИС — «Город Солнца», «Солнцеград»...

Город Солнца и Утопия — почти что синонимы, как МОНБЛАН — Белая гора Альп и БЕЛУХА — Бе́лая гора Алтая... Потребность воображать себе дивные города и страны, где жизнь идет так, как хочется, чтобы она шла, человеку, подавленному и возмущенному ее действительным течением, висит в воздухе.

И не только висит, но все чаще и чаще дождем выпадает в мир.

Явился Свифт и выбросил читателям целый ворох всевозможных тщательно продуманных вымышленных топонимов. Тут и ЛИЛИПУТИЯ — страна низкорослых человечков, тут и ее столица МИЛЬДЕНДО. Тут БЛЕФУСКУ, соседняя с Лилипутией страна. И БРОБДИНЬЯГ — страна великанов. И ЛАПУТА — остров странных чудаков, а за ней БАЛЬНИБАРДИ, ЛОНЬЯГ, ГЛЮБДОБДРИБ, и все это рядом с нормальными ЯПОНИЕЙ, НОВОЙ ГОЛЛАНДИЕЙ... Целый неведомый мир вымышленных стран и таких же созданных безудержной фантазией топонимов.

Не всем им суждена долгая жизнь моровской Утопии.

Мы с детства знакомимся со Свифтом, яростнейшим из сатириков мира, как с веселым сказочником, и влюбляемся в его вымыслы, даже еще не замечая яда, брызжущего из них. Проходят годы, и кто из нас хоть раз в пять лет упомянет слова «Бробдиньяг» или «Лапута»? А лилипуты и Лилипутия не сходят у нас с языка.

Лилипуты — как бы этноним, название открытого Свифтом народца. Но — только в результате русского, не совсем точного, перевода. Английские «лилипьюшн», собственно, означает «лилипутийцы», жители Лилипутии: так у Свифта называется сама страна. Свифт сотворил прежде топоним и только от него произвел название народа, а не наоборот. Интересно, откуда все-таки он взял нужные материалы, нужное звучание?

Гордые слова Утопия или Цивитас Солис раскрывались очень легко — грецизм и латинизм. Я совершенно не знаю, как были сложены такие названия, как

«Бробдиньяг» или «Глюбдобдриб». Имя Гуингнм, по-видимому, Свифт построил, так сказать, «на базе» лошадиного ржания, этакого всемирно известного «и-го-го»...

А вот с Лилипутией и лилипутийцами сложнее. Конечно, можно было бы думать, что и их имена тоже сочинены им «просто так», как экзотические столкновения ничего не означающих звуков: ведь именно так Свифт строит речь своих шестидюймовых героев. Передавая их разговоры, все эти «гекина дегуль», «тольго фонак» и «панго дегюль сан», он навряд ли вкладывал в них что-либо, кроме чистой фонетики. Однако... Да, есть некоторые «однако».

В шведском языке существуют слова «lilla» — крошка, малышка (о девочке), «lille» — то же самое, но в применении к мальчику. Есть там и слово «puttinafsk», «putte» — малютка, малыш, пупсик, ангелочек.

Мне не известно, изучал ли и знал ли Джонатан Свифт шведский язык. Но для того чтобы знать эти слова, не нужно углубленного овладения языком, они могли войти в его словарный запас случайно. И очень легко могли соблазнить его на их объединение в одном наименовании «страны людишек-крошек» — Лилипутии.

Вполне возможно, что так оно и было.

Думается, поразмыслив над другими изобретенными Свифтом топонимами и названиями народов, можно было бы и там добиться каких-либо если не открытий, то гипотез. Но с нас пока достаточно этого.

Я приводил примеры «топонимотворчества» гениальных людей, великих мастеров языка, слова и мысли. Но, само собой, оно стало возможным только потому, что стремление и умение измышлять названия нигде не существующих стран всегда жило в художественном творчестве всех народов. Достаточно перебрать памятники русского фольклора.

Искони веков народ воображал себе разные дивные, небывалые, сказочные страны. Порою — как у Мора и Свифта — чудесные края счастья и радости, крестьянской справедливости, человеческой правды. Порою, наоборот — обители всего дурного, черного, злобного, что так хорошо он испытывал у себя дома и что стремился

нарисовать наиболее резкими чертами где-то там, за тридевять земель.

Живо в наших преданиях и народных сказках АЛЫБЕРСКОЕ ЦАРСТВО, подобно свифтовскому Бробдиньягу, населенное могучими великанами. Откуда взялось столь звучное имя? Судя по всему, оно связано с тюрко-татарским выражением, «алыб-ири́», которое именно и значило «великан». Так по крайней мере судит о нем известный ученый, специалист по русской этимологии М. Фасмер.

Упоминается в сказках, былинах и преданиях заморская ВЕДЕНЕЦКАЯ ЗЕМЛЯ. Разгадывая утопический топоним, люди науки строят различные предположения. С одной стороны, он кажется им связанным с именем уже в древние времена всему миру известного итальянского торгового города ВЕНЕЦИИ. Жителей Венеции наши предки именовали «венедици». В «Слове о полку Игореве» в гриднице Святославовой толпятся люди:

> Ту немци и венедици,
> ту греци и морава,
> поют славу Святославлю,
> кают князя Игоря...

Хорошо известно, что в сложных, особенно иноязычных, словах славянские языки допускают нередко так называемые «метатезы», перестановки звуков. В древней Сербии хождение имели венецианские монеты, «пистоли», сербы именовали их «ведениками», а не «венедиками». Вполне вероятно, что слово «веденецкий» образовалось таким же способом.

Но есть и другая возможность. Совсем близко от старых русских пределов, где-то на балтийских берегах, стоял, если верить сказкам, дивный город ЛЕДЕНЕЦ...

Нет, не построенный из сладостей город детских выдумок. Есть кое-какие основания полагать, что такое имя наши предки придавали старому ТАЛЛИНУ — РЕВЕЛЮ, первоначально — датскому замку в стране эстов. Откуда оно взялось?

Слово Таллин так и значит «датская крепость» (ли́нна). Но известно, что в средневековых латинских источниках город обозначался как ЛИНДАНИССА.

Слово одни выводят из скандинавских «линда» — необработанная земля и «нэс» — коса, мыс; другие связывают его именно с финским «линна» — крепость. От «Линданисса» до «Леденец», как вы сами понимаете, проложить мост не столь затруднительно для языка...

А раз так, то возникает вероятие, что имя Леденец, Леденецкая Земля могло преобразоваться в Веденецкую Землю. Нельзя забывать, что в те времена легенды, сказки, просто рассказы передавались не книжным путем, не при помощи письменных знаков, обладающих способностью закреплять и сохранять то или другое произношение, а по памяти, из уст в уста, когда звуки отступают на задний план перед смысловым образом имени, а образ может видоизменяться самым причудливым путем —лишь бы он не обессмысливался.

Так и город Леденец (от «лед, ледяной») мог легко превратиться при бесчисленных переходах из головы в голову в Веденец (от «вести», «веденый»).

Трудно рассчитывать на то, чтобы когда-нибудь нынешняя двойственность в объяснениях заменилась тут бесспорной точностью. Примиримся с нею: топонимика!

Живет в старых преданиях русских сказочная река СМУГРА, на которой киевские богатыри разгромили витязей Цареграда, она упоминается в «Сказании о киевских богатырях». Очень возможно, что в повествовании отразились несравненно более поздние события. Как известно, в 1480 году хан Золотой Орды Ахмат двинулся на Москву, все меньше и меньше подчинявшуюся ордынской воле, но был остановлен московской ратью на берегу реки УГРЫ. Долго два войска стояли друг против друга, наконец, не выдержав, Ахмат отступил восвояси. Тут, на реке Угре, закончился несчастный период чужевластия на Руси, Московское государство окончательно закрепило свое право на, как теперь мы говорим, «суверенное» существование. Такое событие не могло не отразиться в народной памяти и в народной поэзии. Но газет и печати тогда не было, связи между Москвой и далекими окраинами земли Русской, где жили и творили свои «старины» олонецкие, архангелогородские, мезенские сказители, были сложными и трудными. Как было им, все время витавшим в былинном мире времен Владимира киевского, не приспособить к тем, ос-

вященным уже поэзией, временам и современные новости?..

Вероятно, в сложном процессе творческого претворения живых событий жизни в золото эпической поэзии реальная река Угра и стала сказочной Смугрою.

Существующее в нашем фольклоре ЗАДОНСКОЕ ЦАРСТВО, казалось бы, должно было находиться «за Доном», где-то в предкавказских степях, у Азовского моря. Изыскания литературоведов, однако, не позволяют поместить его там, несмотря даже на то, что «царством» правил «задонский салтан».

Судя по тому, что с тем сказочным царством связывается деятельность Бовы Королевича, а этот герой древней поэзии пришел к нам из итальянской поэзии, есть основания считать, что в Задонское царство наши полупереводчики, полуподражатели чужеземным легендам превратили СИДОНИЮ — страну города СИДОНА. Там и жил прототип нашего Бовы Королевича.

Очень смутно все то, что языковеды могут сказать по поводу славного КИТЕЖА-ГРАДА, утонувшего в водах глухого озера в Горьковской области, чтобы избежать Батыева полона и разорения. Имя баснословного города иногда передается как КИДИШ, что дает этимологам повод связывать его с финским «кидес» — глубокая пещера. Но уверенности в законности такого сопоставления пока что ни у кого нет. Надо искать более убедительных этимологий. Может быть, найти их падет как раз на вашу долю, мои читатели...

Встречаются в устном (теперь уже, правда, давно записанном) народном творчестве и, так сказать, «полутопонимы». Тот, кто знает русские былины, помнит неоднократное упоминание в них КРЕСТА ЛЕВАНИДОВА. Богатыри проезжают мимо него, назначают у него свои встречи. Это одновременно как бы некий памятник прошлого, но и название места. По просторам нашей страны в свое время было разбросано немало крестов, либо просто установленных на холмах и росстанях, либы высеченных на огромных валунах. Один такой крест сохранился доныне на выступающем из воды камне на Западной Двине ниже Витебска. Его, как и многие другие, оставил нам полоцкий князь Борис в качестве путеуказующего знака у опасного для плавателей места. Из-

вестен крест у впадения Верхней Волги в Стреж-озеро. На нем написано: «6641 года месяца июля 11 дня почах рыти реку сию яз, Иванко Павловиц и крест сь поставих». 6641 год по нашему счету — год тысяча сто тридцать третий.

Подумайте только: «Слово о полку Игореве» будет создано лишь пятьдесят четыре года спустя. Сам Игорь двинется «почерпнуть шеломом Дону» через пятьдесят два года... Какая бесконечная даль! Но в этой дали уже Иванко Павлович утвердил свой памятник на берегу великой реки в глухой лесной чаще, возле мало кому в мире ведомого озера!.. И он достоял до нас.

Не удивительно, если историк Н. Воронин пишет: «Запечатленный в народном эпосе Леванидов крест на Пучай-реке отражает привычный образ путевого креста на «пучинах» у порогов и перекатов».

Мы знаем теперь об ИГНАЧ-КРЕСТЕ на Селигерском водном пути. Знаем о БОРИСОВОМ КАМНЕ с крестом на Двине. Почему бы не быть где-нибудь когда-то и Леванидову Кресту? Такое же имя, как все остальные.

Однако опытные исследователи заподозрили тут наличие и второй возможности. Не исключено, что крест назван «Леванидовым» не потому, что его сооружал какой-то Леонид. В греческих церковных памятниках нередко определением «либанитес», то есть изготовленный из ливанского кедра, сопровождается описание «креста господня», того, на котором, по преданию, был распят Иисус Христос. Очень может быть, что «честной крест Леванидов», который видели на своих путях наши богатыри, был отражением в уме слагателей былин образа мифического креста и его греческого эпитета.

Для нас сейчас это не составляет разницы: несомненно, каждый такой крест служил в свое время важнейшим опознавательным признаком места. И Игнач-Крест и Борисов Камень, безусловно, могли превратиться в топоним. Мог быть таким топонимом и «Леванидов крест». Пусть не реальным, вымышленным. Мы ведь как раз такие сейчас и рассматриваем. На этом примере особенно ясно видим, что любой топоним, подлинно существующий или только творчески воссозданный, строится всегда на один лад, в одной общей манере и системе. Это-то как

раз и делает вымышленное столь же живым, как и реально сущее...

Как антитезу к Смугре-реке, связанной с радостными воспоминаниями об одержанной великой победе (неважно, какой именно: все победы Родины радуют народную память), надо назвать другой сказочный поток — САФАТ-РЕКУ.

На Сафат-реке свершилось событие трагическое и печальное: на ней пришел конец русским богатырям. В результате несчастной битвы с подавляющими силами «поганых» врагов они окаменели на поле сражения.

Но исследователи не без основания видят в затейливом, не по-русски звучащем имени мрачной реки отголосок совсем инородных славянскому миру, занесенных к нам с христианством библейских мифов. В Ветхом завете неоднократно упоминается ДОЛИНА ИОСАФАТОВА, в которой когда-либо бог Иегова созовет народы на свой верховный суд. Своего рода «Долина Смерти». Из этой самой Иосафатовой долины, вероятно, и «вытекла» траурная Сафат-река нашего народного творчества.

Я не имею никакого намерения перечислять здесь все без исключения фантастические топонимы русских сказок, преданий, легенд. Да это и невозможно.

Я мог бы, разумеется, коснуться «отчества» реки ДНЕПР: в устном народном творчестве он — СЛАВУТИЧ, то есть «сын славы».

Я мог бы, вслед за А. Веселовским, поразмышлять над именем былинной СОРОГИ-РЕКИ, возможно представляющем собою какую-то вольную вариацию на древний топоним СУРОЖ — торговый город в Крыму. В то же время я призадумался бы над возможной связью этого гидронима с северным названием рыбы «сóроги», которую Даль приравнивает к плотве, а Фасмер относит к ельцам. Этимологи выводят ее имя из финского «сэрки» — плотва, красноперка, но видят в таком производстве существенные трудности: из «сэрки» по законам языка должна бы в русском получиться «серега», а не «сорога»... И все-таки то, что рыба, которую так зовут, водится в реках нашего Севера, именно там, где сказывались и веками хранились древние «старины» — былины, делает связь между рыбкой и именем реки, как мне представляется, довольно вероятной.

Можно было бы вспомнить топоним ЗЕМЛЯ ТРОЯНЯ, полусказочный, полупредысторический. По-видимому, он связан с именем римского императора Траяна, утвердившего власть Рима на берегах Дуная и Прута, в непосредственном соседстве с землями наших предков, и преобразившегося в их памяти в какое-то грозное языческое полубожество.

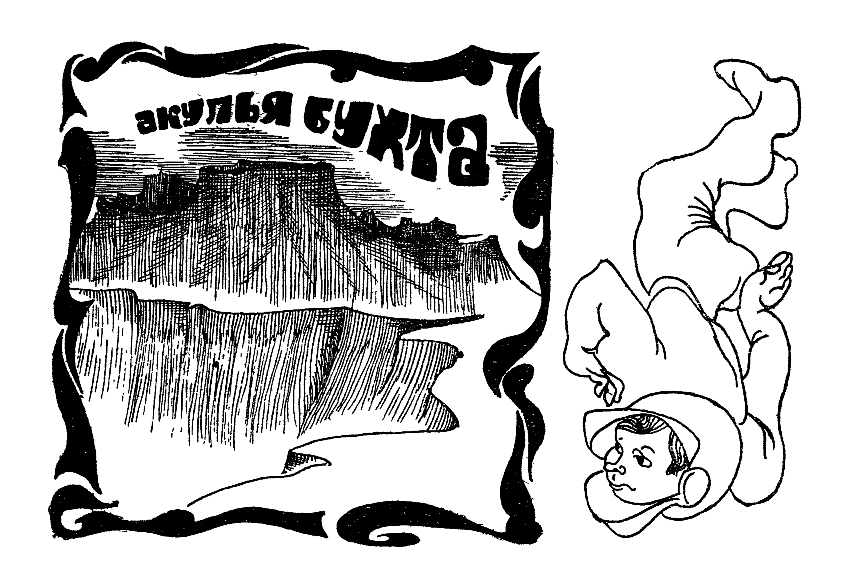
Встала обида в силах Дажьбожа внука,
Вступила девою на землю Трояню...

Так щемяще-образно и в то же время так смутно говорит «Слово о полку Игореве»... Где именно была расположена Трояня земля? Почему она называлась так, кем была названа? Мы можем только гадать...

Ну и наконец, пришло мне на память милое имя былинной речки СМОРОДИНКИ. Казалось бы, проще простого. По берегам стольких глухих северных речушек кустятся заросли неприхотливой дикой смородины, так душисты они летним днем, так приятно было древним людям вдруг наткнуться в чаще на сочные кисти черных ягод, что как будто все ясно. Смородинка значит — река, текущая в зарослях смородины...

Да, но что вы скажете, если я напомню вам, что у нас на Севере существует не одна, а много рек с именами СМЕРДА, СМЕРДЕЛЬ и им близкими?

«Смерда», «смрад» и «смородина» — слова одного корня. Наши пращуры были не так взыскательны к запахам, как мы: может быть, чуяли они их лучше, но наши вкусы и наше распределение запахов на приятные и неприятные были им, вероятно, чужды. Смородина-ягода названа так за свой крепкий, но, несомненно, приятный аромат. «Смердами» звали крестьян, — вероятно, высказывая презрение к вечно копошащимся в земле, возящимся с навозом, рабам и женщинам, на которых главным образом лежали тяготы земледелия, — белорукие, ухоженные дружинники и гридничьи отроки князей. Слово означало зловонные, тут оно подразумевало совсем не аромат. А там, где слова этого корня становились топонимами, они могли означать просто «пахучая», без всякой, положительной или отрицательной, оценки запаха. Мало ли существует рек, раздвинув прибрежные кусты возле которых, вы вдыхаете внезапно сильный запах! Иногда приятный, диких трав, мяты, хмеля, валерь-

яны. В других случаях — кружащий голову от какого-нибудь болиголова или багульника. Порою — ржавый запах торфа и железистой воды...

Старые «называтели» вовсе не думали о нас, для которых слово «смрад» приобретет единственное значение — вонь, отвратительный запах. Они даже не подозревали, что так произойдет. И вполне возможно, реку они называли Смородинкой не по ягоде-смородине, а за то же, за что и эта ягода носит свое имя. За запах. Какой? Представления не имею.

НАШИ ДНИ, НАШИ СКАЗКИ...

Прошли столетия. Мир изменился. Теперь даже самому заядлому мечтателю не придет в голову вообразить себе на круглом глобусе земном незнаемую страну с молочными реками и кисельными берегами — прекрасный и счастливый остров Утопию. Им не осталось места под размеренной сеткой нанесенных для скуки долгот и широт.

Человечество поняло: мечтать о счастливой стра-

не стоит только для того, чтобы реально существующие страны сделать счастливыми. Построить Утопию наяву.

Правда, еще не так давно старые грезы жили в головах людей. Помните СТРАНУ МУРАВИЮ, куда собрался — вчера, в двадцатых годах! — маленький, измотанный тяжким детством и юностью Никита Моргунок Твардовского? Ведь «Муравия» его мужицкой мечты одной ногой стояла там, на острове Утопия. Но шаг второй ногой Моргунок уже готовился сделать в свое подлинное завтра. В наш мир.

Страна Муравия? Как возник в голове у поэта тот чисто сказочный топоним?

Бог весть, конечно; рассказать об этом мог бы только сам Твардовский. Но, думать надо, ему подкинула имя богатая народная память.

Навряд ли приходил ему на мысль древнегреческий, на Боспоре Киммерийском, возле нынешней Керчи и Тамани, стоящий город МИРМЕКИЙ, эллинская колония. А ведь имя Мирмекий значило «Муравьеград», «Муравейск». Искони веков муравьи представлялись людям образцом трудолюбия и справедливости, приме-

ром «совестного» распределения общественных прав, обязанностей и благ.

Не знаю, думал ли Твардовский, работая над своей поэмой, о детских годах Льва Николаевича Толстого. А ведь Николенька Толстой придумал игру в «муравейных братьев», игру во всеобщую любовь, в нравственный подвиг. Удивительная была игра, и сам Толстой, размышляя впоследствии над ее благородной странностью, задумывался: а почему именно «муравейные»?

Очень может быть, что Николенька Толстой слышал что-то о моравских братьях, религиозной секте, проповедовавшей еще в XV веке «учение о справедливости», возвращение к «святой простоте жизни первых христиан», ко всеобщему равенству и нравственной чистоте. В тянувшейся к правде душе ребенка «моравские братья» превратились в «муравейных», и кто знает, не идет ли от них к Стране Муравии Твардовского подводная, внутренняя, неосознанная нить?..

Так или иначе, страна эта выглядит в нашей послереволюционной литературе как одна из самых последних утопий. И кроме того, ее название, конечно, является самым настоящим, по всем правилам построенным топонимом.

Теперь заботу о сотворении утопий взяла на себя научно-фантастическая литература. Земля вся обследована и обжита, на ней не осталось «белых пятен», на просторе которых могли бы возникать выдуманные страны и города. Зато нам открылся весь космос, и утопии перенеслись в удаленные галактики, в бесконечные дали вселенной.

Однако писатели-фантасты если и пытаются придать рисующимся их взору «иногалактическим» мирам черты вещественные, реальные, все же редко доходят до необходимости сочинять названия тамошним странам, городам, рекам, озерам, островам. Чаще всего они останавливаются на наименовании далеких звезд и планет. Изобретая причудливые имена своим героям, они водят их по безымянным равнинам и горным хребтам неведомых планет. А там, где название и возникает, оно мелькает, почти не задевая нашего слуха и ума, как нечто маловыразительное и необязательное.

Уэллсовы «алои» не сообщили путешественнику во времени ни современного им, ни прошлого названия города, где он их нашел: можно только догадываться по косвенным признакам, что когда-то он был Лондоном. Безымянны, если я, не ошибаюсь, и всемирный город, где проснулся Спящий, и другой такой же всесветный Вавилон, в котором мистер Моррис (Уэллс скрупулезно отмечает, что в то время его фамилия произносилась уже как Мьюррес) готовится покончить счеты с жизнью при помощи «Треста Легкой Смерти». Да, если они и возникают в фантастических романах, названия несуществующих мест, они кажутся несущественными, не заинтересовывают нас, не оседают у нас в памяти.

И. Ефремов засыпал нас в «Туманности Андромеды» великим множеством удачных или неудачных, но тщательно продуманных, замысловато сочиненных личных имен-характеристик. У него далеко не без расчета потомок русских людей именуется Даром Ветром, а праправнук негров — Мвеном Масом. И Веда Конг, и Низа Крит, и еще множество персонажей носят свои имена, и читатель их как-то запоминает. А вот названий мест там почти нет.

Я не прав: их достаточно, но то обычные топонимы нашей Земли. За исключением одного-единственного, ОСТРОВ ЗАБВЕНИЯ, да еще полутопонима, скорее технического термина, СПИРАЛЬНАЯ ДОРОГА.

И получается так, что в мире Грядущего антропонимы стали совершенно иными, а топонимы остались теми же, что много веков назад: Пур Хисс, Рен Боз, Эвда Наль, Мор Ом, Гром Орм устраивают водоснабжение в Западном Тибете, восстанавливают леса на плоскогорье Нахебта в Южной Америке, производят раскопки к югу от Сицилии, видят Берингов пролив, гору Кения и реку Луалабу.

Может быть, это и естественно. На мрачном Острове Забвения есть какие-то поселки — новые, а в то же время, как все на этом острове прошлого, так сказать, старого образца. Но и они не названы. «Я — Онар из ПЯТОГО ПОСЕЛКА», — рекомендуется тамошняя девушка, и то едва ли не единственный микротопоним на острове.

Я не берусь судить, в чем тут дело и почему наши современные писатели-фантасты так холодны к фантастике топонимической. Да, может быть, я и не совсем прав: ведь не обследовал тщательно всю нашу фантастическую литературу, говорю только о своем субъективном впечатлении.

Но невольно вспоминается «Таинственный остров» Жюля Верна, где несколько страниц посвящены вопросам наименования отдельных урочищ удивительного клочка земли. Автор заставляет там своих героев выбирать между почти всеми известными типами топонимии и наделять бухты, ручьи, горы — места их обитания — именами совершенно человеческими и вместе с тем заново созданными, нигде до того не существовавшими.

ПЛАТО ДАЛЕКОГО ВИДА очень напоминает нам реальную гору КАЛОСКОПИ в Греции: слово «калоскопи» означает именно «прекрасный вид». ЗАЛИВ АКУЛЫ повторяет имена многочисленных КИТОВЫХ, ТЮЛЕНЬИХ и прочих бухт мира. Если на острове появилась ГОРА ФРАНКЛИНА, то она ничем не отличается от ЗАЛИВА ФРАНКЛИНА, ПРОЛИВА ФРАНКЛИНА, реально существующих на карте мира.

И надо сказать, наличие всех этих макро- и микротопонимов делает вымышленный остров обжитым, уютным и как бы на самом деле сущим. Они очень похожи на то, что на самом деле есть. Они построены так же, как человечество долгие века строило и строит настоящие имена мест.

Мне кажется, даже перенося читателей на самые отдаленные планеты, нашим фантастам не мешало бы окружать их фантастической топонимикой.

НАД ТОПОНИМИКОЙ ПОДШУЧИВАЮТ

Вы слышали когда-нибудь про такую страну МУФФРИКА? Конечно, нет. А между тем именно так голландцы в прошлом в шутку именовали немецкий город ГАННОВЕР. Они произвели «псевдотопоним» из сочетания двух элементов: названия континента Африка и позднелатинского слова «муффила», означавшего какой-то вид меховых рукавиц. По-видимому, «муффри-

канцы», то есть ганноверцы, осточертели голландцам своими не похожими на голландские деталями одежды. Дикарями они им, наверное, казались. Чем-то вроде тогдашних ниам-ниамов и готтентотов. Это бывает между соседями...

Вероятно, с тех пор, как древние люди начали закреплять за местами названия, стали давать (особенно местам людского поселения) устойчивые имена, в умах людей имя места начало сливаться с представлением о его жителях, а не только о его ландшафте и особенностях. Имя становилось как бы составной частью самого называемого места, а затем его воздействие распространялось и на население.

Наверное, именно самое звучание топонима ПОШЕХОНЬЕ (значение-то его совсем нейтрально, «местность по Шексне», только и всего) предопределило бесчисленные шутки и насмешки над жителями ничем не отличающегося от сотен других российских уездных городков города.

Вероятнее всего, длинное и несколько неуклюжее название ЦАРЕВОКОКШАЙСК (теперь ЙОШКАР-ОЛА) заставило город ста́ть воплощением глуши, образцовым «медвежьим углом» царской России. А ведь если раскрыть его смысл, ничего в нем не таилось предосудительного: «Царский городок на реке КОКШАГЕ». Даже «царский»! Но и это не помогло!

Пожалуй, еще ЧУХЛОМА могла соперничать с этими двумя олицетворениями глубокого провинциализма, уездной темноты, тупости и невежества в дореволюционные времена. Слово «чухлома» стало синонимом слов «глушь», «невежество». А ведь до сих пор топонимисты еще не могут определить, каков корень и происхождение его. Ищут в финских языках, находят там сходные основы со значением «нырять», но правдоподобно связать их с нашей Чухломой не умеют.

Становясь фактом языка, любое имя могло нацело оторваться от своего явного или скрытого значения, начать играть в нем только как чистое звучание, сделаться объектом всевозможных словесных фокусов и забав. Оно входило, скажем, в строй слов рифмующихся, и уже тем определялась его дальнейшая судьба, а нередко и репутация людей, которым судьба повеле-

ла родиться и жить в сфере действия данного топонима.

Вряд ли следует думать, чтобы дореволюционные орловцы были менее чисты на руку, чем их соседи туляки или куряне. Но вся страна помнила рифмованную присказку:

ОРЕЛ да КРОМЫ — первые воры,
А ЛИВНЫ — всем ворам дивны,
А ЕЛЕЦ — всем ворам отец,
Да КАРАЧЕВ — на придачу...

Помнила и хранила смутное подозрение, что, может быть, и нет дыма без огня? Недаром же все так складно уложилось в присказку!

Притом вполне возможно, что в далекой древности, когда складывалась поговорка, самое слово «вор» имело еще не наше нынешнее, а иное, старорусское значение. «Вор» в те времена могло означать «изменник родины», «бунтовщик», «правонарушитель» в широком смысле — вообще очень многое, а вовсе не «тать», не «тот, кто крадет». Вспомните «Тушинского вора» — прямого врага московской власти. И вполне возможно, что «первыми

ворами» Орел да Кромы (то есть обитатели этих мест) прослыли, еще когда города лежали на самой южной окраине Московской Руси, когда само название «кромы» означало ее край, рубеж, «кромку», когда за ними в «Диком поле» скрывались беглые мужики, когда в самих их пределах могло находить поддержку и покрытие всякое «воровство», то есть борьба с царской властью.

Давно миновало время такого чисто народного, фольклорного обыгрывания топонимов.

Но мало-помалу с возникновением самой науки об именах мест и даже до того, как только стал намечаться интерес к их значениям и происхождению, по мере того как исследование стало доходить до широкой публики и даже вызывать у нее известный «модный ажиотаж», народилось в качестве противовеса ироническое отношение писателей к трудам тогдашних топонимистов-любителей.

Больше всех, пожалуй, уделил времени и места насмешкам над горе-топонимистами великий американский юморист Сэмюэль Клеменс, известный всему миру под веселым псевдонимом Марка Твена («марк твен» на

языке лоцманов с Миссисипи означает «две мерки», две отметки на шесте, которым измеряют глубину фарватера).

Я не знаю, чем исследователи географических имен так раздражали автора «Тома Сойера», но он буквально «не давал им ни отдыху, ни сроку».

В Калифорнии на высоте двух километров над уровнем моря лежит на самой границе штата Невада высокогорное озеро ТАХО. Мне неизвестно, есть ли у гидронима какая-нибудь связь с именем реки ТАХО на Пиренейском полуострове, да, кстати говоря, и у последнего названия происхождение и значение остаются невыясненными. Единственно, что можно сказать, — пиренейское имя, по-видимому, возникло в каком-то очень древнем, дороманском, иберийском языке.

Марк Твен или один из его персонажей попадает однажды на калифорнийское Тахо: местность вокруг него живописна и служит любимым местом отдыха для всего штата.

Тотчас название водоема привлекает его внимание. И немедленно, пародируя стиль американских путеводителей прошлого века, он с репортерским всезнанием начинает рассуждать на топонимические темы.

«Тахо, — пишет он, — и я не берусь судить, что в его рацеях правда и что чистая выдумка; боюсь, что все вымысел, — Тахо значит «кузнечик». Другими словами — «суп из кузнечиков». Слово это индейское и характерно для индейцев. Говорят, что оно из языка пайютов, а может быть, копачей. Уверяют, будто слово «тахо» означает «серебряное озеро», «кристальная вода», «осенний лист». Ерунда! Это слово обозначает «суп из кузнечиков» — любимое блюдо племени копачей, да и пайютов тоже...»

Можно было бы, пожалуй, подумать, что простодушного писателя ввел в заблуждение кто-либо из местных жителей, выдающий себя за знатока индейских языков и жизни. Какой-нибудь бойкий гид.

Нет, не таков он был, Сэмюэль Клеменс, чтобы попасться на подобную удочку. Нет ни малейшего сомнения, он просто лукаво спародировал журнальные рассказы о путешествиях, а может быть, и попавшиеся ему под руку «научные» рассуждения топонимистов его времени. Вот я беру в руки карточки с этимологиями на-

звания американского штата ДАКОТА. Одна из них утверждает, будто оно произошло от самоназвания индейского племени Янктонаис Дакота, что значит «одинокая собака». Другая возводит его к такому же племенному имени Оцети саковин, означавшему будто бы «семь костров совета», оно должно тогда переводиться как «связанные союзом». Третья просто указывает на слово «союзный», а четвертая дает для Дакота значение «друг».

Причем во всех случаях мнения свои высказывают достаточно авторитетные ученые.

Впрочем, их-то Марк Твен особенно любил ловить на слове!

«Карл Великий, король франков, — пряча усмешку в усах, как бы цитирует Марк Твен какой-то важный исторический труд, — искал для своего войска брод через реку Майн. Внезапно он увидел: к реке направляется лань... Лань перешла реку вброд, а за ней переправились и франки. Так им удалось одержать большую победу (или избежать крупного поражения), в память о которой Карл приказал заложить на том месте город и назвать его ФРАНКФУРТОМ, что значит «франкский брод»; а раз ни один из остальных городов так назван не был, можно смело утверждать, что во Франкфурте подобный случай произошел впервые...»

Старый насмешник отлично понимает, что и как он передергивает. Город был назван «франкским бродом» и на самом деле потому, что был основан у брода, а брод лежал в земле франков. Вполне возможно, что первопричиной и верно явилась какая-либо удачная переправа франкского войска через текущий по диким лесам, никому еще не ведомый Майн. А к этому приросли уже все остальные благочестивые легенды. И все же — ему смешно.

Во дни Карла «броды» были редким и важным подарком природы человеку. Они тщательно запоминались. Возле них вырастали поселки и города. Самые торные броды получали названия, и слово «брод» входило в них, только далеко не всегда с такими торжественными добавлениями.

Был ОКСЕНФУРТ — «Бычий брод» в Баварии. Был его прямой тезка — ОКСФОРД в Англии. Был в Германии «Свиной брод» — ШВЕЙНФУРТ. Был грече-

ский «Бычий брод» — БОСФОР между Европой и Азией...

Но бывшему лоцману с Миссисипи были смешны не факты, а наивные комментарии, какими тогда весьма охотно топонимисты и историки облепляли крупицы фактических данных. Вот он и издевался над ними.

Впрочем, точно так же он любил выводить на чистую воду и своего брата, бойкого американского репортера, самонадеянного, всеведущего и невежественного.

Твен пишет биографию другого прославленного писателя США, Брет-Гарта, пишет с любовью и уважением к собрату, но весело, ядовито, как всегда. И тут он не может удержаться от пародии:

«Однажды Брет-Гарт забрел в золотоискательский поселок ЯНРА, получивший свое курьезное имя совершенно случайно. Там была пекарня с вывеской, намалеванной столь пронзительной краской, что и с изнанки можно было прочесть: «янракеп»... Какой-то проезжий дочитал это «янракеп» только до буквы «а» и решил что таково имя самого поселка. Золотоискателям это понравилось, имя привилось».

Дурацкий рассказ? Но ведь даже сегодня экскурсоводы по Полтаве уверяют туристов, что имя реки ВОРСКЛЫ, известное в летописях чуть ли не со времен Киевской Руси, дано ей Петром I после того, как он обронил в ее воды свое «стклo» — подзорную трубку. «Не река, а вор сткла!» — вскричал в гневе победитель Карла XII, и река с тех пор стала называться Ворсклой.

Чем эта история лучше твеновской Янры? А в его времена каждый, кому не лень, особенно в Америке, брался одурачивать публику любыми выдумками в печати.

Тому, кто занимается (или хочет заниматься) изучением географических названий, надо очень ясно представлять себе, что так называемая «широкая публика», с одной стороны, как будто живо интересуется ими, а с другой, до смешного, ничего о них не знает, готова поверить любой чепухе.

В десятых годах нашего века в одном из детских журналов был помещен забавный рисунок с подписью. Маленькая, карикатурно вырисованная большеголовая

американочка, засунув пальчик в рот, с указкой в руке стояла перед географической картой своей страны. «Говорят, что МИССИСИПИ по-индейски значит «отец вод»... Не лучше ли было бы тогда эту реку назвать МИСТЕРСИПИ, и не дочуркой ли приходится ему МИССУРИ?»

Гидроним Миссисипи по-индейски означает, по-видимому, просто «большая река», что, впрочем, окончательно не установлено. Название Миссури переводят как «грязная, тинистая, илистая река» (вспомните нашу Иловатку). Есть и другая версия: производят название от племенного имени индейцев «Большие пироги». Похоже на Твена: «Тахо — Серебряное озеро, Хрустальная вода и Осенний лист».

Но вот именно так добровольные любители поразмышлять над названиями мест и строят для себя их объяснения: было бы созвучие, пусть даже не на языке той страны, где родился и живет топоним, пусть вообще притянутое за волосы, вопреки всякой логике...

Да и не одни только профаны поступают так. Я уже говорил о самогипнозе большого ученого А. Соболевского, приносившего логику и историческое правдоподобие в жертву своим скифским пристрастиям. Я мог бы назвать Н. Марра, связывавшего воедино топоним КИЕВ с именем армянского древнего городка КУАРА и не желавшего принять в расчет, что имя Киев в разных вариантах встречается во многих местах славянского мира и что вряд ли его соображения о родстве, основанные на анализе старых сказочных легенд об основании Киева и Куара, приложимы к сходным топонимам, встречающимся у южных и у западных славян.

О происхождении названия «Киев» и сейчас ведутся споры, но все же кажется, что самое простое решение — производство его от имени первожителя Кыя или Кия — остается и самым близким к истине.

Прозвище «Кий» — «Дубинка» было очень естественным в той древности, когда рождалось имя «матери городов русских».

Любопытно, что довольно ядовитую пародию на топонимические мудрствования примерно такого рода

оставил нам великий драматург XIX века А. Островский.

Молодой Островский начинал свой литературный путь не с драмы, а с прозы.

В подражание гоголевским «Вечерам на хуторе» он в конце сороковых годов написал небольшое произведение отчасти в духе «физиологических очерков» того времени: «Записки замоскворецкого жителя». Как тогда было принято, он предпослал самому сочинению комически важное и ученое обращение к читателям:

«Милостивые государи и государыни!

1847 года апреля 1 дня (обратите внимание: «первого апреля!») я нашел рукопись. Рукопись эта проливает свет на страну, никому до сих пор в подробностях не известную... Страна эта, по официальным известиям, лежит прямо против Кремля, по ту сторону Москвы-реки, отчего, вероятно, и называется ЗАМОСКВОРЕЧЬЕ. Впрочем, о производстве этого имени ученые еще спорят. Некоторые производят Замоскворечье от скворца; они основывают свое производство на известной привязанности обитателей предместья к этой птице. Привязанность эта выражается в том, что для скворцов делают особого рода гнезда, называемые скворечниками... Полагаю так, что скворечник и Москва-река равно могли послужить поводом к наименованию этой страны Замоскворечьем, и принимать что-нибудь одно — значит впасть в односторонность».

Все помнят библейскую легенду о пророке Ионе, которого будто бы проглотил, вопреки своему анатомическому устройству, кит и который пребывал во чреве кита некоторое время. Но мало кому известно, почему она могла сложиться.

Она сложилась потому, что древним людям кит представлялся «рыбой». А долговременные враги Иудеи ассирийцы называли свою столицу НИНЕВИЕЙ. Слово выводили по своему корню из слова «нуну», которое значило «рыба» и даже в письменности изображалось тем же самым клинописным значком-иероглифом, что и рыба. Достаточно для людей: Иона отсутствовал из Иудеи потому, что его съела «рыба». Какая? Конечно, самая огромная, значит — кит.

Такие народные этимологии не сдерживаются ника-

кой логикой. Село БЕКТЯШКА на Волге возводится к сочетанию слов «ох, бег тяжкий», хотя на самом деле связано с тюркским словом «бекташи» — дервиш, через фамилию Бекташевых.

Имя города КИНЕШМЫ объясняется при посредстве выражения «ты кинешь мя», «ты бросишь меня в Волгу»: так будто бы какая-то княжеская жена или наложница кричала, когда разъяренный муж в гневе схватил ее на руки и понес на расправу. А немного дальше она стала взывать: «Режь мя!» — вопреки всякому человеческому естеству, и тут был основан городок РЕШМА.

По сравнению со всем этим милое объяснение Замоскворечья из «скворечник» представляется почти научным. Макс Фасмер, наверное, написал бы: «остроумно, но сомнительно»...

НЕСКОЛЬКО НАПУТСТВЕННЫХ СЛОВ

Человеку равнодушному достаточно двух-трех слов, чтобы описать все, на что падает его спокойный взгляд: город и реку, зверя льва и растение дуб.

Тому, кто полюбил что-нибудь, мало и толстой книги, чтобы рассказать о предмете его пристрастия — о городе, о реке, об удивительном царе зверей льве или о великолепном дереве дубе.

Все сказать невозможно ни о чем. Даже о единой капле воды можно бы говорить бесконечно много.

Я начал писать эту книгу, не рассчитывая, что она сможет служить руководством для подготовки топонимистов.

Я великолепно знаю: одной книги для этого не хватит.

Чтобы стать дельным исследователем географических имен, надо прочитать очень много разных книг, причем три четверти из них не будут иметь прямого отношения к топонимике.

Возьмем одно-единственное название, одно из всех, имя города: МОСКВА.

Москва! Как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нем отозвалось!

Для сердца — да. Но и для ума не меньше. И пожалуй, посложнее...

Десятки различных мнений и предположений были высказаны о том, какое именно значение и на каком языке скрыто внутри этого комплекса из шести звуков.

Тот, кто никогда не задумывался над вопросами о географических именах, воспринимает его как нечто само собою разумеющееся и извечное. Странно: что значит Москва? Оно и значит именно — Москва! Столица. Город на семи холмах. Центр великой страны...

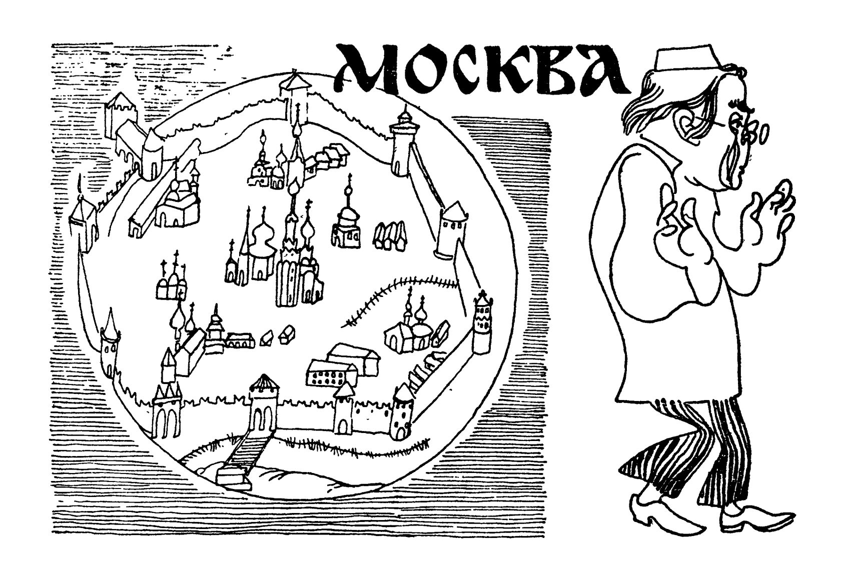
Оно значит — Кремль и окраины, Художественный театр и Пресня, дореволюционный Охотный ряд и современное метро имени Ленина. На Красной площади ленинский Мавзолей насупротив Лобного места и храма Василия Блаженного. И Нескучный сад. И Парк культуры и отдыха. И Кривоколенный переулок. И шоссе Энтузиастов. «Москва» — все это; как же можно спрашивать, что оно означает еще? Имя. Оно существует вечно. Оно — само по себе. Точка.

Более пристальный ум сразу же обратит внимание: есть Москва — город и Москва — река. Река течет по городу, город стоит на реке. Если у обоих одно имя, не может быть, чтобы случайно. Но тогда которое же из двух старше, городское или речное? Кто может сообщить? Наверное, только историки...

Затем всплывает и другое: есть имена рек, каждому понятные. Река ВЕЛИКАЯ. Никто не спросит, что значит ее имя. Есть реки БЕЛАЯ, ЧЕРНАЯ, СИНЯЯ: раздумывать о смысле их названий не приходится. В то же время они показывают, что в именах рек смысл бывает, есть... Почему бы ему не быть и в имени реки Москвы?

Возникает еще одно удивление. Мы уже знаем: есть в нашей стране реки КОЙВА, МИЛЬВА, НЫТВА на северо-востоке. Есть НАРВА, НЕВА, НАСВА на северо-западе. Есть МОСКВА, ПРОТВА, СМЕДВА — в самом центре страны... Что это значит?

Когда мы встречаем группу слов с одинаковыми составными частями — «цыпленок», «котенок», «жеребенок», «ребенок», — мы понимаем: между ними в самом значении их есть нечто общее. А тут как же?

Очевидно, только языковеды могут объяснить нам, в чем дело.

Но речных имен с окончанием «-ва» много на востоке, попадаются на западе, а вот на юге их вроде как и совсем нет. Почему? Запад, юг, восток — понятия географические: очевидно, надо привлечь к делу географию...

Передо мною выписка из многих книг. Вот какие гипотезы были предложены среди прочих для объяснения гидронима Москва. Гидронима потому, что очень редко река получает имя по поселению, несравненно чаще — и чем глубже в прошлое, тем закон неотменимее — поселок или город наименовывается по реке, на которой он встал.

«Имя образовалось из вотских и зырянских слов «маска» — телка и «ва» — вода. «Коровья вода», «коровий брод» — вот оно что значит». Таких названий в мире много: вспомните Оксфорд и Оксенфурт.

Это было бы очень убедительно, если бы хоть когда-либо вотские и зырянские границы захватывали нынешнюю Московскую область и бассейн Москва. Не было

такого. Предположение отпадает. Историки решительно против.

«Имя сложено из мерянско-марийских «маска» — медведь и «ава» — самка». Тут не согласны топонимисты: тогда имя Москва оказывается единственным исключением в группе имен на «-ва»; другие-то не имеют никакого отношения к понятию о поле животного.

«Из финского «муста» — черный и пермско-зырянского «ва» — вода». Это снова не устраивает филологов: «муста» — живет в языке западных финнов-суоми, а «ва» — у финнов восточных. На суоми вода — «веси». Вряд ли возможен такой гибрид.

А. Соболевский утверждал, что «Москва слово иранско-скифского происхождения, и понимал его как «сильная гонщица», «охотница», что должно было характеризовать быстрое течение реки. Но течение Москвы не такое уж бурное, в особенности рядом со многими горными реками, хорошо известными скифам... Версия не получила признания.

К «скифам» тянул и другой крупный ученый, Н. Марр, находя в имени Москва «скифояфетическое»

слово «маск» — скот. Однако никаких доказательств своему утверждению он не привел.

Пытались соединять несоединимое: этноним кавказского народа «мосхи» сочетать с финским «ва»; вещь вообще невероятная. Пытались вывести имя Москва из славянского «мост, мостки». Это осталось образчиком курьезных домыслов. Пытались притягивать сюда за волосы такое слово, как «москатель» — химические и красильные товары. Забавно, что другие этимологи одновременно стремились слово «москательный» вывести из названия «Москва», как бы роя туннель навстречу топонимистам. Но и те и другие имели в виду Москву-город, тогда как бесспорно, что имя реки много старше имени города и что к реке, носившей его с незапамятной древности, никак не привяжешь слова с таким значением.

«Западники» указывали на итальянское «москотель», сторонники отечественных гипотез припоминали старорусское «моск» — кремень и основу «хов» (ховать, ховаться), здесь призванную означать «укрытие».

В то же время и некоторые языковеды на Западе обращали внимание на близкие топонимы в далеких западных областях Европы, некогда населенных славянами.

Так, Р. Фишер на IV съезде славистов в 1958 году доложил, что им на карте XV века в бассейне реки Зааль, у Эйхфельдта и Рудольштадта, далеко в центре Тюрингии, где никогда за всю историю Европы не было отмечено присутствия финских племен, обнаружена деревня МОСГАУ. Он это имя возводит к основе «Москва». Но тогда все финские версии сразу же отпадают.

Теперь и на самом деле исследователи склоняются к мысли о том, что имя нашей столицы могло возникнуть из «своих», славянских основ. Может быть, из близких к таким словам, как «мозглый», «мозг». Тогда первоначально оно означало «сырое, болотистое место».

Были возражения: «Москва — город гористый, болот в ней нет». Но ведь речь-то шла не о городе, о реке. Ее имя могло возникнуть вовсе не обязательно под нынешним кремлевским холмом, а в совсем других ее плесах...

У некоторых читателей может мелькнуть досадливая мысль: топонимика, топонимика, а какая ей цена, если даже имя многовекового великого города, столицы народа нашего, столицы не только России, но всего Советского Союза, она до сих пор не может с полной уверенностью раскрыть!

Да, так, но досадовать тут не приходится. Если взять на поверку имена пяти или семи великих городов Европы — БЕРЛИНА, РИМА, ПАРИЖА, МАДРИДА, ЛОНДОНА, ВЕНЫ, то почти про каждое из них можно повторить то же.

«Слово «Берлин» — славянское. По-вендски оно означало «свободное место».

«Имя Берлин» западнославянское. Возникло либо от «лужа, болото», либо «выгон для домашней птицы», либо же от «место, обнесенное забором».

«От славянского личного имени Берла. «Берло» означает «палка, посох» в польском, чешском языках».

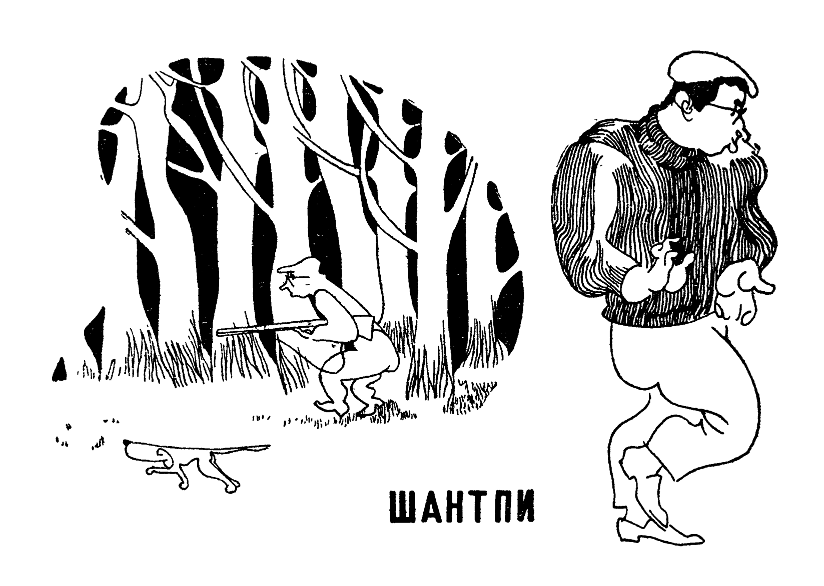
Означает «воровской притон» или же «утиное и гусиное место».

Кроме того, предложены кельтские, балтийские, славянские этимологии, исходящие из самых разнообразных значений: и «озеро», и «речная лука», и «холм», и «запруда», и «таможня», и «место суда». Как говорится, «что угодно для души», а окончательного решения нет, как и по Москве.

Мы знаем, что название города Парижа восходит к имени галльского племени «паризиев», но очень слабо представляем себе, что означал в галльском языке этот этноним: может быть, «корабельщики», а может быть, и «пограничники». Совсем неясно происхождение и первоначальное значение имени Рим: всего вероятнее, что оно связано с этрусским древним названием реки Тибра, но что этот гидроним мог значить, не известно никому.

Словом, куда ни кинь, всюду клин. Хорошо разбираемся мы по преимуществу в сравнительно новых, уже в исторические времена созданных названиях.

Мы знаем, что НЬЮ-ЙОРК первоначально значил «новый город дома герцогов Йоркских». Нам известно, что КЕЙПТАУН означает «город на мысу».

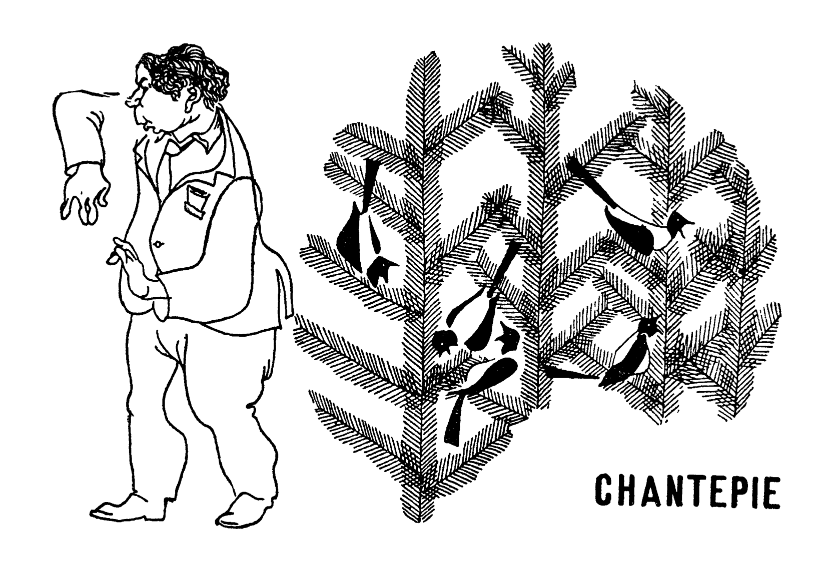

Но — чуть подальше, и уже следы теряются. Да что — подальше? Имя столицы Австралии КАНБЕРРА закреплено за городом только сорок лет назад, в 1927 году, но никто не знает, откуда оно взялось и что значит.

Имя столицы Уругвая — МОНТЕВИДЕО, казалось бы, раскрывается просто и ясно, поскольку «мо́нте ви́дэ э́у» по-португальски значит «вижу гору я», а предание вложило именно такое восклицание в уста одного из Магеллановых матросов, усмотревшего в тумане вершину невысокой горы Эль-Серро над устьем Ла-Платы.

Но вот выдвигается утверждение, согласно которому дело было не так. Имя, говорят, возникло из своеобразной ошибки картографов, которые неверно прочитали запись в шканцевом журнале Магеллана.

Мореплаватель-де по тогдашним правилам занес в тетрадь «MONTE VI DE O», то есть «гора шестая от запада», а они прочли цифру «VI» как «ви»... Не буду сейчас оценивать сравнительные достоинства обоих предположений, скажу только, что если на расстоянии четырехсот пятидесяти лет возможны такие колебания,

то что же надо сказать о более удаленных от нас временах?..

К чему я рассказываю все это?

Только для того, чтобы вернуться к началу главки: если хочешь стать топонимистом, недостаточно прочитать даже самую лучшую научно-популярную книжку об именах географических. Надо пройти солидную университетскую подготовку лингвиста, географа, историка, археолога, этнографа. Надо долго и пристально заниматься специальными разделами филологии, трактующими вопросы ономастики в широком смысле слова. Надо...

Надо ощутить в себе то непреодолимое влечение к данной отрасли знания, без которого вообще не может родиться на свет специалист.

Я не собирался и не собираюсь приводить всех моих читателей в ряды ученых-топонимистов. Более того, одной из моих целей, пока я писал книгу, было отпугнуть от топонимики тех, кто предполагает, что перед ним легкодоступная наука. Скорее полунаука, полуискусство, что-то вроде хиромантии... Затвердил несколько правил, посмотрел на руку доверчивого человека,

и распространяйся насчет «линий его судьбы»: все равно проверить твои выводы никто не может.

Теперь, я думаю, вы убедились, что это далеко не так.

Чтобы стать топонимистом, имеющим право исследовать и предполагать, надо прежде всего быть широко образованным человеком, Образованным и вообще и в частности в области некоторых специальных, обязательных дисциплин (я их уже перечислял).

Теперь примите в расчет вот еще что.

Ученые установили, например, что в пределах Московской губернии (данные относятся к середине двадцатых годов) из 2000 с лишним нанесенных на карты и зарегистрированных в перечнях ее рек и речек у большой половины (у 1350) нет никаких названий. Они безымянны.

Представьте себе, какой переполох поднялся бы, если выяснится, что в большом городе у половины улиц и переулков нет имен?

Что же действительно так: речки безымянны, и все тут? Восемь считанных веков существует Подмосковье, и за восемь веков его жители не удосужились подобрать имена половине его рек, ручьев, болот, лесов? Конечно — нет: имена существуют (или существовали когда-то). Только известны они обитателям ближайших к ним мест. А вот администраторам, землемерам, топографам, в былые дни дьякам и подьячим, в наши времена — работникам земельных отделов и исполкомов они нередко остаются неведомыми. И, не попав ни в какие списки, имена исчезают одно за другим.

Тысяча триста неназванных из двух тысяч! Только имена рек! И только в одной Московской области! А названия лесных рощ, моховых болот и болотцев, распашек и запущенных нив, дорожных росстаней и заброшенных карьеров, глухих озерков и росистых полян в дремучей чаще? Их-то уже десятки тысяч никем не взятых «на карандаш», не записанных, не раскопанных... В Подмосковье!

И если вы примете во внимание, что из этих тысяч топонимов пусть даже в одном проценте отложились некогда факты, события, словесные формы, воспоминания о бывшем и прошедшем, от которых уже нигде,

кроме как в названии места, ничего не сохранилось и о которых уже неоткуда, кроме как из него, узнать ни историку, ни географу, ни лингвисту, — вы поймете и поверите мне, как необходимо проделать неописуемо огромную работу не по объяснению, не по исследованию, хотя бы по простой грамотной регистрации валяющихся в мусоре у нас под ногами никому не заметных драгоценностей.

Помните, что я говорил: в маленькой Швеции взято на учет около 12 миллионов топонимов, а Советский Союз превышает по площади Швецию в 50 раз. С другой стороны, по самым различным причинам во многих небольших странах Западной Европы топонимикой занимаются всерьез уже очень давно и очень упорно, а в нашей стране она только «набирает пары».

Мое дело — зажечь (пусть не в каждом, пусть в одном из сотни моих читателей) интерес к удивительной, нелегкой и прекрасной науке. Если это случится, вы найдете, как проложить пути к углублению ваших сведений о ней. Вы свяжетесь с топонимистами, работающими в университетах и филологических институтах. Вы начнете интересоваться специальными работами по научной топонимике. И вовсе не обязательно, чтобы каждый из вас стал профессором в этой науке. Вполне достаточно, если некоторые из вас найдут в себе силы и желание помочь советским топонимистам хотя бы на первой, необходимой ступени их работы — в собирании первоначального материала по нашим географическим именам.

...Существует несколько градаций в самом отношении человека к топониму. У французского писателя Марселя Пруста есть в одном из его произведений короткий диалог рядового благополучного буржуа с его знакомым буквоедом-топонимистом:

«— Я охочусь чаще всего в лесу ШАНТПИ, — проговорил господин де Камбремер.

— Он оправдывает свое название? — спросил его Бришо.

— Я не улавливаю смысла вашего вопроса...

— Я хочу сказать: много ли там поет сорок?

— Вот видите, — сказал господин де Камбремер, — что значит поговорить с ученым! Я уже пятнадцать лет

охочусь в лесу Шантпи и никогда не задумывался, что значит его имя...»

По-французски «шантэ» — «петь», «пи» — «сорока»... На свете бесчисленное множество Камбремеров, гуляющих по миру и никогда не обращающих на него, и в частности на его имена, никакого внимания. Это одна ступень.

Есть вторая.

«— Кинешма? — рассеянно произнесла путешествующая по Волге на теплоходе героиня романа В. Верховской «Молодая Волга» по имени Нина. — Нерусское слово какое-то.

— Почему нерусское? — возмутился ее спутник, волгарь. — Кинешма — «кинешь мя». Решма — «режь мя». Даже легенда есть насчет этих названий...»

О легендах я уже имел удовольствие с вами беседовать. Теперь я просто хочу еще раз осудить такую легкомысленную «авторитетность».

Один ничего не видит и не знает. Второй видит очень мало, но «знает» уже все. Я надеюсь, что, прочитав мою книгу, вы сумеете занять среднюю позицию: научитесь видеть, слышать, обращать внимание и с живым интересом добиваться правильных решений каждой топонимической загадки. Но не утверждать!

И я завидую вам.

Есть счастливые люди — собиратели грибов, ягод, охотники, рыболовы. С котомками за плечами, с ружьями или спиннингами они бродят по самым душистым, самым росистым, самым солнечным и самым тенистым уголкам земли нашей, и на каждом шагу их ожидают пленительные возможности удачи.

Но у них есть и свои полосы огорчений. Грибы, как известно, появляются «слоями». Ягоды могут быть, а может их не быть. И какие-нибудь зайцы или куропатки делают все, что от них зависит, чтобы радость охотника возникала не слишком часто.

Ваша добыча — топонимы — не подвержена никаким колебаниям. На них всегда урожай. Они не прячутся, никуда не убегают. Идите к ним, они вас ждут.

Вы идете по сосновому бору за городом Лугой и видите речку, вытекающую из озера. Там, где она ныряет под железнодорожное полотно, есть основательный каменный мост, под ним ребята ловят раков. Спросите

у них, как имя моста, и они ответят вам — ТРУБЁНКА! Если вы задержитесь в ближней деревне, то узнаете, что имя осталось за железнодорожным мостом с дней строительства дороги: это не мост, а только труба, хотя и очень солидная. И кто-то из инженеров пренебрежительно назвал трубу «Трубенкой», так она и осталась с этим именем.

Спуститесь вниз, к ручью. Вы узнаете, что его имя ЛУКОМКА, и на вас пахнет уже куда более давними временами. А извилистое узкое озеро справа, из которого вытекает Лукомка, называется ЛУКОМО. И надо уже лезть в словари и справочники. Тогда из ценного «Словаря местных географических терминов» Э. и В. Мурзаевых вы узнаете, например, что на севере России живет еще слово «лу́кома», связанное с «лука́» — извилина — и означающее «извилистый овраг». Все станет вам понятно. И вы углубитесь в тенистые заросли над речкой, и выйдете на место, именуемое «НА ВИРУ» («вир» в диалектах «омут»), и спросите как зовется видная оттуда деревня, и вам скажут, что ее имя СМЕРДИ, и вы перенесетесь уже в совсем далекую даль веков, в какой-нибудь XII и XIII век, когда еще существовали смерды — хлебопашцы, когда как раз и возникали названия первых поселений в этих стародавних русских местах. Такие до предела русские, такие полные глубокого обаяния и такие часто загадочные: НАДЕ́ВИЦЫ и ЗАТУЛЕ́НЬЕ, ЧЕРНАВКА-речка и ПАГУБА-река, ВРАГИ и СЕРЕБРЯНКА. И вдруг среди них, как кол на равнине, ФАН-ДЕР-ФЛИТ?!!

Идите, собирайте их, задумывайтесь над ними, ищите их разгадки. Счастливого вам пути!

СОДЕРЖАНИЕ

Успенский Лев Васильевич

ЗАГАДКИ ТОПОНИМИКИ. (2-е изд.) М., «Молодая гвардия», 1973 г.

272 с. («Эврика»).

Редактор
Н. Филипповский
Художник
Б. Жутовский
Художественный редактор
Б. Федотов.
Технический редактор
Г. Прохорова
Корректор
А. Стрепихеева

Сдано в набор 8/XII 1972 г. Подписано к печати 28/II 1973 г. А00346. Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Бумага № 2. Печ. л. 8,5 (усл. 14,28). Уч.-изд. л. 13,8. Тираж 65 000 экз. Цена 58 коп. Т. П. 1973 г., № 118. Заказ 2219.

Типография издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: Москва, А-30, Сущевская, 21.

Успенский Л. В.

У77 Загадки топонимики. (2-е изд.) М., «Молодая гвардия», 1973.

272 с., с илл. («Эврика»). 65 000 экз. 58 к.

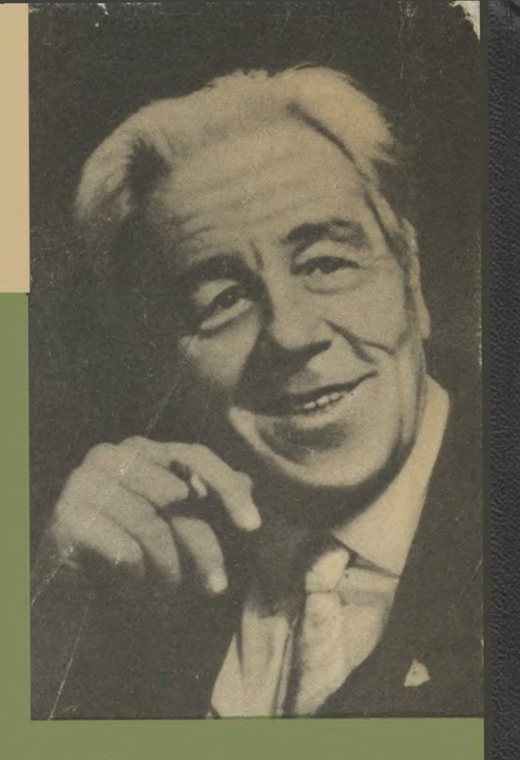
Почему столица Грузии именуется Тбилиси? А одно из исконно русских сел Орлеан? Как возникло название станции Ерофей Павлович?

Книга представляет собой серию очерков о происхождении географических названий — городов, сел, рек, озер; иначе говоря — очерков о топонимике.

$\frac{6-2}{118-73}$ 4

58 коп.

ЛЕВ ВАСИЛЬЕВИЧ УСПЕНСКИЙ

Родился в 1900 году. За свою долгую жизнь побывал землемером, военным топографом, лектором по биологии, преподавал черчение и русский язык, занимался составлением древнерусского словаря Академии наук и был редактором в разных издательствах и журналах. Учился в Петроградском лесном институте. Окончил Институт истории искусств по словесному отделению, а позже аспирантуру при Институте речевой культуры.

Поэтому, вероятно, он и стал писателем многогранным. Работал в прозе и поэзии, в газетах и журналах, на радио и телевидении.

Последние двадцать лет Лев Васильевич, занимается популяризацией науки о языке. Его книги, такие, как «Слово о словах», «Ты и твое имя», широко известны читателю, выходят издание за изданием.

Книга «Загадки топонимики», вышедшая впервые в издательстве «Молодая гвардия» в 1969 году, была отмечена дипломом на Всесоюзном конкурсе общества «Знание».

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

МОСКВА, 1973